

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»

МАТЕРИАЛЫ ТОХАРИСТАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Выпуск 8

Елец – 2011

УДК 902
ББК 63.4
М 34

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
от 03. 02. 2011, протокол № 1*

Научный редактор – академик АН Республики Узбекистан
Э.В. Ртвеладзе

В подготовке сборника к печати принял участие Р.В. Тихо-
нов

М 34 Материалы Тохаристанской экспедиции. Выпуск VIII. –
Елец: ЕГУ им И.А. Бунина, 2011. – 251 с.
ISBN 978-5-94809-515-8

Сборник предназначен для археологов, студентов-
историков и краеведов.

УДК 902
ББК 63.4

ISBN 978-5-94809-515-8

© Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, 2011

В.С. Соловьёв

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

С 2002 г. сотрудник исторического факультета Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, зав. кафедрой всеобщей истории профессор В.С. Соловьев участвует в археологических исследованиях в составе международной Тохаристанской археологической экспедиции на территории Южного Узбекистана. Они ведутся согласно договорам, заключенным ректоратом Елецкого университета и руководством Института искусствознания АН Республики Узбекистан. В рамках этого сотрудничества издательством нашего университета опубликованы два тома «Материалов Тохаристанской экспедиции» (вып. 4, 6). Данный том является 8 выпуском «Материалов экспедиции». Он посвящен 65-летию юбилею В.С. Соловьева, внесшего значительный вклад в изучение истории и культуры одного из государств Среднего Востока – Тохаристана.

В.С. Соловьев переехал в Елец из Таджикистана в 1992 г., работая в Елецком университете, он защитил в 1995 г. докторскую диссертацию, получил звание профессора. Здесь им опубликовано шесть монографий и около ста научных статей. В.С. Соловьев является одним из ведущих специалистов университета, в 2004 году ему присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Коллектив Елецкого государственного университета поздравляет В.С. Соловьева с 65-летним юбилеем, желает ему здоровья и новых творческих успехов!

Ректор Елецкого государственного университета,
профессор В.П. Кузовлев.

Основные даты жизни и деятельности

Виктор Степанович Соловьёв родился в Советском районе Таджикской ССР 12 августа 1946 года.

1965 – 1971 гг. Студент Таджикского государственного университета.

1971 – 1972 гг. Служил в рядах Советской Армии.

1972 – 1973 гг. Аспирант Института истории имени А. Дониша АН Таджикской ССР.

1974 – 1979 гг. Младший научный сотрудник Института истории имени А. Дониша АН Таджикской ССР.

1977 г. Защитил кандидатскую диссертацию «Городище Кафыркала – раннесредневековый центр области Вахш (историко-археологическое изучение)».

1980 – 1985 гг. Старший научный сотрудник Института истории имени А. Дониша АН Таджикской ССР.

1985 – 1990 гг. Заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН Таджикской ССР.

1990 – 1992 гг. Старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН Республики Таджикистан.

1992 – 1996 гг. Доцент Елецкого государственного педагогического института.

1995 г. Защитил докторскую диссертацию «История и культура Северного Тохаристана в раннем средневековье».

1996 – 1998 гг. Проректор по научной работе Елецкого государственного педагогического института.

1998 г. – настоящее время. Профессор кафедры истории, заведующий кафедрой всеобщей истории Елецкого государственного педагогического института (с 2000 г. – Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина).

Экспедиционные работы В.С. Соловьёва

1962, 1964 – 1968 гг. Участие в раскопках буддийского монастыря Аджинатепе.

1965 г. Открытие и раскопки стоянки степной бронзы в совхозе имени Кирова (Вахшская долина).

1966 г. Участие в раскопках погребальных сооружений кушанского времени в Яванской долине.

1967 г. Участие в раскопках могильников эпохи бронзы Тигровая Балка, Ойкуль в низовьях реки Вахш и городища Саксонохур.

1968 г. Участие в раскопках городища Кафиркала и пещерного комплекса в Айвадже.

1969 – 1990, 2004 гг. Раскопки городища Кафиркала в Вахшской долине.

1970 г. Участие в раскопках средневековых памятников на Восточном Памире и городища Тамошотепа.

1972 г. Участие в раскопках на городище Хирмантепа. Разведка в Бешкентской долине (Кобадиян), открытие памятников каменного века.

1973 г. Участие в раскопках курганов кушанского времени в Бешкентской долине.

1974 – 1976 гг. Разведка в низовьях реки Кафирниган. Участие в раскопках городища Калаи Кафирниган.

1977 – 1978 гг. Участие в раскопках замка Уртабоз II (Нижний Уртабоз).

1978 г. Участие в раскопках городища Сайёд.

1979 г. Участие в раскопках города Хульбука. Раскопки на цитадели Калаи Шодмон.

1980 г. Раскопки на Безымянном городище (Кобадиян).

1981 – 1983 гг. Раскопки могильника Харкуш. Открытие стоянки каменного века в долине реки Ширкент. Раскопки на городище Лягман.

1984 – 1985 гг. Раскопки на поселении Ширкент.

1983, 1986 – 1988 гг. Раскопки замка Чормагзтепа.

1986, 1991 гг. Участие в раскопках Храма Окса на городище Тахти Сангин¹.

1993 г. Участие в раскопках Лавского археологического комплекса.

1994 г. Раскопки в старой части г. Ельца.

1995 г. Раскопки усадьбы Буниных в селе Озёрки Становлянского района.

1996 г. Участие в раскопках на Красной площади г. Ельца.

2002 – 2007 г. Раскопки поселения Шуробкурбан.

2004, 2007-08 гг. Раскопки Кафиркалы в Вахшской долине.

2009 г. Раскопки поселения Шуробкурбан в долине Сурхандарьи.

2010 – 2011 гг. Раскопки поселения Дабилькурбан в Пашхурдской долине.

¹ В 1962 – 1991 гг. В.С. Соловьёв принимал участие в работах Таджикской археологической экспедиции и Южно-Таджикистанского археологического отряда. С 1993 г. участвует в археологических работах Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. В 2002 – 2011 гг. – работы в составе узбекско-российской Тохаристанской археологической экспедиции.

Опубликованные работы В.С. Соловьёва

1971

1. Гигант из Аджина-тепа // Вечерний Душанбе. – 1971. – 19 марта.
2. Соловьёв В., Денисов Е. Кафиркала раскрывает тайны // Коммунист Таджикистана. – 1971. – 23 июня.
3. Раскопки на Туп-хоне // Коммунист Таджикистана. – 1971. – 25 августа.

1972

4. Литвинский Б.А., Соловьёв В.С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // Успехи среднеазиатской археологии. – Вып. 1. – Л., 1972. – С. 41 – 47: [Рис. 19 – 21].

1973

5. Керамика Кафыркалы (раскопки 1969 – 1970 гг.) // Археологические работы в Таджикистане (1970). – М., 1973. – Вып. 10. – С. 295 – 303: [Рис. 10 – 11].
6. Юсупов А.Х., Соловьёв В.С. Новые археологические открытия в Яванской долине // Археологические работы в Таджикистане (1970). – М., 1973. – Вып. 10. – С. 62 – 78.
7. Древности Бешкентской долины // Коммунист Таджикистана. – 1973. – 26 июня.

1974

8. Раннесредневековое городище Кафыркала – древний центр Вахшской долины // Тез. докл. конференции молодых научных сотрудников и аспирантов АН СССР. – М., 1974. – С. 205.
9. Раскопки Кафыркалы в Южном Таджикистане // Археологические открытия 1973 г. – М., 1974. – С. 518.
10. Булла из прошлого // Коммунист Таджикистана. – 1974. – 8 января.

11. В журнале «Восток и Запад» // Коммунист Таджикистана.

1975

12. Археологическое изучение городища Кафыркала // Тез. докл. Республиканской конференции молодых учёных. – Душанбе, 1975. – С. 3 – 4.

13. Исследования на городище Кафыркала // Археологические открытия 1974 г. – М., 1975. – С. 545 – 546.

14. Крепость на Кафирнигане // Коммунист Таджикистана. – 1975. – 17 января.

1976

15. Настенная живопись Кафыркалы // Матер. юбил. конференции молодых учёных АН Таджикской ССР (общественные науки). – Душанбе, 1976. – С. 144 – 149.

16. Раскопки на городище Кафыркала // Археологические открытия 1975 г. – М., 1976. – С. 571 – 572.

17. Амосова А.Г., Соловьёв В.С. Стоянка каменного века в Бешкентской долине // Археологические работы в Таджикистане (1972). – Душанбе, 1976. – Вып. XII. – С. 29 – 37.

18. Об одном типе керамических сосудов из кафыркалинской коллекции // Матер. Республ. конференции молодых учёных и специалистов Тадж. ССР, посвящ. 50-летию образования Тадж. ССР и Компартии Таджикистана и 50-летию образования комсомола Таджикистана. – С. 29 – 30.

19. Маъбади Буддои дар сохили Кафарнихон = (Буддийский храм на берегу Кафирнигана). — Занони Тоҷикистон. – № 7 (134). – 1976. – С. 20.

20. Загадки Бешкентской долины // Коммунист Таджикистана. – 1976. – 16 июня.

1977

21. Наконечники стрел из Кафыркалы: Матер. по археологии и истории Таджикистана. – Душанбе, 1977. – С. 56 – 65.

22. О работе Колхозабадского отряда // Археологические открытия 1976 г. – М., 1977. – С. 575 – 576.

23. Оборонительные сооружения городища Кафыркала // Тез. Всесоюзн. научн. конференции «Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана». – Душанбе, 1977. – С. 93 – 95.

24. Раскопки городища Кафыркала в 1973 г. // Археологические работы в Таджикистане (1973). – Душанбе, 1977. – Вып. XIII. – С. 104 – 111.

25. Городище Кафыркала – раннесредневековый центр области Вахш (историко-археологическое изучение): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1977. – 20 с.

26. И взору путника предстал... // Коммунист Таджикистана. – 1977. – 21 мая.

1978

27. Кадимий шахар = (Древний город) // Совет Тожикистони. – 1978. – 5 августа.

28. Рахиблар изидан = (По следам древностей) // Совет Тожикистони. – 1978. – 7 мая.

29. Новое о древнем городе // Коммунист Таджикистана. – 1978. – 8 сентября.

1979

30. Раскопки Кафыркалы в Колхозабаде // Археологические открытия 1978 г. – М., 1979. – С. 586.

31. Городище Кафыркала (К характеристике раннесредневекового города Северного Тохаристана) // Успехи среднеазиатской археологии. – Вып. 4. – Л., 1979. – С. 60 – 62.

32. Раскопки на городище Кафыркала в 1974 г. // Археологические работы в Таджикистане (1974). – Душанбе, 1979. – Вып. XIV. – С. 145 – 155.

33. Амосова А.Г., Соловьёв В.С. Находки каменного века в долине Кафирнигана // Археологические работы в Таджикистане (1974). – Душанбе, 1979. – Вып. XIV. – С. 71 – 77.

34. Амударё сохилидаги кухна шахар = (Древний город на берегу Амударьи) // Совет Тоҷикистони. – 1979. – 14 января.

35. Амударё хазинаси = (Амударьинский клад) // Совет Тоҷикистони. – 1979. – 27 мая.

36. Столичный город – Хелаверд / Беседу записал А. Зиборов // Курган-Тюбинская правда. – 1979. – 16 июня.

37. Скульптура под бульдозером // Коммунист Таджикистана. – 1979. – 20 июня.

38. Тайна древней цитадели / Беседу записал Р. Ибрагимов // Вечерний Душанбе. – 1979. – 28 июля.

39. Суратда-урта аср ови = (На рисунке – средневековая охота) // Совет Тоҷикистони. – 1979. – 12 декабря.

1980

40. Работы Колхозабадского отряда // Археологические открытия 1979 г. – М., 1980. – С. 479 – 480.

41. Работы Колхозабадского археологического отряда в 1975 г. // Археологические работы в Таджикистане (1975). – Душанбе, 1980. – Вып. XV. – С. 179 – 181.

42. Археологические и архитектурные памятники Шаргузского и Кобадиянского районов. – Душанбе, 1980. – 11 с.

43. Хафриети чанубии республика = (Раскопки на юге республики) // Садои шарк. – 1980. – № 12.

44. Кухна калъа муаммоси = (Следы древней крепости) // Совет Тоҷикистони. – 1980. – 9 января.

45. История одного клада // Коммунист Таджикистана. – 1980. – 11 апреля.

46. Археологи смотрят в будущее // Комсомолец Таджикистана. – 1980. – 23 октября.

47. На улицах древнего города // Коммунист Таджикистана. – 1980. – 28 августа.

48. Баня на раскопе // Коммунист Таджикистана. – 1980. – 10 октября.

49. Древние холмы Бешкента // Коммунист Таджикистана. – 1980. – 13 декабря.

1981

50. Культурные связи Северного Тохаристана (в свете новых находок) // Тез. Всесоюзн. конференции «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». – М., 1981. – С. 140 – 141.

51. Два приёма в фортификационном зодчестве Средней Азии // Материалы по истории и культуре Таджикистана. – Душанбе, 1981. – С. 47 – 53.

52. Кайкубодшах // Энциклопедияи советии тоҷик. – Душанбе, 1981. – Т. 3.

53. Кафыркала // Энциклопедияи советии тоҷик. – Душанбе, 1981. – Т. 3.

54. Раскопки Кафыркалы // Археологические открытия 1980 г. – М., 1981. – С. 480.

55. Додхудоева Л., Соловьёв В. Колорит далёкой эпохи // Памир. – 1981. – № 5. – С. 86 – 88. – Рец. на кн.: Айни Л. Искусство Средней Азии эпохи Авиценны. – Душанбе, 1980.

56. Древняя столица Вахшской долины // Курган-Тюбинская правда. – 1981. – 27 марта.

57. Дело о городище Кафыркала // Коммунист Таджикистана. – 1981. – 12 мая.

58. Нам и внукам // Курган-Тюбинская правда. – 1981. – 2 июня.

59. Там, где был Хелаверд // Коммунист Таджикистана. – 1981. – 25 июля.

60. Загадочные письма // Коммунист Таджикистана. – 1981. – 19 сентября.

1982

61. Работы Колхозабадского отряда в 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане (1976). – Душанбе, 1982. – Вып. XVI. – С. 136 – 145.

62. Работы Колхозабадского отряда // Археологические открытия 1981 г. – М., 1982. – С. 491 – 492.

63. Кадфиз: первый или второй // Коммунист Таджикистана. – 1982. – 9 января.

64. Кому нужен динозавр // Коммунист Таджикистана. – 1982. – 6 февраля.

65. Новые находки археологов // Курган-Тюбинская правда. – 1982. – 18 марта.

66. Хранители древностей // Коммунист Таджикистана. – 1982. – 25 июня.

67. Ёдгорихои таърихи — боигарии мост = (Памятники истории – наше богатство) // Хакикати Колхозабад. – 1982. – 12 июня.

68. Додхудоева Л., Соловьёв В. Путешествие в Согдиану // Коммунист Таджикистана. – 1982. – 31 декабря.

1983

69. Зеймаль Т.И., Соловьёв В.С. Работы Уртабозского отряда // Археологические работы в Таджикистане (1977). – Душанбе, 1983. – Вып. XVII. – С. 136 – 157.

70. Изучение Кафыркалы – раннесредневекового города Тохаристана // Тез. Всесоюз. конференции «Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке». – М., 1983. – С. 80 – 81.

71. Работы Колхозабадского отряда // Археологические открытия 1981 г. – М., 1983. – С. 504 – 505.

72. Мунчактепа // Энциклопедияи советии тоҷик. – Душанбе, 1983. – Т. 4.

73. В краю больших минаретов // Памир. – 1983. – № 1. – С. 91 – 92. – Рец. на кн.: Renner G., Selič Ch. Abseits der großen Minarette. – Leipzig, 1982.

74. След древних металлургов // Коммунист Таджикистана. – 1983. – 11 февраля.

75. Кто ты, юноша из Обикиика? // Коммунист Таджикистана. – 1983. – 11 ноября.

1984

76. Работы на Кафыркале в Вахшской долине (раскопки 1978 г.) // Археологические работы в Таджикистане (1978). – Душанбе, 1984. – Вып. XVIII. – С. 167 – 177.

77. Разделы к приложению «Истории искусства народов СССР». – М., 1984. – Т. 9.

78. Разделы для каталога выставки «Живопись и скульптура Таджикистана. Древность и средние века». – Л., 1984. – С. 12 – 13.

79. Извлечь из небытия // Памир. – 1984. – № 6. – С. 53 – 65.

80. Соловьёв В., Собиров К. Хунари ачдодон = (Ремесло древних) // Маданияти Тоҷикистон. – 1984. – 6 января.

81. Замини зарбахш = (Земля золотоносная) // Адабиёт ва санъат. – 1984. – 26 апреля.

82. Додхудоева Л., Соловьёв В. Не предать забвению // Советская культура. – 1984. – 19 мая.

83. Родом из Тохаристана // Коммунист Таджикистана. – 1984. – 26 августа.

84. Такая загадочная кушанская эпоха // Коммунист Таджикистана. – 1984. – 28 октября. – Рец. на кн.: Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии: погребальный обряд. – М., 1984.

85. К характеристике искусства раннесредневекового Тохаристана (Кафыркала) // Советская археология. – 1985. – № 1. – С. 212 – 219.

86. Новые находки древнетюркских изваяний в Южном Таджикистане // Советская археология. – 1985. – № 2. – С. 246 – 248.

87. Этапы развития раннесредневековой фортификации Тохаристана // Тез. докл. Всесоюзной конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии». 26 – 29 мая 1985. Дальверзинтепа. – Ташкент, 1985. – С. 123 – 125.

88. Работы Колхозабадского отряда // Археологические открытия 1983 г. – М., 1985. – С. 571 – 572.

89. Литвинский Б.А., Соловьёв В.С. Средневековая культура Тохаристана. – М.: Наука, 1985. – 263 с.: ил.

90. Додхудоева Л., Соловьёв В. С. Монеты рассказывают // Памир. – 1985. – № 4. – С. 128 – 130.

91. Искусство Средней Азии эпохи Авиценны // Известия отделения общественных наук АН Тадж. ССР. – 1985. – № 2 (120). – С. 104. – Рец. на кн.: Айни Л. Kőzép-Azsia Művészete Avicenna Koräbar. Kepezőművészeti Alap Kiadválata. – Budapest, 1983.

92. Litvinskij B.A., Solovjev V.S. Kafyrkala. Frühmittelalterliche Stadt im Vachš-Tal. Süd-Tadžikistan. – München: Verlag C. H. Beck, 1985. – 106 с.: ил.

93. Litvinskij Boris A., Solov'ev Viktor S. L'Art du Toxaristan à l'époque du Haut Moyen Âge (monuments non bouddhiques) // Arts Asiatiques. – 1985. – Т. XL. – Р. 5 – 17.

94. Разделы для каталога выставки в Государственном Эрмитаже «Древности Таджикистана». – Душанбе: Дониш, 1985. – С. 162 – 163.

95. Буткадахои Тахористон = (Буддизм Тохаристана) // Адабиёт ва санъат. – 1985. – 14 февраля.

96. Что может музей // Комсомолец Таджикистана. – 1985. – 13 марта.

97. Кто владел саблей со львами? // Коммунист Таджикистана. – 1985. – 28 сентября 1984 г.

1986

98. Раскопки на Кафыркале в 1979 г. // Археологические работы в Таджикистане (1979). – Душанбе, 1976. – Вып. XIX. – С. 203 – 215.

99. Литвинский Б. А., Соловьёв В. С. Раскопки на Калаи Шодмон в 1979 г. // Археологические работы в Таджикистане (1979). – Душанбе, 1986. – Вып. XIX. – С. 216 – 234.

100. Поселение Ширкент // Археологические открытия 1984 г. – М., 1986. – С. 87 – 91.

101. Культура раннесредневекового города Тохаристана // Городская среда и культура Бактрии – Тохаристана и Согда IV в. до н. э. – VIII в. н. э.: Тез. докл. сов-франц. коллоквиума. Самарканд, 25 – 30 августа 1986 г. – Ташкент, 1986. – С. 107.

102. Сохраним культурное наследие // Памир. – 1986. – № 7. – С. 114 – 119.

103. Пуштахои кадимии Бешкент = (Древние холмы Бешкента) // Садои Шарк. – 1986. – № 6. – С. 87 – 91.

104. Сохраним Чормагзтепа! // Коммунист Таджикистана. – 1986. – 19 марта.

105. Додхудоева Л., Соловьёв В. Сбережь культурное наследие // Коммунист Таджикистана. – 1986. – 11 ноября.

106. Голосуют за мир. – Коммунист Таджикистана. – 1986. – 20 мая.

1987

107. Археологические раскопки в горном Тохаристане // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. Всесоюзн. конференции (Суздаль, 1987). – М., 1987. – С. 237 – 238.

108. Оборонительные сооружения Нижнего Уртабоза // Материальная культура Таджикистана. – Душанбе, 1987. – Вып. 4. – С. 115 – 126.

109. Погребальный обряд раннесредневекового Тохаристана // Прошлое Средней Азии. – Душанбе, 1987. – С. 157 – 164.

110. Новиков В.П., Радилиловский В.В., Соловьёв В.С. Геолого-археологические исследования в бассейне р. Ширкент // Известия отделения общественных наук АН Тадж. ССР. Серия востоковедения. – 1987. – № 1. – С. 26 – 33.

111. Раскопки в горном Тохаристане // Археологические открытия 1985 г. – М., 1987. – С. 621 – 622.

112. Работы в Бешкентской долине в 1980 г. // Археологические работы в Таджикистане (1980 г.). – Душанбе, 1987. – Вып. XX. – С. 165 – 171.

113. Работы на Кафыркале в Вахшской долине в 1980 г. // Археологические работы в Таджикистане (1980 г.). – Душанбе, 1987. – Вып. XX. – С. 172 – 178.

114. Новые находки древнетюркских изваяний в Южном Таджикистане: [На уйгурском языке] // Шинчан маданиядгариклар. – Урумчи, 1987. – № 1. – С. 58 – 60.

115. Тепаи Шох // Энциклопедияи советии тоҷик. – Душанбе, 1987. – Т. 7.

116. Тахти Кубод // Энциклопедияи советии тоҷик. — Душанбе, 1987. — Т. 7.

117. Письмо из древности // Коммунист Таджикистана. – 1987. – 10 января.

118. Дары безымянного царя // Коммунист Таджикистана. – 1987. – 11 ноября.

1988

119. Изучение раннесредневекового Хелаверда // Археологические открытия 1986 г. – М., 1988. – С. 518 – 519.

120. Работы Колхозабадского отряда в 1981 г. // Археологические работы в Таджикистане (1981). – Душанбе, 1988. – Вып. XXI. – С. 348 – 362.

121. Раскопки могильника Харкуш // Археологические работы в Таджикистане (1981). – Душанбе, 1988. – Вып. XXI. – С. 363 – 373.

122. The Grand Exhibition of Silk Road Civilization. – Nara, 1988.

123. Калаи Кафарнигон // Энциклопедияи советии тоҷик. – Душанбе, 1988. – Т. 8.

124. Кабристони Тулхор // Энциклопедияи советии тоҷик. – Душанбе, 1988. – Т. 8.

125. Кумтепа // Энциклопедияи советии тоҷик. – Душанбе, 1988. – Т. 8.

126. Курум // Энциклопедияи советии тоҷик. – Душанбе, 1988. – Т. 8.

127. Не дай исчезнуть следам истории // Коммунист Таджикистана. – 1988. – 11 сентября.

128. Тайна древнего города // Коммунист Таджикистана. – 1988. – 22 декабря.

1989

129. К вопросу о культурных связях Средней Азии с Ираном в раннем средневековье // Борбад, эпоха и традиции культуры. – Душанбе, 1989. – С. 303 – 308.

130. Город в социально-экономической структуре раннесредневекового Тохаристана // Тез. регион. конференции Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы «Город и процесс урбанизации в Средней Азии»). – Ташкент, 1989. – С. 64 – 65.

131. Kafyrkala. 2000 Jahre Kunst am Oxusfluss in Mittelasien. Oxus neue Funde aus Sowjetrepublik Tadschikistan. Museum Rietberg. – Zürich, 1989. – S. 39, 72 – 73, 88 – 89.

132. Dushanbe: The Dust of Centures. – Soviet Land. – 1989. – № 2. – P. 17.

133. Душанбе: По следам далёкого прошлого // Коммунист Таджикистана. – 1989. – 1 февраля.

134. Ещё один долгострой // Коммунист Таджикистана. – 1989. – 2 ноября.

1990

135. Litvinsky Boris, Solov'ev Viktor. The Architecture and Art of Kafyr Kala (Early Medieval Tokharistan) // Bulletin of the Asia Institute. – New Series. – 1990. – Vol. 4. – P. 61 – 75.

136. Раскопки городища Кафыркала и могильника Харкуш в 1982 г. // Археологические работы в Таджикистане (1982). – Душанбе. – 1990. – Вып. XXII. – С. 283 – 290.

137. Взаимодействие керамики и торевтики Тохаристана в раннем средневековье // Барбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. – Душанбе, 1990. – С. 188 – 190.

138. Une plaque de terre cuite de Kafyrkala // Arts Asiatiques. – 1990. – Т. XLV. – P. 144 – 145.

139. Древности Таджикистана в Мюнхене // Коммунист Таджикистана. – 1990. – 13 мая.

140. Там, где начинается Ширкент // Коммунист Таджикистана. – 1990. – 28 августа.

1991

141. Могильник Харкуш. В кн.: Природа и древности Ширкента. – Душанбе, 1991. – С. 127 – 154.

142. Раскопки и разведки в долине реки Ширкент в 1983 г. // Археологические работы в Таджикистане (1983). – Душанбе, 1991. – Вып. XXIII. – С. 214 – 217.

143. Керамическая плитка из Кафыркалы // Советская археология. – 1991. – № 3. – С. 270 – 272.

1992

144. Денежно-вещевой клад из Душанбе // Российская археология. – 1992. – № 1. – С. 239 – 243.

145. Древняя столица Вахшской долины // Наследие предков. – Душанбе, 1992. – № 1. – С. 25 – 29.

146. Древности Таджикистана в Западной Европе // Наследие предков. – Душанбе, 1992. – № 1. – С. 110 – 111.

1993

147. Ранов В.А., Соловьёв В.С. Душанбе – город древний. – Душанбе: Дониш, 1993. – 172 с.: ил.

148. Раскопки на поселении Ширкент в 1984 г. // Археологические работы в Таджикистане (1984). – Душанбе, 1993. – Вып. XXIV. – С. 326 – 334.

149. Соловьёв В.С. [Статьи № 39, 42, 49] // *Oxus. Tesori dell'Asia Centrale*: Каталог выставки. – Roma, 1993.

1994

150. Раскопки поселения Ширкент в 1985 г. // Археологические работы в Таджикистане (1985). – Душанбе, 1994. – Вып. XXV. – С. 195 – 197.

151. Соловьёв В.С., Тропин Н.А. Актуальные вопросы археологического изучения территории г. Ельца // История – философия – культура: Историко-философские чтения. – Липецк, 1994. – С. 88 – 89.

152. Соловьёв В.С., Тропин Н.А. Работы на Верхнем Дону // Археологические открытия 1993 года. – М., 1994. – С. 96.

1995

153. О новой интерпретации двух памятников искусства Тохаристана // Материалы международной конференции, посвящённой 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И.А. Бунина. – Елец, 1995. – С. 9 – 11.

154. Новая интерпретация двух памятников искусства Тохаристана // Сборник докладов, прочитанных на международной научной конференции в Елецком государственном педагогическом институте 7 – 12 сентября 1995 г. – Елец, 1995. – С. 32 – 38.

155. Археологическое изучение усадьбы Буниных в селе Озёрки Становлянского района // Материалы научно-краеведческой конференции, посвящённой основателю Ли-

пецкого краеведческого музея М.П. Трунову. – Липецк, 1995. – С. 76.

156. История и культура Северного Тохаристана в раннем средневековье: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1995. – 36 с.

1996

157. Керамическое производство Ельца XVII – XVIII вв. // Материалы научной конференции, посвящённой 850-летию г. Ельца. – Елец, 1996. – С. 60 – 61.

158. Состояние и перспективы научного сотрудничества между вузами Липецкой области // Материалы научно-практической конференции по итогам НИР за 1995 г. – Липецк, 1996. – С. 3.

159. Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. – Елец, 1996. – 82 с.: ил.

160. Рец. на кн.: Annaev T.D. Early medieval settlement in northern Tokharistan. – Tashkent, 1988 // Information Bulletin. The International Association for the Study of the cultures of Central Asia. – М., 1996. – Р. 236 – 239.

161. О чём рассказали черепки // Красное знамя. – 1996. – 28 мая.

162. Научный потенциал ЕГПИ очень высок /Беседу записала О. Ельникова // Красное знамя. – 1996. – 23 мая.

163. Земля открывает тайны // В краю родном. – 1996. – 29 августа.

1997

164. Северный Тохаристан в раннем средневековье. – Елец, 1997. – 210 с.: ил.

165. Новосельцев А.В., Соловьёв В.С., Тропин Н.А. Воскресенский собор г. Ельца: Архитектурно-археологические исследования, 1996 г. – Елец, 1997. – 14 с.: ил.

1998

166. Археологическая стратиграфия г. Ельца // Археология юго-востока Руси. – Елец, 1998. – С. 47 – 48.

167. История и культура Бактрии — Тохаристана в свете исследований Южно-Таджикистанской археологической экспедиции // Тез. докл. Междунар. научной конференции, посвящённой 75-летию действительного члена АН Таджикистана, доктора исторических наук, профессора Б.А. Литвинского. Москва, 14 – 16 октября 1998. – М., 1998. – С. 92 – 94.

168. К 75-летию Бориса Анатольевича Литвинского // Вестник древней истории. – 1998. – № 3. – С. 229 – 230.

169. Елец – город, вставший на границе с «Диким полем» // Наука и жизнь. – 1998. – № 9. – С. 102 – 106.

170. Средняя Азия в IV – V вв. н. э. // История таджикского народа. – Т. 1. – Душанбе, 1998. – Гл. X. – С. 468 – 491.

1999

171. Раннесредневековый город Тохаристана по материалам раскопок Кафыркалы // Российская археология. – 1999. – № 2. – С. 172 – 180.

172. Этапы развития археологии Таджикистана // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. – Вып. 2. – Елец, 1999. – С. 72 – 76.

173. Ремесленное производство Средней Азии в V – VII вв. // История таджикского народа. – Т. 2. – Душанбе, 1999. – С. 99 – 121.

174. Археологическое краеведение в школе // Историческое краеведение Липецкой области: Учебное пособие для средних и старших классов общеобразовательной школы. – Елец, 1999. – С. 19 – 26.

175. В 12-м веке Елец был / Беседу записала О. Ельникова // Красное знамя. – 1999. – 19 января.

2000

176. Глиняное серебро // Наука и жизнь. – 2000. – № 7. – С. 140.

177. Деятельность Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА) в Таджикистане // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. – Вып. 3. – Елец, 2000. – С. 215 – 221.

178. О коридорно-гребенчатой планировке в древней архитектуре Средней Азии // Тез. докл. юбил. науч. конференции, посвящённой 80-летию отдела Востока Государственного Эрмитажа. – СПб., 2000. – С. 38 – 40.

179. «Меня ждёт город в песках...» / Беседу записала О. Ельникова // Красное знамя. – 2000. – 28 марта.

180. Древний Восток: Авторская рабочая программа для студентов 1-го курса исторического факультета ЕГПИ. – Елец, 2000. – 18 с.

181. Средневековая керамика Безымянного городища (Кобадиян) // Средняя Азия. Археология, история, культура. – М. - СПб., 2000. – С. 105 – 111.

2001

182. К вопросу о генезисе культуры раннесредневекового Тохаристана // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М., 2001. – С. 418 – 424.

183. Роль буддизма в культуре раннесредневекового Тохаристана // Восток – Россия – Запад: мировые религии и искусство: Материалы международной научной конференции. – СПб., 2001. – С. 167 – 169.

184. Рецензия на книгу: Хмельницкий С. Между кушанами и арабами. – Берлин: Рига, 2000 // Восток, 2001. – № 4. – С. 183 – 186.

185. Зороастризм в раннесредневековом Тохаристане // Avesta and its place in the development of humanity. – Ташкент: Ургенч, 2001. – С. 97 – 99.

186. Замок Балалыктепа: раскопки, стратиграфия, датировка и интерпретация настенной живописи // San'at. – 2001. – № 4. – С. 14 – 17.

187. Направления культурных связей Средней Азии в раннем средневековье // Материалы межвузовских научно-методических чтений памяти К.Ф. Калайдовича. – Вып. 4. – Елец, 2001. – С. 159 – 162.

2002

188. Культурные связи Ирана и Средней Азии в раннем средневековье // Материалы межвузовских научно-методических чтений памяти К.Ф. Калайдовича. – Вып. 5. – Елец, 2002. – С. 133 – 136.

189. К 60-летию Эдварда Васильевича Ртвеладзе // Вестник древней истории. – 2002. – № 3. – С. 236 – 237.

190. Настенная живопись Тавки // San'at. – 2002. – № 4. – С. 10 – 11.

2003

191. Сцена свадебного пира в изобразительном искусстве раннесредневекового Тохаристана // Центральная Азия. Источники, история, культура: Материалы международной конференции, посвящённой 80-летию Елены Абрамовны Давидович и Б.А. Литвинского. – М., 2003. – С. 150 – 152.

192. Новая литература по археологии Узбекистана // Российская археология. – 2003. – № 2. – С. 171 – 175.

193. Возвращение в Тохаристан // Общественное мнение. Права человека. – Ташкент, 2003. – № 2. – С. 181 – 183.

194. По следам Александра Македонского // Красное знамя. – 2003. – № 123 (14 августа).

2004

195. Ртвеладзе Э.В., Соловьев В.С. Предисловие к «Материалам Тохаристанской экспедиции». – Вып. 4: Археологические исследования Шуробкурмана. – Елец, 2004. – С. 3 – 4.

196. Раскопки второго домовладения // Материалы Тохаристанской экспедиции. – Вып. 4: Археологические исследования Шуробкурмана. – Елец, 2004. – С. 76 – 116.

197. К 80-летию академика Б.А. Литвинского // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Вып. 6. – Елец, 2004. – С. 249 – 252.

198. Рецензия на книгу: Рахмонова Ш. Тавка (К истории древних таможенных сооружений Узбекистана). – Ташкент, 2001 // Российская археология. – 2004. – № 4. – С. 161 – 162.

199. Вопросы датировки и интерпретации раннесредневековой живописи Тохаристана // Transoxiana. История и культура. – Ташкент, 2004. – С. 89 – 94.

200. Божественный заступник // Красное знамя. – 2004. – 29 июля.

2005

201. У истоков археологии Таджикистана. – Елец, 2005. – 117 с.: ил.

202. Раскопки на городище Кафыркала в 1990 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Вып. XXX. – Душанбе, 2005. – С. 224 – 227.

203. Раскопки жилого дома на Кафыркале в Вахшской долине // Археологические работы в Таджикистане. – Вып. XXX. – Душанбе, 2005. – С. 228 – 234.

204. Датировка и интерпретация настенной живописи Тавки // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. – СПб., 2005. – С. 194 – 195.

205. О некоторых особенностях искусства раннесредневекового Тохаристана // Межвузовские научно-практические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. – Вып. 6. – Елец, 2005. – С. 169 – 172.

206. Н.А. Маев – первый русский исследователь Восточной Бухары // Центральная Азия. Источники, история, культура. – М., 2005. – С. 681 – 691.

207. Гром грянул. А мы его не услышали // Красное знамя. – 2005. – 4 августа.

208. Раскопки городища Кафыркала (Хелаверда) в 1986 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Вып. 36. – Душанбе-Худжанд, 2005. – С. 438 – 445.

2006

209. В тени туранги. – Елец, 2006. – 51 с.: ил.

210. Новая литература по археологии Таджикистана (2000 – 2004 гг.) // Российская археология. – 2006. – № 2. – С. 167 – 170.

211. Археологическое изучение Шуробкурмана // Российская археология. – 2006. – № 3. – С. 128 – 136.

212. К интерпретации живописи Балалыктепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. – Вып. 6. – Елец, 2006. – С. 153 – 157.

213. Ртвеладзе Э.В., Соловьев В.С. Предисловие к Материалам Тохаристанской экспедиции. – Вып. 6. – Елец, 2006. – С. 3.

214. Снег выпал – дворники исчезли // Красное знамя. – 2006. – 19 января.

215. Древняя Русь и Средняя Азия (к вопросу о культурных связях) / Археология юго-востока Руси. Материалы IV научной конференции. – Елец, 2006. – С. 264 – 267.

2007

216. Новая литература по археологии Узбекистана (2001 – 2002 гг.) // Российская археология. – 2007. – № 2. – С. 153 – 157.

217. Искусство раннесредневекового Тохаристана. – Елец, 2007. – 129 с.: ил.

218. Древняя Русь и Средняя Азия // Ирано-Славика. – 2007. – № 1-2(14). – С. 19.

219. Раскопки в Таджикистане и Узбекистане (Археологические открытия. – М., 2007.

2008

220. Кушано-сасанидский период в истории Бактрии-Тохаристана // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Вып. 8. – Елец, 2008. – С. 218 – 222.

221. Изучение Кафиркалы – раннесредневековой столицы области Вахш (Северный Тохаристан) // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. 2008. – Т. II. – М., 2008. – С. 296 – 297.

222. История и культура Древней Бактрии: Учебное пособие. – Елец, 2008. – 47 с.: илл.

223. Типы поселений раннесредневекового Тохаристана // Вестник Елецкого университета. Вып. 22 Серия История, археология. – Елец, 2008. – С. 76 – 82.

2009

224. Новая литература по археологии Таджикистана (2005 – 2007 гг.) // Российская археология. – 2009. – № 1. – С. 182 – 183.

225. Раскопки вахшской Кафиркалы в 2007 году. Археологические работы в Таджикистане. – Вып. XXXIII. – Душанбе, 2009. – С. 221 – 224.

2010

226. Взаимодействие культур земледельцев и кочевников в раннесредневековом Тохаристане // Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конфе-

ренции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. – СПб., 2010. – С. 298 – 301.

227. Материалы для изучения стратиграфии городища Дабилькурбан // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Сборник материалов. – Вып. 9. – Елец, 2010. – С. 143 – 148.

228. Кафедра всеобщей истории на современном этапе // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Сборник материалов. – Вып. 9. – Елец, 2010. – С. 143 – 148.

229. О черепках из Шуробкурбана // Красное знамя. 13.03.2010 г.

2011

230. Кафиркала и Шуробкурбан. – Елец, 2011. – 103 с.: илл.

231. Соловьев В.С. Павлова С.В. Археологические данные к истории арабского завоевания Тохаристана // Проблемы истории, археологии, культуры. – Вып. 1.(31) – Москва - Магнитогорск - Новосибирск, 2001. – С. 85 – 90.

232. Памяти Бориса Анатольевича Литвинского (1923 – 2010) // Российская археология. – 2011. – № 2. – С. 188 – 189.

233. Тимур-правитель Средней Азии (факты биографии) // На степном пограничье: Верхний Дон в Средневековой истории России. – С. 46 – 50.

234. Богиня из Пашхурда // Красное знамя. – № 1 – 2. 13.01.2011 г.

235. Фрагмент сабли из Южного Таджикистана / Материалы Тохаристанской экспедиции. – Вып. 8. – Елец, 2011. – С. 198 – 202.

Работы, отредактированные В.С. Соловьёвым

1. Хрестоматия по истории Таджикской ССР. – Душанбе, 1987. – 157 с.: ил.
2. История Таджикской ССР для 7 – 8 классов. – Душанбе, 1987. – 100 с.: ил.
3. Природа и древности Ширкента. – Душанбе, 1991. – 161 с.: ил.
4. Сборник докладов, прочитанных на Международной научной конференции в Елецком государственном педагогическом институте 7 – 12 сентября 1995 г. – Елец, 1995. – 209 с.
5. Материалы международной научной конференции, посвящённой 850-летию г. Ельца. – Елец, 1996. – 216 с.
6. Материалы региональной научной конференции «Археология Юго-Востока Руси». – Елец, 1998. – 76 с.: ил.
7. Историческое краеведение Липецкой области. – Елец, 1999. – 129 с.: ил.
8. Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. – Вып. 2. – Елец, 1999. – 115 с.
9. Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. – Вып. 3. – Елец, 2000. – 278 с.
10. Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. – Вып. 4. – Елец, 2001.
11. Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. – Вып. 5. – Елец, 2002.
12. Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. – Вып. 6. – Елец, 2004.
13. Материалы Тохаристанской экспедиции. – Вып. 4, 6: Археологические исследования Шуробкурмана. – Елец, 2004. – 118 с.

Литература о В.С. Соловьёве

- 1 . Литвинский Б. Фрески Калаи Кафирниган // Вокруг света. – 1976. – № 5. – С. 44 – 45.
- 2 . Georg Renner, Christa Selič. Abseits der großen Minarette. – Leipzig, 1982. – S. 193 – 195.
- 3 . Милибанд С.Д. Соловьёв Виктор Степанович: [8 названий] // Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов / Сост. С.Д. Милибанд. – Т. II. – М., 1995. – С. 429 – 430.
- 4 . John S. Schoberlein-Engel. Guide to Scholars of the History and Culture of Central Asia. – Harvard, 1995. – P. 246.
- 5 . Липецкая энциклопедия. – Т. 3. – Липецк, 2001. – С. 266.
- 6 . Холжураев Х., Каримов О. Выдающийся археолог и знаток Средней Азии. – Худжанд, 2003. – С. 75 – 76, 86, 88.

«ДОМ ОГНЯ» В ГОРОДЕ КАЯЛЫКЕ

Нельзя составить правильного и полного представления о периодизации в истории развития древней оседлой культуры Средней Азии и Казахстана без выявления прошлого его былых крупных населенных пунктов.

академик М.Е. Массон

Каялык – столица тюркского государства Карлуков, упоминался многократно в записках путешественников. Особенно интересны сведения посла папы Иннокентия IV. В апреле 1245 г. в столицу монголов была отправлена миссия с монахом Плано Карпини. Более двух лет длилось путешествие через многие земли и различные государства. Осенью 1247 г. Плано Карпини вернулся в Лион и представил папе Иннокентию IV ответ монгольского хана Гуюка и подробнейший отчет о путешествии. Через несколько лет французский король Людовик IX посылает представителей в Монголию. Эту миссию возглавил монах Гильом Рубрук. По возвращению в 1256 г., он подробно описал свою поездку. В нем отмечен маршрут путешествия, имеются сведения о разных городах, зафиксированы обычаи народов и их вероисповедания (Байпаков и др., 2009, с. 172 – 175).

Каялык был самым большим среди других в Приджунгарье. Развалины этого бывшего города раскинуты на 90 га. С юга и юго-востока от него растянута отроги горного массива Приджунгарской гряды, с которой стекают многочисленные водные артерии. Через городище протекает небольшая река Ащибулак. В 6 км к востоку бушует река Лепса. Топография городища Антоновка сделана цифровой трехмерной топосъемкой, выполнена с высоты 600 м. Городище имеет прямоугольную форму с вытянутой северо-восточной и юго-западной стороной. Юго-западная часть городища немного расширена. В середине города находилась цитадель размером 241x225 м. Стены возводились методом заливки сырой глины по ширине 4 – 5 м при высоте 5 – 7 м, но на современном этапе они расплылись до 10 – 13 м, а высота их не превышает трех метров. С внешней стороны стены защищали оборонительные рвы с водой шириной

10 – 17 м, глубиной 1 – 2 м. Современные строительные работы повредили некоторые участки городища. Так юго-восточная линия городской стены была нивелирована и использована в качестве основы для асфальтированной магистрали, проходившей вдоль хребта от города Сарканд. Часть северо-восточной линии стены также выровнена для проселочной дороги. Северная часть городища занята современными постройками села Антоновка (Байпаков и др., 2007, с. 56).

Многочисленные бугры и впадины привлекают археологов. На протяжении больше десяти лет под руководством академика К.М. Байпакова и Д.А. Воякина изучена центральная часть цитадели периода XIII в., вскрыт объект «манихейский храм», к западу от цитадели расчистили городскую баню, раскопан дом у западных ворот периода кон. XII – нач. XIV в., на правом берегу речки Ащикбулаг обнаружены два мавзолея, возведенные из жженого кирпича с оформлением портала резной терракотой. За пределами города открыли буддийский храм. Около северо-западной крепостной стены в 180 м от ворот находятся всхолмления четырех угольного строения размером 100х90 м высотой до 3 м с пониженной серединой. В юго-западной части его был заложен стратиграфический шурф, который показал обживание этой территории (VI – XIII в) с архитектурными и культурными горизонтами. С восточной стороны стратиграфического шурфа был заложен контрольный раскоп в пределах 8х6 м. Зафиксировали стену из сырцового кирпича и часть помещения. После окончания археологического сезона, его засыпали. Прошло десять лет.

Перед нами была поставлена задача последовательно изучить эти зафиксированные строительные горизонты на площади в 40 кв. м. Раскопочные работы начали с этого же участка. Дерном затянуло всю площадь и уже не видны следы раскопа. Разметили площадку 16х16 м. Очистили северную стену здания и помещение, вскрытое ранее. Дальнейшие работы показали, что здесь располагался жилой дом. Планировка здания включала семь помещений. Они несли функцию жилых и хозяйственных назначений. Стены были оштукатурены глиняной штукатуркой, а в жилых помещениях стены покрыты тонкой белой побелкой. В доме почти в каждой комнате была встроена отопительная система с очагом – тандыром и каналами. В один или в два ряда каналы проходили в суфах и в полу вдоль них.

Главный вход находился с восточной стороны и оформлен глубоким айваном. Вход закрывался деревянной дверью, которая лежала у входа внутри центрального помещения. Были найдены все железные принадлежности, закрепленные с внутренней стороны. Это цепочка, кольцо, крючок и замок. Вдоль северной стены центрального помещения располагалась суфа с очагом, на котором стоял котел с гороховой кашей. В середине помещения нашли круглое стекло от окна. Стекло тонкое в 1 мм, края завернуты. Немного западнее стояла крынка с двумя ручками. Ближе к югу было обнаружено скопление деревянных палок, при их расчистке, под ними лежал детский горшок, весь обгорелый. Значит, палочки принадлежали детской кроватке – бейсик. Восточнее кровати, лежал сосуд-маслобойка. В нижней части сосуда сквозная дырочка. Почти у южной стенки нашли женскую заколку из костяной палочки, а наверху украшено голубем. Размер заколки 11х4 м. На суфе лежали мелкие фрагменты стекла. Одна с узором, другая от донца с изгибом. Недалеко от оконного стекла лежали три фрагмента пиалы. Они покрыты зеленой глазурью с обеих сторон.

Из центрального помещения можно пройти в два хозяйственных, расположенных севернее. В помещении справа находились суфы вдоль северной и восточной сторон, а с юга располагались закрома. В суфе, северо-западном углу, сооружен очаг – тандыр диаметром 0,5 м, от которого отходили отопительные каналы. По лицевой стороне тандыра процарапаны дугообразные фигуры. Рядом с очагом стояла маслобойка. Его венчик переходит в раздутое тулово и резко опускается ко дну. Чуть выше донца, на стенке, сделано сквозное отверстие. На полу лежал костяк женщины лет 25 – 27, головой на северо-запад. Левая рука немного согнута. Слева от головы находился кувшин, узкогорлый с примятым сливом, ручка от горла опущена на широкую часть тулова. Кувшин выполнен на станке из серой глины. В стенке тандыра был найден наконечник стрелы. Он железный по форме длинного листочка, разбухший 5х1,2 см.

Во втором помещении на южной суфе вставлены очаг – тандыр и очаг с установленным котлом. Вдоль северной стены располагалась отопительная система, идущая от печи.

К западу от помещения 4 находилось изолированное помещение 3. Пол имел утрамбовку и тонкую заливку. В юго-

восточном углу располагалась большая печь. В середине помещения лежали галечные камни и железный шлак. Оно, возможно, было мастерской. Здесь на полу нашли чирог – плошка с носиком, изготовленный ручной лепкой. Плошка имела толстый нагар от масла, видимо, светильником часто пользовались.

В южной половине дома два жилых помещения. В восточном помещении находится широкая суфа, единая вдоль северной и восточной стен. Они имели отопительную систему. Каналы в два ряда идут вдоль всей восточной суфы и поворачивают на запад вдоль всей южной суфы. Первый канал выведен из сырцового кирпича. Второй сверху перекрыт жженым кирпичом в два ряда. Жженный кирпич стандартный 25х25х4 см. На суфе лежал молочник с примятым сливом, шаровидным туловом и ручкой петелькой. Сосудик этот выполнен из серой глины на гончарном круге. Рядом находился светильник. Он выполнен лепкой, по форме плошка с носиком. Чираг много раз использовался и весь запыл нагаром от масла. Справа в помещении тоже сооружена широкая суфа с отопительной системой.

Айван представлял собой помещение с открытой восточной стороной. Заполнен был натеками и надувным слоем.

Вскрытое здание размером 16,5х12 м представляет жилой дом с очень компактной планировкой комнат, с продуманной отопительной системой в суфах, на которых отдыхали жители дома. При возведении здания из сырцового кирпича, размером 37-38х21-22х7 см, были предусмотрены инженерные расчеты от землетрясения, которые выражались в стяжке вертикальных и горизонтальных балок. В каждой стене устанавливались две балки на каменном основании. Они же держали плоское перекрытие. Дом погибает от внезапного нападения и пожара. Даже женщина осталась в помещении. Все бытовые предметы стояли на своих местах. По керамическому материалу, собранного в доме, можно сказать, что трагедия произошла в XIII в. Место было заброшено.

По стратиграфии зафиксировали, что только западная стена дома находилась на гребне нижележащего комплекса.

Во втором строительном горизонте вскрыт комплекс, где было пятнадцать помещений. Строение возведено из сырцового кирпича размером 40-42х21-22х10 см. Он устанавливался в деревянные коробки из балок, торцевой стороной один ряд, а

следующий один ряд плашмя и так в чередовании. Возводились параллельно две такие линии, а середина заполнялась сырой глиной. Стены приобретали толщину от 60 – 90 см. Они покрывались толстой глиняной обмазкой, потом затирались алебастром и белились меловой побелкой красного цвета. Архитектурный комплекс функционировал длительный промежуток времени и подвергался большим ремонтным и перестроечным работам после каких-то природных потрясений. Помещения компоновались вокруг одного, центрального 4 размером 4х3 м с проходом в южной стене. После ремонта проход сделали с восточной стороны. Внутри пол с тонкой алебастровой заливкой. Вокруг него были коридоры.

Помещение 1 расположено в северной части здания. На начальном этапе функционирования в помещении находилась суфа у южной стены, на которой в середине был установлен из кирпича алтарь. После ремонта его убрали, но прокаленное пятно на суфе осталось. Алтарь поставили немного правее и перед ним положили керамический квадратный поддон. Алтарь выполнен из керамической глины и обожжен. Две одинаковые полукруглые части составляли подковообразное пространство диаметром 0,45 м. Щеки алтаря украшены прорезной плетенкой. Керамический поддон, заполненный серо-белой тонкой золой. Пространство около этой культовой части было огорожено стенками в один кирпич и получалось тайное помещение размером 2,8х2,8 м. Около суфы стоял сосуд с процарапанной монограммой на плечике. Зафиксировали два прохода: первый находился в восточной стене. После ремонта появился проход и в южной стене, из северного коридора. Часть западной разрушена и ее нивелировали, сделав суфу.

Помещение 2 расположено в северо-западной части от помещения 1 и северного коридора. Западная стена несла основную культовую нагрузку. Около неё созданы три архитектурные ниши. Две прямоугольные по краям размером 1,35 м и овальная в середине диаметром 0,45 м, высотой 0,65 м. Покрываются алебастровой штукатуркой и покрашены меловой побелкой красного цвета. Прямоугольные ниши имели по углам пилястры. Над центральной нишей, в верхней части стены, находилось панно, украшенное резьбой по сырой глине и окрашенное в красный тон. В правой нише находился керамический алтарь с украшенными лицевыми сторонами, узор, на котором проре-

зан по сырой глине. Веточка начинается от низа правой лицевой стороны и переходит на другую левую сторону, создавая образно круг. Эта культовая часть отгораживается стенкой в один кирпич, создавая скрытую комнатку размером 2,8х2,8 м. Большой камень 50х35 см положен в юго-восточный угол. Здесь был вход в обитель. Вход в помещение 12 находился в северо-восточном углу из помещения 1. Северный коридор отделяет эти два помещения и из него был проход в западный коридор. Надо отметить, что все коридоры имели двери, от которых остались нижние плахи.

Помещение 3 находится южнее северного коридора. Вход с востока, на полу прохода сохранилась нижняя часть балки от дверной коробки. В юго-восточном углу размещалась большая печь, от которой шли отопительные отводы вдоль восточной стены помещения 3 и западной стены коридора, а также уходили в южное помещение 5. Печь выводилась из сырцовых кирпичей. Вдоль западной стены размещалась суфа. Западный коридор поворачивает на восток вдоль южной стены центрального помещения 4 и имеет выход в помещение 7, где тоже находилась дверь. Западный коридор продолжается на юг, разделяя помещения 5 и 6. Коридор в начале и в конце закрывался дверью.

Помещение 5 расположено к югу от помещения 3 и к западу от коридора. Все стены сохранили две линии с внутренним заполнением. Очень индивидуальная планировка внутри. Она разделена визуально на северную часть и южную. Северо-восточную часть занимает суфа, под которой проходили две отопительные линии от печи из помещения 3. В северо-западной части сделан подиум 2х1 м с барьером с северной стороны. Он поворачивает на юг и доходит до края суфы. Внутри подиум обмазан штукатуркой из керамической глины. В один из ремонтов добавили с южной стороны барьерную стенку, а промежуток разделили на пять отсеков. Вся эта конструкция была обмазана керамической глиной. На последнем этапе северную часть засыпали, образов широкую суфу. Южная часть помещения 5 имеет середину диаметром 3,8 м, а сегменты подняты на высоту 0,7 м и в них проходили отопительные каналы от печи, установленной в восточной части сегмента. На северо-западном участке сегмента из кирпичей был выведен алтарь, подобный алтарю в помещении 12, когда его правая сто-

рона разрушилась его перекрыли жженым кирпичом и соорудили подиум размером 1х1,2 м. Его обмазали глиняной штукатуркой и побелили. На него поставили керамический алтарь, а рядом положили керамический поддон с узорным оформлением. Поддон наполнялся пеплом. Пепел не убирался и все постепенно перекрывал. Керамический алтарь тоже подправлялся глиняной штукатуркой. На последнем этапе внутри алтаря стоял керамический чирак с квадратной маленькой ручкой. Вход в помещение был в самом углу восточной стены.

Помещение 6 расположено с восточной стороны от коридора. В него можно попасть только из западного коридора. После больших разрушений линия северной стены покособилась, а вертикальные балки сильно горели так, что штукатурки прокалились и приобрели красно-черный тон с разводами. Её не стали убирать, а подставили кирпичную стену по всей линии со стороны коридора. Внутри тоже вывели дополнительную стену. Восточную стену срезали по уровень суфы. Новую в полтора кирпича, возвели ближе, сократив размеры помещения. У южной стены северная часть разрушилась и подрезав ее на высоту 0,6 м создали нишу с бортом и обмазали керамической глиной. Нишу оформили пилястрами с вертикальным бордюром. В центре горизонтального бордюра располагалось небольшое панно с резьбой по сырой глине. Вся ниша была покрыта алебастровой штукатуркой с красной побелкой. Западная стена оставалась двойной. Вдоль северной и восточной стен находились суфы с отопительной системой. Суфы, шириной 2 м и 1,4 м, и пол обмазаны керамической глиной толщиной 1,5 см. После стихийных потрясений бордюр упал и разбился на большие и малые куски. Всего фрагментов резьбы по глине извлекли около сорока. Некоторые из них от сильного огня приобрели красный оттенок. В ниши стоял чирог. Около западной стены, слева у входа, на отдельном постаменте был более ранний алтарь из кирпичей. Нижняя часть алтаря была оформлена рельефной глиняной лентой, края которой развивались и ниспадали по краю подставки. Ниже у алтаря находилась подставка для золы, тоже выполнена из сырцового кирпича и обмазана глиной, алебастровой штукатуркой, побелена меловой побелкой красного цвета. После ремонтных работ алтарь разрушился и на его место установили керамический алтарь. Он подковообразный, керамический, состоящий из двух половинок с узором

на щеках. Узор передает вьющуюся ветку с листочками. Алтарь прикрывался прямоугольным жженым кирпичом размером 30х15х3 см. Подставка была наполнена серым пеплом и поднималась горкой до алтаря. Такое скопление золы определялось длительностью его функционирования. После ремонтных работ, на полу около ниши сделали невысокий подиум из жженого кирпича, на который поставили еще один керамический алтарь. Он подковообразной формы, состоит из двух половин и обожжен. На лицевых щеках по сырой глине вырезан узор повторяющихся вытянутых восьмерки.

Помещение 7 вытянуто по восточной стороне помещения 4. Имеет проходы в северной и южной стенах. Здесь расчистили почти полностью упавшее перекрытие, собранного из крупных и мелких балок. Балки крепились гвоздями двух видов от 0,7 – 12 см с круглыми и квадратными шляпками. В помещении 7 был найден крупный фрагмент от алтаря, его левая лицевая сторона составляет 19 см, высота 0,27 м, а узор процарапан палочкой. Помещение было перестроено, образовав в северной части помещения 8. В северо-восточном направлении от помещения 8 отходит узкий коридор. Восточная стена коридора поворачивает на восток. Коридор заканчивается проходом, в котором стояла дверь. Балки от двери сгорели и лежат в заполнении коридора.

Помещения 9 на раннем этапе не было. Его создали после перестройки помещения 6. Помещение 9 размером 6х2 м было подсобным. У западной стены сооружена печь, от которой в разные направления шли отводы отопительной системы: по суфе, расположенной в южной половине помещений 9, каналы проходили дальше на восток в помещение 10. В западном направлении каналы обогревали суфы помещения 6. Надо отметить, что отопительные каналы шириной 0,2 м выкладывались кирпичом, поставленных на ребро и были частично заполнены небольшими палками, обмазанными глиной, а сверху положен кирпич.

Помещение 10 размером 5,8х2,8 м также образовалось после ремонтных работ. Этот этап ремонта зафиксирован по разным выкладкам стен. Западная двойная каркасная, а восточная из сырцового кирпича. В южной части помещения расположилась суфа с отопительной системой. Выход находился в северной стене и вел в помещение 13.

Помещение 11 расположено к западу от помещения 5 и находится в процессе вскрытия.

Помещения, 13 размером 2,8 м по линии с-ю, а восточная половина не вскрытой из-за линии раскопа.

Помещение 14 по линии с-ю размером 5,8 м, а по линии з-в только 2,8 м, остальная часть уходит за линию раскопа.

Помещение 15 размером 2,2х13 м открылось в южной части комплекса и является обводным коридором помещений 6,9,10. Зачистили в юго-восточном углу небольшой тандырчик и хозяйственный очаг. Около северной стены, вероятно, была сточная яма, и место для мусора, где находилось много костей и камней. В западной части коридор имеет вход в помещение 5.

На данном этапе трудно определить центральный вход в здание, но пока мы имеем западный проход северного коридора и северный проход восточного коридора.

Комплекс керамики, собранный во втором горизонте, представлен не глазурованными формами столовой посуды. Фрагменты попадали уже в заброшенные помещения или в глину заполнения при ремонтных работах. Вся керамика по формам и техническому мастерству находит аналогии среди комплексов посуды среднеазиатских городов IX – XI вв. Жженые кирпичи применялись только для укрепления подиума под алтари и в некоторых местах отопительной системы. В основном они мелкие 30х15х3 см, 24х24х4 см и 37х22х4,5 см применялись в быту X-XI вв.

Открытый архитектурный комплекс во втором культурном горизонте раскопа 17 является общественным домом, где проводились оргии, связанные с поклонением огню. Здание возводилось сырцовым кирпичом размером 40-42х21-22х9-10 см. Кладку сырцовыми кирпичами, поставленных на торец, перекрывают горизонтальным одним рядом, выше опять кладется кирпич на торец. Такая техника строительства была распространена на территории Средней Азии. Она получила термин «елочка». Архитекторы предполагают, что этот метод выработался как сейсмостойкий. Он позволял быстро возводить стены, меньше растрачивалось строительного материала. Системой «елочка» выведены крепостные стены города и цитадели Ходжента для XII – XIII вв., крепостные стены Мерва (Султанкала) для периода XI – XII вв. Каркасные стены для жилых зданий города известны с раннего средневековья. Планировка, где цен-

тральное помещение или внутренний дворик обводился коридорами, довольно распространенная в Средней Азии. Она зафиксирована в храмах Пенджикента, в Самарканде, на городище Красная речка в Киргизстане и имеет древние корни (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 387). Так мы можем привести аналогии раскопанных двух богатых домов на Дальверзинтепе I-II вв. (Беляева, 1978, с. 33 – 47). Скрытые комнаты там есть, и они играли одну из главных функций. Постепенно центральное помещение оставляют как внутренний дворик. В.Д. Горячева пишет, что для периода X – XII вв. на Красной речке раскопана целая серия домов, где архитектурную композицию определяли внутренние дворики, вокруг которых группировались помещения хозяйственного назначения, парадные залы и интимные покои. Большинство домов имело богатое внутреннее убранство стен в виде резных штукатурок и росписей по глине. Верхние части зданий – потолки, своды или арки украшали вычурные узоры. Свет чирагов – светильников создавал неповторимую игру светотеней (Горячева, 1988, с. 18). На городище Шахджувар, расположенного на торговом пути, от Чача в Таласскую долину, вскрывалось здание VIII – XIII вв., состоящее из комплекса помещений, построенных из прямоугольного кирпича с использованием более ранней планировки. Комнаты расположены по периметру внутреннего дворика. В помещениях интерьер украшала резная необожженная глина, где богатый растительный орнамент, гармонично сочетался с геометрическим и эпиграфическим (Тихонин, 1990, с. 200). Наше здание находит аналогии с ними в период создания и функционирования в пределах IX – XII вв. Только содержание помещений нашего комплекса имеют индивидуальную трактовку. Круглое помещение с суфами-сегментами пока аналогий не находит. Каждое помещение связано с поклонением огню, проведению в нем определенного времени, а может и с выполнением обрядовых ритуалов.

Особенно уделяли внимание двум помещениям 6 и 12, где декоративным убранством являлась резба по керамической глине. Поверхность покрыта тонким слоем алебаstra и покрашена красной краской. В помещении 6 в нише стена была в виде гладкого панно с оконтуренным бордюром.

Бордюр обрамлял края ниши, украшенный растительным побегом в сочетании с геометрическими плетенками и штампо-

ванными четырех лепестковыми цветочками. Угол перехода от горизонтальной полосы вниз, был соединен дугой и выступающими уголками от спаренных полукругов, а в середине расположен вытянутый трилистник. В центре горизонтального бордюра размещалась плита размером 0,55х0,25 м с особо выделенным, усложненным узором. Плитка взята в прямоугольную двойную рамку, а внутри размещены три одинаковые квадратные розетки, поставленные углами по вертикали. В каждом квадрате размещен крест, выполненный двумя полосками, которые в верхней части перехвачены узлом, и разъединены в разные стороны, а в середине образуют квадрат. В свободных местах размещены крупные двулистники, концы которых соединены в середине квадрата. По горизонтали раздвоенные концы крестов соединены в квадраты, а концы двулистников соединены в середине квадратов. Ниша регулярно подбеливалась меловой побелкой красного тона.

В помещении 12 стена ниши была украшена резьбой по глине. Она тоже плотная, жирная и серого цвета. Поверхность покрыта тонким слоем алебаstra и покрашена красным цветом. После стихийного бедствия панно упало и раскололось на несколько кусков. Мы смогли извлечь из завала пять больших фрагментов: 1. Кусок резьбы по глине с прямыми и изогнутыми линиями, а один край с полукругами, на другой стороне размещен вытянутый листок. 2. Большой фрагмент 30х22 см уже на месте лежал раздробленный, но понять рисунок можно. Это угол из прямых полос. Выше идет полоса из резных завитков, а в углу сердце с завитушками внутри. 3. Фрагмент 29х24 см, где изображено крупное перекрестие трехрядных полос, по горизонтали в симметрии три треугольника, соединенные концами, а в вертикальной симметрии завитушки. 4. Большой фрагмент, где у края под прямым углом проходят три полосы, и они создают перекрестие. В свободных местах по горизонтали расположены треугольники, по вертикали вниз идут полосой завитки и они поворачивают влево, а в углу расположено сердце с завитками внутри. 5. Фрагмент 40х22 см строенные полосы в два ряда расходятся в разные стороны и в этом промежутке слева размещены три треугольника, соединенные концами. Ниже этих полос по горизонтали идет полоса с завитушками. На повороте сердце расположено концом вверх и из его конца выходят завитки и вытянутый лист, а дальше вытянуты веточки с завитка-

ми. Резной орнамент по сырой глине зафиксирован в ранне-средневековых памятниках Средней Азии. Так В.А. Нильсен в работе «Становление феодальной архитектуры в Средней Азии V – VIII вв.» делает подборку памятников для V – VIII вв., где были оформлены дверные проемы, ниши, стены фризами, колонками, рельефными панно из необожженной глины (Нильсен, 1966, с. 314). Б.Д. Кочнев при работах на Таллисар-тепе к западу от города Карши на цитадели вскрыл два помещения VII – VIII вв. и одно из них представляло домашнее святилище с нишей-алтарем, где стены украшала резьба по глине (Кочнев, 1973, с. 137). На Алтын-тепе в Кашкадарьинской области здание X – XI вв. имело центральный коридор, стены которого украшались резной глиной (Лунина, 1978, с. 203). На памятнике Урта-курган в Уструшане часть стен была тщательно оштукатурена и оформлена в виде гладкого панно, оконтуренного лепным, с резным орнаментом глиняным бордюром (Негматов и др., 1973, с. 27). В айване и помещении жилого комплекса X – XI вв., в западной части Афрасиаба, найдены фрагменты с резьбой по глине (Крикис, 1963, с. 231). На территории цитадели Афрасиаба найдены два фрагмента резьбы по необожженной глине. На одном фрагменте пересечением линий образована система мелких треугольников, на втором вырезан крупный геометрический орнамент. Поверхность их покрыта тонким алебастром и покрашена, синей и красной краской. Вместе с другими находками на цитадели резьба по глине датируется XI – XII вв. (Пачос, 1965, с. 30). В.А. Шишкин обнаружил при раскопках внутри мечети Магоки-Аттари в Бухаре для X в. резьбу по серой глине растительного и геометрического характера, выпуклые части которого покрыты тонким слоем алебаstra. Он отмечает, что резьба по глине, покрытая тонким слоем алебаstra, есть как один из видов настенного декора жилищ Афрасиаба (Шишкин, 1955, с. 47; Шишкин, 1966, с. 31). Г.А. Пугаченкова, исследуя михраб в мавзолее Араб-Ата, отделанного резьбой по глине, отмечает характерную черту для декоративного убранства михрабов IX – X вв. резьбу по сырой глине (Пугаченкова, 1963, с. 51). На городище Красная Речка в Киргизии А.Н. Бернштамом вскрывался дом, стены которого были украшены резным по глине орнаментом. Дом датировался IX – X вв. Декор располагался в верхней части стен (Бернштам, 1950, с. 19, 28). П.Н. Кожемяко раскапывал дом X – XII вв. за стенами

центральной части. Стены усадьбы украшались фризами в сочетании с ганчевыми панелями. Для нас интересны аналогии с городища Ак-чай. Там встречались куски глиняных плиток со штампованным орнаментом. Резная глина и штампики покрыты тонким слоем алебаstra (Гаврюшенко и др., 1967, с. 341). На Буранинском городище в северо-западной части центральных развалин, на стене одного из помещений была расчищена резьба по глине в виде сложных сочетаний растительного и геометрического орнаментов. Здание относится к X – XII вв. (Винник, 1975, с. 551). Известно применение резьбы по глине в усадьбах и поселениях Хорезма в VIII – нач. XIII вв. Так в замке Тешик-кала фриз с резной глиной украшал помещение (Толстов, 1948, с. 139). В усадьбе Дарьялык-куль раскопан айван, стены которого покрыты резьбой по глине с красной и желтой краской (Неразик, 1976, с. 94 – 96). В дворцовом здании правителей Мерва в Шахрияр-арке, сохранился проход с резьбой по глине, окаймлявший край вертикальной лентой шириной 15 см. В сложном переплетении растительного побега имеется мотив трилистника (Лунина, 1978, с. 206-207). Такое множество аналогий определяет художественное направление в оформлении зданий в средневековый период по всей территории Средней Азии и Казахстана.

В помещениях нашего комплекса были установлены керамические алтари размером от 0,45 – 0,5 м, высотой 0,25 – 0,35 м, выполненные из двух частей, а при составлении, они приобретали подковообразную форму с небольшим расширением на лицевых щеках. Лицевые щеки украшались резным рисунком по сырой глине. Наносился узор бегущей веточки, которая с правой стороны переходит на левую, создавая образно круг. Изображение деревьев, веточек было одним из основных орнаментальных мотивов. Они приобретали смысловое значение на протяжении многих столетий. Геометрические узоры не повторяются – это разнообразные плетенки. Перед алтарем ставился поддон. Это керамические квадраты размером 0,4-0,55х0,4 – 0,6 м и с приподнятыми рельефными бортами были накопителями пепла серого цвета, видимо, от сгорания тонких веточек с листочками. Г.В. Григорьев считал, что очажки являются своеобразными зороастрийскими иконами (Григорьев, 1937, с. 136). Такого типа алтари были широко распространены в жилых и культовых домах Средней Азии и Казахстана в период средне-

вековья. Выступы-алтари в углах комнат, покрытые толстым слоем золы, зафиксированы на городище Кок-Мардан для периода V – VII вв. На поселении Актобе Каратауском раскопано помещение с очагом, где совершались обряды, связанные с поклонением огню (Байпаков, 1980, с. 172 – 182). Алтари постепенно трансформировались в культовые очажки (Пугаченкова, Ремпель, 1972, с. 206 – 232; Байпаков, 1980, с. 172 – 182). В последнее время исследователи склоняются к тому, что происхождение культа огня не следует связывать с зороастрийской религией. Он восходит к древней родовой организации и генетическим связям с «семейно-родовыми святыням и семейно-родовыми предками». В X – XII вв. культовое значение очагов у населения, имеющего разное религиозное мировоззрение, не было утрачено (Байпаков, Терновская, 2005, с. 142). Алтари, установленные на определенных суфах и около культовых ниш в помещениях комплекса X – XI вв. на Каялыке, придавали ему священность бытия.

Во всех комнатах отводилось пространство для культового обрядового свершения. Это отсеки в пределах 9 кв.м. В них возводились ниши и суфы, устанавливались алтари, в которых поддерживался огонь в лунках или чирогах. Зола не убиралась. Пепел слегка присыпался тут же на поддонах. Сакральные комнаты зафиксированы в религиозных источниках, их можно назвать Вара (обители бессмертия), где выполнялась первая магическая ритуальная функция, присущая огню и приобщавшая к вечности. Образ квадратной Вары – очень древний и восходит к периоду индоиранской общности. Квадратная Вара – это священная ограда против сил смерти, обитель огненного бессмертия (Байпаков, Савельева, Воякин, Сейдуманов, Эуезов, 2009, с. 189).

Исследованную архитектуру на объекте 17 города Каялыка, можем интерпретировать как «Дом огня». Он существовал довольно длительный период. Подвергался природному потрясению. Много раз ремонтировался, но продолжал функционировать. Погибает архитектурный комплекс от сильного пожара, при этом его обитатели смогли вынести все необходимое. Возможно, это было связано опять с землетрясением.

Култ огня был распространен у народов Средней Азии и Казахстана продолжительный период. Есть сведения Сюань Цзяна, китайского буддийского половеца, что основное насе-

ление проводят очищение огнем, турки «служат огню». Даже в дальнейшем периоде жизни, при широком внедрении ислама, происходит утилитаризация алтарей. Они сохраняются как художественно оформленные очажки. В суфизме, получившего широкое распространение на юге Казахстана, зафиксировано почитание огню.

Библиография

1. Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана. Алма-Ата, 1980.
2. Байпаков К.М., Воякин Д.А. Средневековый город Каялык. Алматы, 2007.
3. Байпаков К.М., Сейдуманов С.Т., Савельева Т.В., Воякин Д.А., Эуезов Е.К. Средневековые столицы Жетысу. Алматы, 2009.
4. Байпаков К.М., Терновская Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана. Алматы, 2005
5. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
6. Беляева Т.В. Жилой дом богатого горожанина // Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
7. Бернштам А.Н. Чуйская долина // МИА. 1950. № 14.
8. Винник Д.Ф. Четвертый сезон на Буранинском городище // АО 1974 года. М., 1975.
9. Гаврюшенко П.П., Заурова Е., Кожемяко П.Н., Кожембердыев И.К. Археологические исследования института истории АН КиргССР // АО 1966 года. М., 1967.
10. Горячева В.Д. Город золотого верблюда (Краснореченское городище). Фрунзе, 1988.
11. Григорьев Г.В. Тус-тупи // Искусство. 1937. № 1.
12. Кочнев Б.Д. Из результатов раскопок 1972 г. в Каршинском оазисе // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
13. Крикис Я., Пачос М., Ташходжаев Ш., Федоров М. Жилой комплекс X – XI вв. в западной части Афрасиаба // Научные работы и сообщения отделения общественных наук АН УзССР. Кн. 7. Ташкент, 1963.

14. Лунина С.Б. Резная глина в Средней Азии // История и археология в Средней Азии. Ашхабад, 1978.
15. Массон М.Е. Историко-археологическое обследование средневековых памятников на территории районов древней оседлой культуры Средней Азии и Южного Казахстана // Тезисы совещания в г. Фрунзе «Средневековые города Средней Азии и Казахстана». Л., 1970.
16. Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Урта-курган и Тимирзактепа // МКУ. Вып. 2. Душанбе, 1973.
17. Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме I – XIV вв. Археологические очерки // ТХАЭЭ. Т. IX. М., 1976.
18. Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии V – VIII вв. Ташкент, 1966.
19. Пачос М. Из раскопок Афрасиаба // Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент, 1965.
20. Пугаченкова Г.А. Мавзолей Араб-Ата // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1963.
21. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Самаркандские очажки // Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972.
22. Тихонин М.Р. Некоторые моменты из истории материальной культуры средневекового Шахджуvara // ИМКУ. 1990. Вып. 24.
23. Толстов С.П. Древний Хорезм. М, 1948.
24. Шишкин В.А. Археологические работы в мечети Магоки-Аттари в Бухоре // ТИИ АН Уз ССР. Вып. 7. Ташкент, 1955.
25. Шишкин В.А. Афрасиаб – сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966.

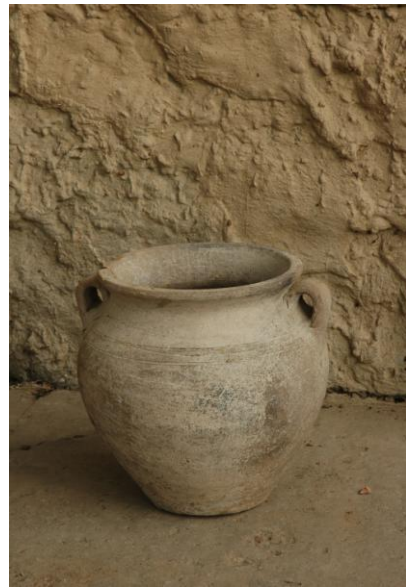
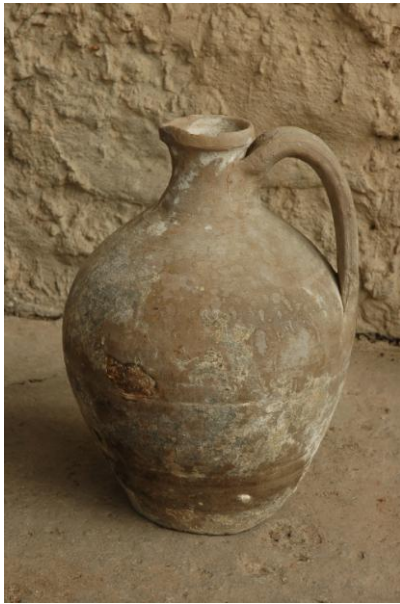

Рис. 1. Сосуды из верхнего горизонта.

Рис. 2. Алтарь. Помещение 6.

Рис. 3. Общий вид помещения 6.

С.Б. Болелов

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА НА ЦИТАДЕЛИ КАМПЫРТЕПА

В настоящее время Кампыртепа является одним из наиболее изученных памятников периода античности на территории Средней Азии. На памятнике вскрыто более 80% всей его площади (рис.1). Городище находится на территории северной Бактрии – одной из древнейших культурно-исторических областей Среднего Востока (ныне Сурхандарьинская область Республики Узбекистан), на правом берегу Амударьи, в 30 км к западу от Термеза.

Памятник был открыт Э.В. Ртвеладзе в 1972 г. С 1979 по 1992 г. на городище велись стационарные археологические раскопки. Учитывая исключительную важность Кампыртепа для понимания многих проблем археологии и истории культуры Древней Бактрии, отдел истории искусства НИИ искусствоведения Академии художеств Республики Узбекистан в 1999 г. принял решение о создании самостоятельной Тохаристанской экспедиции, основным объектом исследования которой в после-

дующие годы стал этот памятник. Раскопки Кампыртепа проводятся под общим руководством академика АН Республики Узбекистан Э.В. Ртвеладзе. С 2000 г. в этих работах принимает участие Среднеазиатская Археологическая экспедиция Государственного Музея Востока (Москва).

В 2005 г. в юго-восточной части цитадели городища был заложен стратиграфический раскоп площадью чуть более 200 кв.м. Осенью 2010 г. раскоп в центральной части доведен до материка. В результате проведенных работ удалось максимально полно выявить стратиграфию культурных напластований в этой части памятника, на основании которой была предложена периодизация жизни цитадели Кампыртепа, начиная со времени его основания.

Поселение возникло на второй надпойменной террасе Амударьи на участке сильно пересеченной местности, изобилующей естественными оврагами-джарами, небольшими, но глубокими котловинами, пологими «цирками» и лессовыми останцами-возвышенностями, иногда с довольно крутыми склонами. Как удалось установить в ходе раскопочных работ, цитадель Кампыртепа, в очертаниях на последний период своего существования, располагалась на естественном возвышении, южная часть которого, по всей видимости, еще в древности была смыта Амударьей. С севера и северо-запада это возвышение было окружено естественным оврагом. С восточной стороны также был глубокий овраг, который, как удалось установить в 2010 г., заканчивался довольно глубокой котловиной в устье джара. В раннекушанский период овраги, окружающие холм цитадели являлись оборонительными рвами, а в кушанский период северный овраг, заполненный мусором и перекрытый несколькими рядами сырцового кирпича, становится одной из центральных улиц Кампыртепа (Курбанов, 2000, с. 66; Болелов, 2006а, с. 40).

Начальный этап обживания Кампыртепа – I строительный горизонт датируется последней четвертью IV в. до н. э. Возможно, в этот период осваивается не вся площадь цитадели кушано-юэджийского периода, а только склоны южного, смытого рекой холма, котловина к северо-востоку от него, западный и восточный склоны восточного оврага.

На следующем этапе – II строительный горизонт, который подразделяется на два строительных периода, застраива-

ется котловина в юго-восточной части. Во 2-ой строительный период здесь возникает довольно крупное гончарное производство. Для строительства, как стен, так и горнов используется прямоугольный сырцовый кирпич. Учитывая стратиграфическую ситуацию, а также нумизматические данные (находка монеты Евтидема в залегающих выше культурных слоях) этот период существования Кампыртепа можно датировать в пределах конца IV – первой половины III в. до н.э.

Спустя некоторый промежуток времени производство перестает функционировать, постройки в котловине приходят в запустение и частично разрушаются.

Позднее вся площадь котловины (в пределах раскопа) засыпается слоями мусора, которые, как следует из стратиграфической ситуации, связаны с постройками III строительного горизонта. Именно в этих слоях найдена медная монета Евтидема (230 – 200 гг. до н.э.). Зданий, относящихся к этому периоду обживания Кампыртепа, в пределах раскопа не обнаружено. Возможно, они были западнее или на несохранившемся южном холме. На основании находки монеты культурные слои III строительного горизонта можно датировать в пределах второй половины III в. до н.э., т.е. ранним Греко-Бактрийским периодом.

После того, как котловина практически полностью была засыпана мусорными слоями, здесь из квадратного сырцового кирпича строятся два монументальных здания – IV строительный горизонт. По всей видимости, между ними был двор или небольшая площадь. На основании анализа стратиграфической ситуации этот строительный горизонт можно датировать в пределах первой половины II в. до н.э. – поздний Греко-Бактрийский период.

Стены и частично забутованные помещения зданий 4-го строительного горизонта послужили фундаментами для зданий, относящихся к V строительному горизонту, как можно предполагать последнему периоду активного функционирования цитадели, который по нумизматическим данным и сопутствующему материалу датируется в пределах I в. до н.э. – I в. н.э.

Таким образом, жизнь на цитадели Кампыртепа не прекращалась, по крайней мере, в течение более чем трехсот лет.

Предметом данного исследования является производственный центр, функционировавший в естественной котловине у

подножья южного холма во второй строительный период II строительного горизонта, который, как уже было сказано выше, датируется первой половиной III в. до н.э., когда ранние конструкции (1 строительный период) были частично срублены и забутованы.

В площади раскопа, в котловине у подножья холма, частично вскрыты два двора – северный и южный, которые сообщались между собой через проход шириной 0,8-0,9 м (рис.2).

Все стены как построек II строительного горизонта сложены из прямоугольного сырцового кирпича размерами 50-52х36-40х12-14 см, иногда в сочетании с пахсовыми блоками. Следует отметить, что из кирпича таких размеров построены все выявленные в настоящее время стены, относящиеся к наиболее раннему периоду обживания Кампыртепа (Ртвеладзе, 2006, с. 4 – 5; Двуреченская, 2006, с. 113). По всей видимости, этот стандарт кирпича является переходным от традиционного прямоугольного кирпича ахеменидского периода (соотношение сторон 1:2) к квадратному кирпичу греко-бактрийского периода.

Всего в пределах раскопа открыто 7 обжигательных керамических горнов², которые зафиксированы на уровне –10,18-10,58 от реперной точки. Столь большой перепад отметок по отношению к реперу объясняется заметным падением рельефа с запада на восток.

По всей видимости, производство существовало здесь довольно долго; по стратиграфическим данным можно выделить, как минимум, 3 этапа его функционирования.

К наиболее раннему этапу относятся два горна – № 6 и №7 (рис.3).

Горн № 6 обнаружен на расстоянии 0,8 м от стены двора в северо-восточном секторе раскопа. По всей видимости, верхняя часть горна была снесена, после того как его производственный ресурс был исчерпан. Тем не менее, по сохранившимся остаткам, его можно реконструировать.

Это была прямоугольная в плане двухкамерная одноярусная конструкция прямоугольной формы размерами 1,8х,4-1,35 м, ориентированная по линии ССВ – ЮЮЗ. Горн построен из прямоугольного сырцового кирпича (49х34х10-12 см; 49х24х10-12 см) на глиняном растворе. В кладке использовался как це-

² Первые три горна были открыты археологом А.А. Восковским в 2003 г.

лый кирпич, так и половинки. Нижняя часть горна представляет собой кирпичную платформу высотой 27 – 37 см, на которой были устроены две камеры.

Прямоугольная в плане топочная камера (0,59 0,88 м) занимала южную часть конструкции. Ширина стенок топочной камеры 24 – 28 см. Топочный канал шириной 22 см был с западной стороны, то есть в боковой стенке горна. На внутренних стенках топочной камеры было несколько (не менее 3-4) слоев глиняно-саманной обмазки толщиной 2 – 3 см, которые были прокалены до красно-желто-зеленого цвета. Под топочной камерой зафиксирован на отметках -10,62-10,66 от реперной точки.

От обжигательной камеры сохранилась только прямоугольная в плане (1,40x0,98-0,99 м) нижняя часть – под, который зафиксирован на отметках -10,43-10,47 от реперной точки, что в среднем на 20 см выше пода топочной камеры. Безусловно, рабочая площадь обжигательной камеры была меньше, если учитывать толщину ограничительных стенок, которые были, по всей видимости, той же ширины, что и в топочной камере. Под обжигательной камеры не является монолитной конструкцией. На кирпичную платформу, после возведения ограничительных стенок, был насыпан слой крупного речного песка темно-серого цвета толщиной 3 – 5 см. На песок были положены сырцовые кирпичи, которые, собственно, и являлись уровнем пода.

Горн № 7 обнаружен в 2 м к востоку от горна № 6. Это была также прямоугольная кирпичная конструкция размерами 2x1,26-1,4 м, которая мало отличается от описанной выше. Разница состоит лишь в том, что нижняя часть топки горна № 7 была вырублена в сплошной кладке платформы из прямоугольного сырцового кирпича, на которой покоилась вся конструкция, а топка горна № 6 была сложена из кирпича.

Прямоугольная в плане топочная камера горна № 7 (0,82x0,76 м) расположена в южной его части. Ширина стенок – 22-27 см. Топочный канал шириной 22-24 см был с западной стороны. Изнутри стенки топочной камеры были покрыты несколькими слоями глиняно-саманной штукатурки (толщина обмазок – 3 – 5 см), которая была прокалена до красно-желто-зеленого цвета. Уровень пода топочной камеры зафиксирован на отметках – 10,88-10,89 от реперной точки.

Стенки обжигательной камеры не сохранились. Она была также прямоугольная в плане размерами 0,97х1,24 м. Учитывая то, что ширина стенок ее была не менее 25-30 см, можно предполагать, что рабочая площадь была меньше. Верхний уровень пода обжигательной камеры в виде глиняной обмазки обожженной до красного цвета, зафиксирован на отметках – 10,65-10,68 от репера. Слой плотной глины, являвшийся верхним уровнем пода, был положен на вымостку из фрагментов керамики, которую подстилал слой речного песка серого цвета.

Площадка между горнами с юга была отгорожена, как можно предполагать, невысокой кирпичной стенкой шириной 26-30 см (один кирпич). Вероятно, эта стенка ограничивала рабочую площадку перед горнами. Здесь, на расстоянии 16 см от восточной стенки горна № 6, обнаружена овальная в плане яма размерами 42х34 см, глубиной около 40 см. Заполнение ямы полностью состояла из рыхлой пылевидной супеси. На расстоянии 65 см от ямы *in situ* зафиксирован довольно крупный плоский камень неправильной формы размерами 24х26 см и толщиной около 15 см.

Спустя определенный, судя по всему, непродолжительный промежуток времени верхние части ранних горнов были разрушены, а на их месте были построены горны, относящиеся к более позднему этапу функционирования производства. На основании анализа стратиграфической ситуации ко второму этапу можно отнести горны №№ 1, 2, 3, 4.

Горн № 1 открыт в центральной части раскопа у северного его борта, на расстоянии 0,9 м от южной стены северного двора. Он был построен на месте горна № 6.

Это было прямоугольное в плане (1,96х1,34 м), двухкамерное устройство. Горн построен на глиняном основании высотой 0,4 – 0,5 м. Именно на этом возвышении были устроены две прямоугольные камеры со скругленными углами, которые расположены в ряд, друг за другом и были разделены глиняной перегородкой (рис. 4, А).

Стенки камер шириной 22 – 28 см сделаны из обломков сырцовых кирпичей на глиняном растворе. Размеры южной камеры – 0,9х0,74, дно ее или под зафиксирован на отметках – 10,24-10,23 от реперной точки, что на 8 – 10 см ниже уровня пода северной камеры. Размеры северной камеры, которая имела форму прямоугольной трапеции – 0,66х0,6х0,52 м (рис.4,

А). Под ее зафиксирован на отметках – 10,16 – 10,19 от реперной точки. Между камерами отмечены следы перегородки шириной 16 – 18 см. Стенки печи, также как и перегородка между камерами, практически не сохранились. Максимально сохранившаяся высота отмечена в северо-восточной части печи, здесь верх восточной стенки северной камеры зафиксирован на отметках – 9,97 от реперной точки, что почти на 10 см выше уровня пода. В основание стенок и перегородки были положены фрагменты керамики – в основном стенки крупных сосудов, которые являлись своеобразным фундаментом. Нижние части стенок и под южной камеры прокалены до красно-оранжевого цвета, некоторые участки даже оплавлены и ошлакованы до желто-зеленого цвета. Нижние части стенок северной камеры обожжены слабее. Это обстоятельство дает основание предполагать, что интенсивное горение было только в южной камере печи.

Горн № 2 обнаружен на расстоянии 2,3 м к юго-востоку от печи № 1 и на расстоянии 1,9 м от южной стены северного двора. Он был построен непосредственно над горном № 7. Это была также прямоугольная в плане конструкция (2,14x1,3 м), ориентированная по линии С-В – Ю-З.

В ныне сохранившемся виде горн представляет собой возвышение-платформу высотой 22 – 44 см. При этом верхняя площадка была горизонтальной. Разница высот в южной и северной части образовалась из-за того, что рельеф в этой части раскопа понижается с юга на север (рис.4, Б).

В южной части возвышения была устроена округлая в плане топочная камера-очаг диаметром 60-64 см, глубиной 30 см. Судя по всему, первоначально была построена монолитная платформа, а затем в ней была вырублена топка с устьем – топочным каналом с западной стороны. Ширина устья – 30 см. Стенки топки прокалены до красного цвета, а на некоторых участках даже немного оплавлены.

Северная часть устройства в настоящее время представляет собой ровную площадку. По всей видимости, по периметру платформы из обломков сырцовых кирпичей была построена стенка шириной 20 – 22 см. Нижний ряд кирпичей зафиксирован на восточном крае возвышения (рис. 4, Б). Есть основания предполагать, что стенка или стенки по внешнему краю устройства были выше.

Горн № 3 расположен в 1,6 м к ЮЮВ от печи № 2. Это прямоугольный в плане (2,2х1,24 м) двухкамерный горн, построенный на прямоугольном глинобитном возвышении-платформе. Под южной камеры, которая представляет собой углубление в платформе в виде прямоугольной трапеции (66х52х38 см), зафиксирован на отметках – 10,93-10,96 от реперной точки. В западной стенке обнаружен сквозной канал шириной 10 см. Стенки и под южной камеры прокалены до красного цвета.

Между камерами была перегородка шириной 16 см, сохранившаяся на высоту чуть менее 10 см. Под северной камеры, которая была, по всей видимости, прямоугольной формы, зафиксирован на отметках – 10,67-10,68 от реперной точки – почти на 30 см выше пода южной камеры. Северо-восточный угол северной камеры не сохранился, возможно, именно здесь находилось устье.

Горн № 4 обнаружен в северо-восточном углу южного двора. Уровень пола, на котором он был построен, в виде плотной глиняной обмазки серо-коричневого цвета здесь зафиксирован на отметках – 10,85-10,87 от реперной точки. Непосредственно на уровне пола, залегает плотный слой комковатой глины с высоким содержанием золы и мелких фрагментов прокаленных обмазок толщиной 5 – 7 см, накопившийся за период функционирования печи.

Горн был, по всей видимости, прямоугольной формы. В отличие от устройств, открытых в северном дворе, он был построен из прямоугольных сырцовых кирпичей не на платформе, а непосредственно на уровне пола. Ширина стен – 35 – 40 см.

Размеры горна точно установить не удалось. Восточная его часть, где, по всей видимости, была обжигательная камера, уничтожена поздней ямой, спущенной с уровня 5-го строительного горизонта. Кроме того, горн, вероятно, был намеренно разрушен еще в древности, возможно, после того как конструкция в процессе эксплуатации пришла в негодность. От южной стены сохранился только нижний ряд кирпичей. Кирпичи и куски прокаленной обмазки были сложены в кучу неподалеку, у северной стены двора, на расстоянии чуть менее 1 м к западу от печи (рис. 2).

Есть все основания считать, что горн № 4 также был двухкамерным, ориентированный в широтном направлении, шири-

ной 1,4 м и длиной как можно предполагать около 2 м. Частично сохранилась только западная камера, по всей видимости, топочная; ширина ее – 0,74 м. Под топки сохранился хорошо. Она, по крайней мере, два раза ремонтировалась; зафиксировано два уровня обмазок прокаленных и оплавленных до серо-зеленого цвета. Между ними залегает слой комковатой глины толщиной 10 см, прокаленной до красного цвета. Верхний уровень пода зафиксирован на отметке – 10,81 от реперной точки. Северная стенка печи, которая вплотную приставлена к северной стене двора, сохранилась на высоту 70 – 80 см от уровня нижнего пода. Со стороны топки она сильно прокалена, на некоторых участках даже оплавлена до серо-желто-зеленого цвета. Как уже отмечалось выше, стенка сложена из сырцовых кирпичей. Каждый верхний ряд кладки положен с небольшим напуском внутрь конструкции. Это свидетельствует о том, что топочная камера была перекрыта ложным сводом, причем высота его как можно предполагать была не менее 1 м.

По стратиграфическим данным к наиболее позднему этапу функционирования производства относится горн обнаруженный в западной части раскопа.

Горн № 5 пристроен торцом вплотную к северной стене южного двора. Этот горн сохранился лучше остальных. Западная его часть оказалась под бровкой, но, тем не менее, конструкцию удалось выявить почти полностью.

Также как и все остальные, горн был прямоугольной формы длиной 1,77 м, ориентирован по линии ССВ-ЮЮЗ. Ширина его предположительно была не менее 1,5 м. Стенки, стоящие непосредственно на верхнем уровне двора, сложены из прямоугольного сырцового кирпича – 52-50х38-36х14-12 см.

Горн был двухкамерным. Прямоугольная (0,65х0,71 м) северная камера являлась топкой. Топочный канал шириной 0,33 м был устроен с восточной стороны (рис.5, А). Таким образом, топка и обжигательная камера располагались под прямым углом относительно друг друга. Стенки топочной камеры сохранились на высоту 0,7 – 0,8 м от уровня пода, который зафиксирован на отметке – 9,84 от реперной точки. Стенки прокалены до красного цвета, а в верхней части оплавлены до желто-зеленого цвета.

Камеры разделяла глиняная полукруглая, овальная в сечении, перегородка шириной 17 см, которая со стороны топочной камеры была оплавлена.

Южная камера была также прямоугольной формы (0,83х0,54 м). Стенки камеры прокалены, но не так сильно, как стенки топки. Она открывалась устьем на юг, собственно южной стенки просто не было. Дно зафиксировано на отметках – 9,60-9,64 от реперной точки, на 20 см выше пода топочной камеры. Так получилось из-за того, что она была построена на основании в виде кирпичной вымостки высотой 14 – 15 см – один кирпич. На эту кладку был насыпан слой чистого желтого песка толщиной 6 – 8 см. На песок в один слой были уложены фрагменты керамики, в основном стенки крупных и средних сосудов, которые сверху были обмазаны плотной глиной серо-желтого цвета. Толщина слоя обмазки – 3 – 4 см. Дно южной камеры не обожжено. Точно установлено, что печь была перекрыта ложным сводом, каждый следующий ряд кирпичей укладывался с небольшим напуском по отношению к нижнему. Как можно предполагать высота топочной камеры от пода до замка свода была более 1 м. Кирпичная кладка западной стенки топки сохранилась на высоту 0,71 см. Возможно высота свода южной камеры была немногим меньше.

В результате раскопок на юго-восточном участке цитадели Кампыртепа установлено, что на одном из ранних этапов жизни памятника здесь были открытые дворы, где находились обжиговые устройства, надо полагать, связанные с производством.

Об этом, прежде всего, можно судить по их размерам и конструкции. Все они являются одноярусными, двухкамерными горнами с боковым ходом горячих газов. Наличие двух расположенных на одной оси, сообщавшихся друг с другом камер, в одной из которых, безусловно, происходило сгорание топлива, дает основание полагать, что во второй камере происходил обжиг каких-то изделий, может быть керамики³.

По остаткам горна № 5, который сохранился лучше остальных, можно достаточно полно восстановить их конструкцию (рис.5, Б).

³ Это предположение подтвердилось в ходе раскопок 2009 г., когда около горнов в северо-восточной части раскопа были найдены ошлакованные и переобожженные фрагменты керамики.

Прямоугольные в плане топочная и обжигательная камеры были перекрыты единым ложным сводом, высота которого, как можно предполагать, была не менее 70 – 80 см, а общая высота горна около 1 м. Топочное устье и загрузочный люк расположены на противоположных торцах сооружения. У горна № 5 устье топочной камеры было устроено в длинной стенке, но это, возможно было обусловлено тем, что она была вплотную приставлена к стене двора. В других случаях (горны № 1 и № 3) устье могло располагаться в торцевой стенке, что обеспечивало более сильную тягу. Высота перегородки между камерами, как можно предполагать, не превышала половины высоты свода (в печи № 5 – 25 – 30 см), только в этом случае возможно поступление горячих газов в обжигательную камеру в достаточных объемах. Как можно предполагать, с этой же целью дно топки было устроено немного ниже пода обжигательной камеры. Нормальная тяга в горне могла осуществляться только при наличии в своде обжигательной камеры воздушно-тягового отверстия. О наличии его можно только догадываться; ни в одном случае перекрытие полностью не сохранилось. Вместе с тем нельзя исключать и того, что загрузочное отверстие обжигательной камеры во время обжига изделий было открыто, и за счет этого обеспечивалась тяга воздуха в печи. В этом случае отверстия в своде могло и не быть.

Единственным датирующим материалом, полученным в ходе раскопок, является керамика.

Классификация форм керамики эллинистического периода, в общем, разработана достаточно подробно (Gardin, 1973, с. 121 – 188; Шишкина, 1975, с. 60 – 61; Пидаев, 1987, с. 88 – 89; Lyonnet, 1997, с. 127 – 147; Ртвеладзе, Болелов, 2000, с. 99 – 105). Керамический комплекс, традиционно определяемый в среднеазиатской археологии как эллинистический (керамический комплекс Ай-Ханумского типа), бытует на территории Бактрии, по крайней мере, на протяжении двух веков. Обычно эллинистический период истории региона, по большей части на основании исторических реалий, подразделяется на два этапа ранний – селевкидский и поздний Греко-бактрыйский. Хронологической границей между этими этапами считается время возникновения Греко-бактрыйского царства – середина III в. до н.э. Вместе с тем каких-либо принципиальных изменений в облике материальной культуры, и, в первую очередь, в керамическом

производстве не зафиксировано. Набор форм в комплексе, прежде всего появившихся под влиянием греческой традиции, в общем, стабилен на протяжении всего этого периода. Это объясняется довольно высоким уровнем стандартизации керамического производства, прежде всего столовой посуды. Между тем, проводившиеся в последнее время систематические раскопки таких памятников как Курганзол и Кампыртепа и полученные при этом довольно представительные стратифицированные археологические комплексы эллинистического времени могут послужить основой для более детальной классификации керамики этого периода с учетом стратиграфических данных. Это, как представляется, дает возможность выделить характерные морфологические, а может быть и параметрические типобразующие признаки являющиеся хронологическими индикаторами в рамках эллинистического периода.

Объем данной статьи не позволяет дать детального описания керамического комплекса, кроме того, это выходит за рамки заявленной темы⁴. Остановимся лишь на общей характеристике керамики верхних культурных слоев 2-го строительного горизонта, связанного с горами.

Учитывались все профильные части сосудов, включая донца. Общий объем выборки составляет 127 фрагментов. Большая часть керамики сформована на гончарном круге быстрого вращения. Некоторое количество сосудов изготовленных от руки относятся к группе хозяйственной керамики.

По своему функциональному назначению вся посуда рассматриваемого комплекса подразделяется на две группы: столовая и хозяйственная. Обращает на себя внимание тот факт, что в выборке практически отсутствуют фрагменты кухонной керамики.

В комплексе представлена как ангобированная, так и не ангобированная посуда. Не ангобированная керамика, в общем, преобладает – 61,4%. Фрагментов ангобированных сосудов, соответственно, несколько меньше – 38,6 %. Однако, доля последних значительно колеблется в зависимости от того, к какой группе или категории керамики они относятся.

⁴ Комплекс эллинистической керамики из раскопа в юго-восточной части цитадели Кампыртепа в полном объеме планируется опубликовать позднее, когда раскоп будет доведен до материка.

Группа столовой керамики – кубки, чаши и кратеры или кратеровидные сосуды насчитывает 60 профильных фрагментов, что составляет 47,2% от общего количества учтенных сосудов; 37 из них – 61,6% в пределах группы, покрыты ангобом.

Наиболее широко представлены чаши – 48,2% от общего количества столовой посуды в комплексе. Это открытые формы с резервуаром полусферической или усеченно-конической формы на плоском дне или на не высоком дисковидном поддоне (рис.6, 1-8, 36).

Большая часть – 72,4% – этих сосудов ангобирована. В количественном отношении преобладают хорошо известные в эллинистических комплексах чаши с Г-образным или Т-образным венчиком (рис. 6, 1 – 4). Также в комплексе представлены полусферические и сегментовидные чаши с прямым немного приостренным (рис. 6, 7) или резко загнутым внутрь резервуара верхним краем (рис. 6, 8). Несколько меньшим количеством фрагментов представлены чаши с четко выраженным, резко отогнутым наружу и вниз, подтреугольным в сечении и приостренным в нижней части венчиком (рис. 6, 5, 6). В археологической литературе такие венчики часто определяются как «клювовидные», а подобные чаши традиционно называются «рыбными блюдами».

Кубки в группе столовой посуды представлены меньшим количеством фрагментов, чем чаши – 36,6% от общего количества столовой посуды в комплексе. Выделяются два типа этих сосудов, которые достаточно хорошо известны по материалам из раскопок ранних культурных слоев на других участках городища (Ртвеладзе, Болелов, 2000, с. 100; Сверчков, Восковский, 2006, с. 21 – 43; Двуреченская, 2006, с. 132, рис.12; 13, 19), а также других памятников Северной Бактрии (Сверчков, 2006, с.105 – 125; Сверчков, 2007, с. 56 – 58, рис.17 – 19).

1 тип – плоскодонные кубки с округлыми очертаниями цилиндрикониического или усеченно-конического тулова (рис. 6, 9, 10, 16, 17, 18, 20). Внешняя поверхность большей части сосудов – 68,4% – светло-серого или белесого цвета. Они были покрыты или светлым жидким ангобом-обмазкой или высветлены в процессе обжига. Ни одного фрагмента кубка этого типа с темным ангобом не отмечено.

2 тип – кубки с резервуаром цилиндрикониической формы на плоском дисковидном или кольцевидном поддоне. Переход

от верхней цилиндрической части к нижней конической, подчеркнут четко выраженным валиком или желобками (рис. 6, 13-15). Почти все сосуды этого типа снаружи покрыты плотным ангобом красного или красно-коричневого цвета.

Кратеры или кратеровидные сосуды представлены в комплексе небольшим количеством фрагментов. Эта форма столовой посуды достаточно хорошо известна по находкам на других памятниках (Шишкина, 1975, с. 66, рис. 7; Lionnet, 1997, с. 381, fig. 42). Это крупные сосуды с широким устьем (диаметр – 28 – 30 см) на высоком, полном, усеченно-коническом, чаще всего профилированным поддоне, и, в большей или в меньшей степени, развернутым наружу верхним краем (рис. 6, 12, 21). Кратеры сформованы из хорошо promешанной глины с незначительными примесями извести. Черепок в изломе светло-коричневого или красного цвета. У одного из сосудов черепок был темно-серого цвета – восстановительный обжиг. Все кратеры покрыты плотным красным двухсторонним ангобом-поливой. У серо-глиняного кратера – ангоб черного цвета. Внешняя, а иногда и внутренняя поверхность в большинстве случаев залощена.

К группе хозяйственной керамики, в которой представлены сосуды, использовавшиеся для хранения, перевозки и переработки продуктов отнесено 44 фрагмента. 22,7% хозяйственной керамики покрыто ангобом. В группе представлены как сосуды, изготовленные от руки, так и керамика, сформованная на гончарном круге. Доля лепной посуды составляет в этой группе 18,4%.

Хозяйственная керамика подразделяется на два отдела: закрытые и открытые формы.

Отдел закрытые формы включает в себя кувшины, крупные кувшиновидные сосуды, крупные горшки и горшковидные сосуды, а также хумы и хумчи.

В количественном отношении преобладают кувшины.

Большая часть сосудов изготовлена на гончарном круге из хорошо promешанной глины с незначительными примесями извести, мелкого кварцевого песка и, возможно, слюды. Вместе с тем найдено некоторое количество (18,4% от общего количества кувшинов в комплексе) сосудов сформованных от руки и подправленных на гончарном круге (рис. 6, 24, 28, 37).

Горшки и крупные горшковидные сосуды представлены в комплексе значительно меньшим количеством фрагментов, чем кувшины. Среди них обращают на себя внимание довольно крупные (диаметр устья – 24 – 25 см) толстостенные горшки с отогнутым наружу верхним краем, невысокой шейкой и сравнительно покатыми плечиками (рис. 6, 32, 34). Все горшки этого типа изготовлены вручную из глины со значительными примесями извести и крупного кварцевого песка. Судя по ровному цвету черепка в изломе, они обожжены в горне в окислительном режиме.

Хумы в комплексе представлены единичными фрагментами. Это довольно крупные (диаметр устья более 30 см) толстостенные сосуды с массивным утолщенным венчиком в виде «округлого манжета» или валика с невысокой, но четко выделенной шейкой и очень покатыми плечиками. Все они сформованы от руки из глины с примесями извести, мелкотолченого шамота и, может быть, органики.

К открытым формам хозяйственной керамики относятся крупные миски и керамические тазы-тагора, которые представлены в комплексе в небольшом количестве (рис. 6, 11).

В целом описанный керамический комплекс, опираясь на многочисленные аналогии, можно датировать эпохой эллинизма, в пределах III – II вв. до н.э.

В ходе раскопок 2009 г., в юго-западной части раскопа, в верхних культурных слоях III строительного горизонта, подстилающих стены здания 2-го строительного горизонта, была найдена монета греко-бактрийского царя Евтидема (230-200 гг. до н.э.), что дает возможность несколько сузить датировку описанного выше комплекса. Капитальные постройки IV строительного горизонта, учитывая тот факт, что каких либо ям или перекопов в этой части раскопа не зафиксировано, не могут датироваться ранее рубежа III – II вв. до н.э. Соответственно, верхние культурные слои III строительного горизонта можно датировать не позднее конца III в. до н.э. Принимая во внимание тот факт, что мощность культурных напластований III строительного горизонта составляет чуть менее 2 м и характер их залегания (многочисленные, различные по плотности и уровню содержания золы и органики, горизонтальные супесчаные прослойки), можно предполагать, что они накапливались в течение длительного времени, может быть, полувека. Таким образом, III строитель-

ный горизонт можно датировать в пределах второй половины III в. до н.э. Соответственно, верхние культурные слои II строительного горизонта датируются, по всей видимости, в пределах первой половины III в. до н.э. Учитывая то, что к тому времени, когда начали накапливаться мусорные слои 3-го строительного горизонта стены двора были уже в полуразрушенном состоянии эту дату можно сузить до начала или первой четверти III в. до н.э. Соответственно этим же временем датируются и горны финального этапа 2-го строительного горизонта.

Описанные выше обжиговые устройства по конструктивным признакам относятся к горнам второго класса (по классификации А.А. Бобринского) – одноярусные двухкамерные горны с горизонтальным ходом горячих газов (Бобринский, 1991, с. 98), древняя история которых связана с территорией южного Туркменистана. Горны этого типа открыты на поселениях эпохи энеолита. Они датируются концом IV – началом III тыс. до н.э. и являются наиболее ранними обжиговыми устройствами на территории Средней Азии (Сарианиди, 1963, с. 80 – 84; Масимов, 1976, с. 51).

Уже в середине III тыс. до н.э. на территории Туркменистана появляются обжигательные горны округлой или прямоугольной формы с опорным столбом в топочной камере с вертикальным или вертикально боковым ходом горячих газов (горны 1-го класса по А.А. Бобринскому) (Масимов, 1970, с. 51 – 63; Масимов, 1976, с. 37 – 50). В то же время горны второго класса в этот период времени не исчезают. Например, в квартале керамистов на Алтын-депе, где, безусловно, преобладали двухъярусные горны 1-го класса, раскопана прямоугольная в плане одноярусная конструкция с поперечной перегородкой, разделяющей внутреннее пространство горна на две неравные по величине заглубления части. Этот горн является, очевидно, примером более ранних вариантов горнов (Сайко, 1977, с. 148 – 149). Аналогичная ситуация зафиксирована и на городище Улуг-депе, где, наряду с двухъярусными горнами эпохи средней и поздней бронзы (периоды Намазга IV – VI), открыт одноярусный двухкамерный горн, конструкция которого близка горнам эпохи энеолита (Масимов, 1972, с. 37).

На территории северной Бактрии керамическое производство эпохи бронзы достаточно хорошо изучено на Сапаллитепа, где наряду с двухъярусными обжигательными горнами с пря-

мой вертикальной тягой функционировали одноярусные двухкамерные печи (Аскарлов, 1977, с. 34 – 35). Они были прямоугольными в плане и состояли из двух отделений-камер, расположенных рядом, параллельно друг другу. Камеры были перекрыты общим сводом. Под обжигательной камеры представлял собой глинобитный стилобат высотой 30 – 40 см, по внутреннему краю которого был сделан невысокий глиняный бортик. Дно топки камеры было соответственно ниже. Устье топки и загрузочное отверстие (люк) были в одной из торцевых стенок печи. По сути, ее просто не было и топливо и керамика для обжига загружались именно с этой стороны.

Позднее, в эпоху поздней бронзы (конец II тыс. до н.э.), двухъярусные округлые в плане обжигательные керамические горны с прямой вертикальной или вертикально-боковой тягой распространяются на всей территории Бактрии (Рахманов, 1979, с. 35 – 43; Виноградова, 2005, с. 251; Виноградова, Ранов, Филимонова, 2008, с. 171, 176 – 177). Обращает на себя внимание тот факт, что на территории Бактрии не известны обжигательные горны эпохи бронзы с опорным столбом в топочной камере, характерные для южного Туркменистана.

В эпоху раннего железного века, не позднее середины I тыс. до н.э., на территории Маргианы (южный Туркменистан) формируется округлый двухъярусный обжигательный горн с прямой вертикальной тягой, который распространяется по всей территории Средней Азии от Хорезма на севере (Болелов, 2002, с. 89) до левобережной Бактрии на юге (Якубов, Довутов, 2001, с. 54 – 87; Кругликова, 2005, с. 329). Этот тип горна с некоторыми технологическими модификациями просуществовал на территории Средней Азии вплоть до первой половины XX в. (Пещерева, 1959, с. 155 – 156).

В эпоху эллинизма на территории Бактрии, впрочем, также как и всей Средней Азии, повсеместно распространяются двухъярусные округлые горны с купольным или плоским перекрытием топочной камеры. Один из горнов с купольным перекрытием топки раскопан в пригородной зоне Кампыртепа (Болелов, 2001, с. 15 – 24). Кроме того, на территории Бактрии, единственной в Средней Азии, в последней трети I тыс. до н.э., появляются округлые двухъярусные горны с опорным столбом в центре топки, поддерживающим плоское перекрытие (Veuve, 1987, p. 11; Восковский, 2000, с. 10 – 14). По конструктивным

признакам они близки горнам периода эллинизма восточного Средиземноморья и северного Причерноморья (Керамическое производство..., 1966, с. 8). Бактрийские горны с опорным столбом периода эллинизма никак не связаны с предшествующей местной традицией и являются, по всей видимости, прямым заимствованием

Горны открытые в юго-восточной части цитадели Кампыртепа не находят себе даже отдаленных аналогий в археологических материалах последней трети I тыс. до н.э. не только Бактрии, но и всей Средней Азии. В то же время их конструкция, в определенной степени близка значительно более ранним двухкамерным наземным обжигательным печам, открытым на Сапаллитепа, а также двухкамерным горнам с территории южного Туркменистана, которые были упомянуты выше.

Значительный хронологический разрыв между горнами Кампыртепа и одноярусными обжиговыми устройствами Сапаллитепа, не позволяет непосредственно связывать появление горнов подобной конструкции в последней трети I тыс. до н.э. с традициями предыдущих периодов. В то же время следует признать, что гончарное производство Бактрии эпохи раннего железного века практически не изучено. Несмотря на то что, остатки обжигательных горнов зафиксированы на многих поселениях Бактрии, раскопан и опубликован только один двухъярусный обжигательный горн с вертикальным ходом горячих газов в г. Куляб (южный Таджикистан), безусловно относящий к этому времени и являющийся прямой аналогией маргианским горнам середины I тыс. до н.э. (Якубов, Довутов, 2001, с. 56 – 58; Болелов, 2010, с. 26). По этой причине нельзя исключать того, что конструкция двухкамерного одноярусного обжигательного горна могла быть знакома бактрийским гончарам в первой половине или в середине I тыс. до н.э.

О том, что такая конструкция обжиговых устройств все-таки не была забыта среднеазиатскими керамистами, свидетельствуют, в частности, единичные находки двухчастных одноярусных горнов на территории Средней Азии, но датируются они значительно более поздним временем, чем кампырские горны, и обнаружены за пределами Бактрии.

Один горн подобной конструкции раскопан на территории южного Согда, на городище Еркурган. Он представлял собой овальную в плане двухкамерную конструкцию, стенки которой

были сложены из пахсы. Особенностью данного горна являлся округлый в плане опорный столб, который, по всей видимости, поддерживал перекрытие обжигательной камеры (возможно, ложный купол). По сопутствующему керамическому материалу горн был датирован III – V вв. н.э. (Кабанов, 1948, с. 106 – 132; Кабанов, 1977, с. 24 – 25). Следует отметить, что неподалеку от этого объекта было обнаружено еще несколько горнов, но другой конструкции – двухъярусные, округлые в плане, которые датируются этим же временем (Исаметдинов, Раимкулов, 1991, с. 126 – 127; Исаметдинов, Хасанов, 2000, с. 113 – 117).

К еще более позднему периоду (IX – X вв.) относится однопоярусный двухкамерный горн, раскопанный на городище Дагайтепа, расположенного неподалеку от Еркургана, на северо-восточной окраине г. Карши. В плане он представлял собой два частично совмещенных овала вытянутых по линии С-Ю. Южная камера была больше по размеру и немного глубже южной, судя по всему, это была топка. Под северной (обжигательной) камеры был на 25 см выше пода топки. Горячие газы поступали в обжигательную камеру через отверстие (жаропроводящий канал) шириной 18 см, устроенного в междуканальной кирпичной перегородке. По всей видимости, гончарное производство в этой части городища функционировало на протяжении всего периода его существования. Непосредственно под описанным выше горном вскрыты остатки еще одного более раннего горна. Конструкция его осталась до конца невыясненной, но с уверенностью можно сказать, что она принципиально отличалась от позднего горна (Кабанов, 1977, с. 33 – 35).

Несколько необычная конструкция открыта С.К. Кабановым на сельском поселении Шор-тепе в том же южном Согде. Здесь на территории двора сельской усадьбы раскопана довольно большая по площади (9,8х8,7 м) прямоугольная площадка с небольшим прямоугольным углублением в центре. Вся поверхность этого сооружения была сильно обожжена, при этом на отдельных участках фиксируется несколько слоев глиняной обмазки. В первой публикации материала эта конструкция была интерпретирована как квадратная двухступенчатая яма для обжига посуды открытым способом, «нижний ярус которой (надо полагать углубление в центре – Б.С.) был предназначен для топлива, а верхний – для керамики» (Кабанов, 1964,

с. 71 – 76). Позднее это определение было подвергнуто сомнению, и объект был квалифицирован как часть помещения, погибшего во время пожара (Кабанов, 1977, с. 28). Действительно весь объект с обожженной поверхностью и заполнением в виде углей и кусков обожженной глины, раскопанный на Шор-тепе вряд ли мог целиком использоваться для обжига посуды. В то же время нельзя исключить и того, что углубление в центре вполне могло быть нижней частью одноярусного горна или печи. Об этом можно судить по опубликованному разрезу, где отчетливо прослеживается сильно прокаленный под нижней камеры (топка?) и также прокаленная поверхность возвышения (нижняя часть обжигательной камеры) (Кабанов, 1964, с. 75). Очень может быть, что это остатки печи или одноярусного горна (во всяком случае, нижняя его часть). Длина конструкции по линии разреза чуть более 3 м, что вполне приемлемо для горнов подобного типа.

Еще одно обжиговое устройство раскопано на поселении Караул-тобе, в области среднего течения Сырдарьи. Здесь на территории хозяйственного двора открыта яма для открытого обжига посуды площадью более 6 кв.м и глубиной чуть более 1 м. Рядом с этой площадкой находилась керамическая печь удлиненно-овальной формы, стенки которой сохранились на высоту 60 – 65 см. Максимальная ширина конструкции – 70 см, длина – 1,15 м. Как предполагает исследователь памятника Н.П. Подушкин, это была одноярусная печь, где в одной камере происходило сгорание топлива, и производился обжиг посуды. Для установки посуды по внутреннему периметру камеры было устроено небольшое возвышение шириной 12 – 15 см (Подушкин, 1973, с. 183 – 187). К сожалению, чертежи этого интересного объекта не опубликованы, а из описания неясно было ли у печи топочное отверстие, и в этом случае у нее могло быть постоянное перекрытие (м. б. ложный купол). Если же такового не было, то топливо и продукция могли загружаться только сверху и в этом случае перекрытие печи, если оно вообще было, сооружалось заново, перед каждым обжигом. Следует заметить, что печь, открытая на поселении Караул-тобе, является уникальной и не находит себе аналогий на территории Средней Азии. Некоторое сходство с ней обнаруживают «печи цилиндрической формы», остатки которых зафиксированы на городище Киндык-тепе (Спришевский, 1978, с. 49 – 53; Буряков, 1982,

с. 38). К сожалению широкомасштабных раскопок на Киндыктепе не проводилось и о деталях конструкции этих «печей» мы можем только догадываться.

Указанными выше объектами и ограничивается перечень обжиговых устройств, принципиально отличающихся от господствующего во второй половине I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. двухъярусного обжигательного горна с вертикальным ходом горячих газов. Горны, раскопанные на Кампыртепа, безусловно, стоят особняком в этом ряду. Во-первых, они датируются значительно более ранним временем, чем упомянутые выше. Во-вторых, в отличие от всех остальных, они были построены из сырцового кирпича, а не вырыты в грунте и, кроме того, имели постоянное перекрытие.

Появление на территории Бактрии столь архаической конструкции в период эллинизма объяснить в настоящее время не представляется возможным. Учитывая то, что бактрийские гончары были достаточно хорошо знакомы с двухъярусными обжигательными горнами, свидетельством чему является раскопанная в окрестностях Кампыртепа гончарная мастерская (Болев, 2001, с. 15 — 31), появление здесь же горнов принципиально другой конструкции было вызвано, возможно, производственной необходимостью. По всей видимости, в данном случае можно говорить о специализации обжиговых устройств, то есть в различных по конструкции и, соответственно, по производственной мощности горнах обжигались различные по размерам и, может быть, по функциональному назначению сосуды.

На территории Бактрии в настоящее время известно 17 горнов, которые можно датировать в пределах IV — I вв. до н.э. Большая часть объектов раскопана в правобережной Бактрии (Дальверзинтепа, Кампыртепа, Саксанохур, Дабиль-Курган). Один горн изучен на городище Ай-Ханум.

По основным конструктивным признакам, которыми являются форма топки и обжигательной камеры, а также их расположение относительно друг друга, выделяются две группы: округлые двухъярусные с прямым вертикальным ходом горячих газов и прямоугольные одноярусные, двухчастные, с горизонтальным или периферийно-боковым ходом горячих газов.

Горны первой группы, также по конструктивным признакам, в данном случае — это способ перекрытия топочной каме-

ры и расположение распределителей тепла, в свою очередь, подразделяются на два типа.

1 тип – углубленная до уровня пода топочная камера была округлой (Кампыртепа, Дальверзинтепа, Саксанохур, Дабиль-Курган) или овальной формы (Саксанохур). Топка перекрыта ложным куполом или глиняным диском; у овальных в плане горнов предполагается сводчатое перекрытие. Распределители тепла, которые конструировались в процессе строительства перекрытия, располагались радиально и открывались в округлую обжигательную камеру одним или двумя продухами. Площадь обжигательной камеры во всех случаях была больше площади топки.

2 тип – углубленная топочная камера – округлая (Ай-Ханум, Дальверзинтепа). Плоское перекрытие топки опирается на столб, сложенный из сырцового кирпича. Специально устроенные распределители тепла не прослеживаются. Горячий воздух поступал в округлую обжигательную камеру через продухи устроенные непосредственно в перекрытии. Площадь топки равна или почти равна площади обжигательной камеры.

Горны второй группы, описанные выше, обнаружены пока только на Кампыртепа. Они представляли собой прямоугольную в плане одноярусную двухкамерную конструкцию, сложенную из сырцовых кирпичей на невысоком глинобитном основании, перекрытую сводом.

Данных об организации гончарного ремесла Бактрии в период эллинизма, в общем, недостаточно. На городище Саксанохур раскопана часть квартала керамистов, который существовал на одном месте на протяжении длительного периода времени. Однако результаты раскопок полностью не опубликованы. Судя по введенному в научный оборот незначительному по объему материалу, вскрытые производственные комплексы можно датировать кушано-юэджийским периодом, не ранее середины II в. до н.э. На Дальверзинтепа два горна эллинистического периода выявлены в нижних слоях цитадели, на небольшой площади. Об условиях размещения, а тем более о характере производства на памятнике в это время судить трудно. На Ай-Ханум обжигательный горн был построен на развалинах монументального здания эллинистического периода, когда город практически не существовал. Каких-либо построек или помеще-

ний, которые можно было бы считать производственными, рядом с ним не выявлено.

Производственные комплексы, раскопанные на Кампыртепа, как представляется, несколько расширяют наши представления о формах и организации гончарного ремесла в это время. В окрестностях крепости, к востоку от укрепленной части поселения раскопана гончарная мастерская, датированная в пределах первой половины III в. до н.э. – обжигательный горн, землянка рядом с ним, площадка для сушки керамики, ямы с производственными отходами. Незначительная мощность культурного слоя и отсутствие стационарных очагов и хозяйственной зоны рядом с землянкой дают основание предполагать, что это было сезонное производство. Такая организационная форма ремесла, когда мастер-профессионал во время определенного сезона выезжал в сельскую местность и изготавливал посуду на заказ, довольно широко была распространена не только в древности, но и в эпоху развитого и позднего средневековья (Болелов, 2006б, с. 122).

Одновременно с этой мастерской, в пределах крепости функционировало довольно крупное производство. Как можно предполагать по стратиграфическим данным, в открытых дворах на цитадели одновременно работало не менее 5 горнов, отнесенных ко второй группе (см. выше). Производственная мощности каждого из них была значительно меньше, чем у горна за пределами крепости. Надо полагать здесь функционировало домашнее гончарное производство, причем, по-видимому, оно работало постоянно. Не исключено, что керамика здесь только обжигалась, а сосуды изготавливались в другом месте, может быть в жилых помещениях. Об этом, в частности, косвенно свидетельствуют находки фрагментов необожженной, но подсушенной керамики в помещениях комплекса селевкидского времени на западном склоне оврага к востоку от цитадели.

Таким образом, на основании полученных результатов, по всей видимости, можно говорить о двух формах гончарного производства функционировавших на Кампыртепа на ранних этапах жизни памятника. В окрестностях крепости работало сезонное производство, где изготовлением керамической посуды на заказ занимался профессионал-ремесленник. Мастерская работала не постоянно, но в течение определенного периода времени года. Возможно, здесь производилась высококачест-

венная столовая посуда, а также тарная керамика – относительно крупные сосуды для хранения и перевозки продуктов.

На территории крепости функционировало домашнее производство, где, возможно, работали гончары – члены соседской общины, удовлетворявшие потребности жителей поселения в глиняной посуде по мере необходимости в течение всего года. Это производство можно считать общинным. Надо полагать, это производство не было столь специализированным. Однако, учитывая размеры обжигательной камеры одноярусных горнов, уверенно можно говорить, что крупные тарные сосуды в этих горнах не обжигались.

Библиография

1. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпоха бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
2. Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М., 1993.
3. Болелов С.Б. Гончарная мастерская III – II вв. до н.э. на Кампыртепа // МТЭ. Вып 2. Ташкент, 2001.
4. Болелов С.Б. Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа (раскопки 2000-2001 годов) // МТЭ. Вып. 3. Ташкент, 2002а.
5. Болелов С.Б. Керамические обжигательные горны на территории южного и юго-восточного Приаралья (вторая половина I тыс. до н.э. – первые века н.э.) // ИМКУ. 2002б. Вып. 33.
6. Болелов С.Б. Городище Кампыртепа в эпоху великих кушан // МКВ. Вып. 4. М., 2005.
7. Болелов С.Б. Жилой квартал кушанского времени на Кампыртепа (раскопки 2000 – 2002 гг.) // МТЭ. Вып.6. Елец, 2006а.
8. Болелов С.Б. Гончарные производства Средней Азии во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. (структура и система размещения) // РА. 2006б. №3.
9. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
10. Виноградова Н.М. Поселение Кангурттут – земледельческий памятник эпохи поздней бронзы в юго-западном Таджикистане // Центральная Азия. Источники. История. Культура. М., 2005.

11. Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангурттута в юго-западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). М, 2008.
12. Восковский А.А. Результаты работ на шурфе DTC – 4 20 К // МПИ УзИсКЭ. Вып. 4. Ташкент, 2000.
13. Двуреченская Н.Д. Итоги археологических работ 2004-2005 гг. в жилом квартале-блоке 5 в северо-западной части Кампыртепа // МТЭ. Вып. 6. Елец, 2006.
14. Исаметдинов М.Х., Раимкулов А.А. Квартал керамистов на Ер-Кургане VI – VII вв. н.э. // ИМКУ. 1991. Вып. 25.
15. Исаметдинов М.Х., Хасанов М.Х. История древнего и средневекового керамического производства Нахшеба. Ташкент, 2000.
16. Кабанов С.К. Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе // ТИИ АН УзССР. Т. II. Ташкент, 1950.
17. Кабанов С.К. Раскопки на Шор-тепе близ Карши в 1952-1953 гг. // ИМКУ. 1964. Вып. 5.
18. Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III – VII вв.). Ташкент, 1977.
19. Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме // Отв. ред. Б.И. Вайнберг. М., 2004.
20. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. САИ Г-1-20 // Отв. ред. И.Б. Зеест. М., 1966.
21. Кругликова И.Т. Разведка археологических памятников, проводившаяся сотрудниками советско-афганской археологической экспедиции (САЭ) на севере и северо-западе Афганистана в 1969 – 1976. // ПИФК. 2005. Вып. XV.
22. Курбанов С.А. Археологические исследования цитадели Кампыртепа // МТЭ. Вып 1. Ташкент, 2000.
23. Масимов И.С. Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на Алтын-депе // КД. Вып. III. Ашхабад, 1970.
24. Масимов И.С. Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улуг-депе // КД. Вып. IV. Ашхабад, 1972.
25. Масимов И.С. Керамическое производство эпохи бронзы в южном Туркменистане. Ашхабад, 1976.
26. Мкртычев Т.К., Болелов С.Б. Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа // МТЭ. Вып. 5. Ташкент, 2006.

27. Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М. - Л., 1959.
28. Пидаев Ш.Р. Стратиграфия городища старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
29. Рахманов У. Раскопки керамических горнов культуры Сапалли на Бустане 4 // ИМКУ. 1979. Вып. 15.
30. Ртвеладзе Э.В. К итогам археологических исследований Кампыртепа в 2000 г. // МТЭ. Вып. 2. Ташкент, 2001.
31. Ртвеладзе Э.В. К итогам стратиграфических исследований на городище Кампыртепа в 2002 – 2005 гг. // МТЭ. Вып. 5. Ташкент, 2006.
32. Ртвеладзе Э.В., Болелов С.Б. Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыр-тепе в Северной Бактрии // Средняя Азия. Археология. История. Культура. М., 2000.
33. Сарианиди В.И. Керамические горны восточноананских поселений // КСИА. 1963. Вып. 93.
34. Сверчков Л.М. Опыт синхронизации керамических комплексов эпохи эллинизма (Кампыртепа, Термез, Джигатеп, Курганзол) // МТЭ. Вып. 5. Ташкент, 2006.
35. Сверчков Л.М. Эллинистическая крепость Курганзол. Раскопки 2004 г. // ТБНЭ. Вып. 3. Ташкент, 2007.
36. Сверчков Л.М., Восковский А.А. Стратиграфия, периодизация и хронология нижних слоев Кампыртепа // МТЭ. Вып. 5. Ташкент, 2006.
37. Спришевский В.И. Археологические памятники на берегах Ташкентского моря // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
38. Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. №2.
39. Якубов Ю., Давутов Д. Археологические раскопки на территории Куляба в 2001 г. // Проблемы древней и средневековой истории и культуры Центральной Азии. Душанбе, 2001.
40. Gardin J.C. Les ceramiques // MDAFA. T. XXI. P., 1973.
41. Lyonnet B. Ceramique et peuplement du chalcolithique á la conquête Arabe // Prospections Archeologiques en Bactriane orientale (1974 – 1978). Volume 2. P., 1997.
42. Veuve S. Le Gymnase. Architecture, ceramique, sculpture // MDAFA. T. XXX. P., 1987.

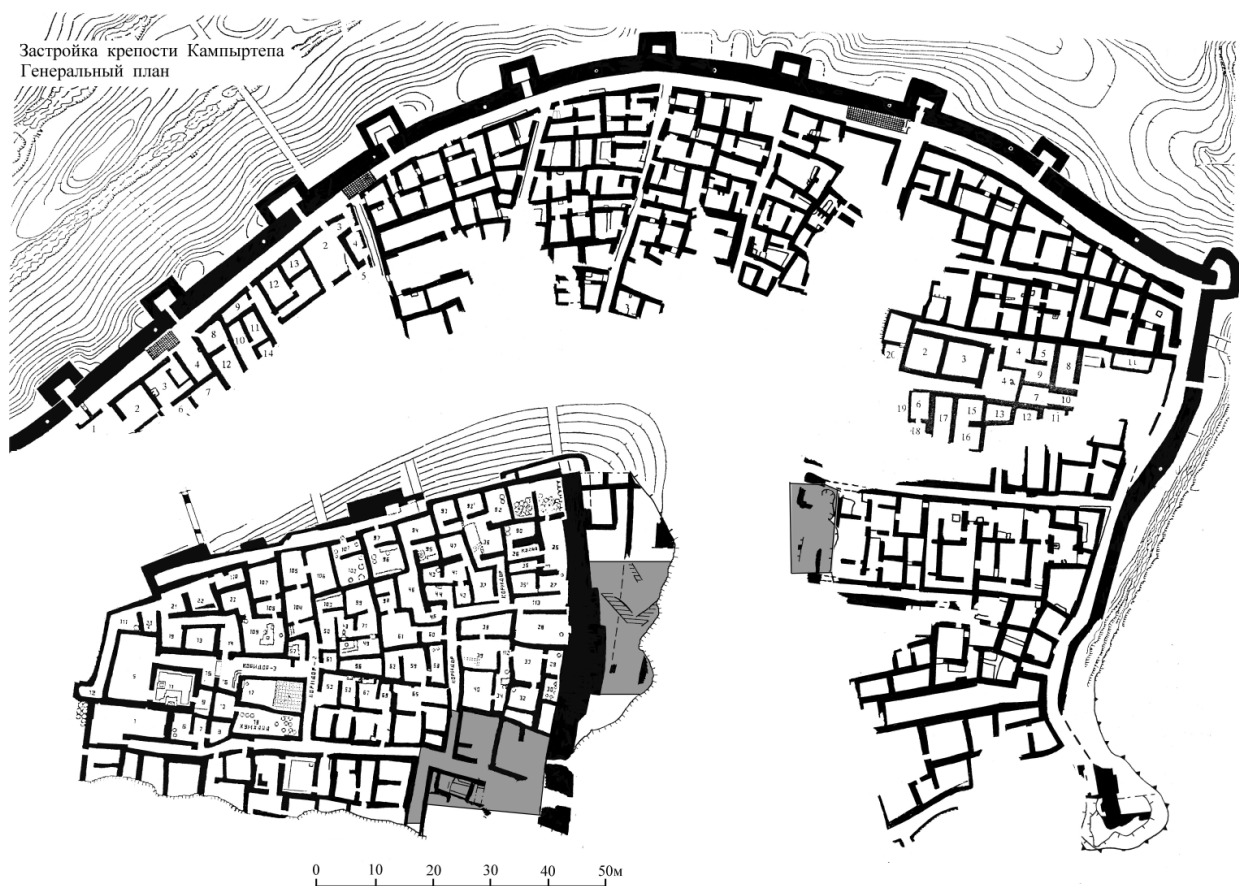

Рис. 1.

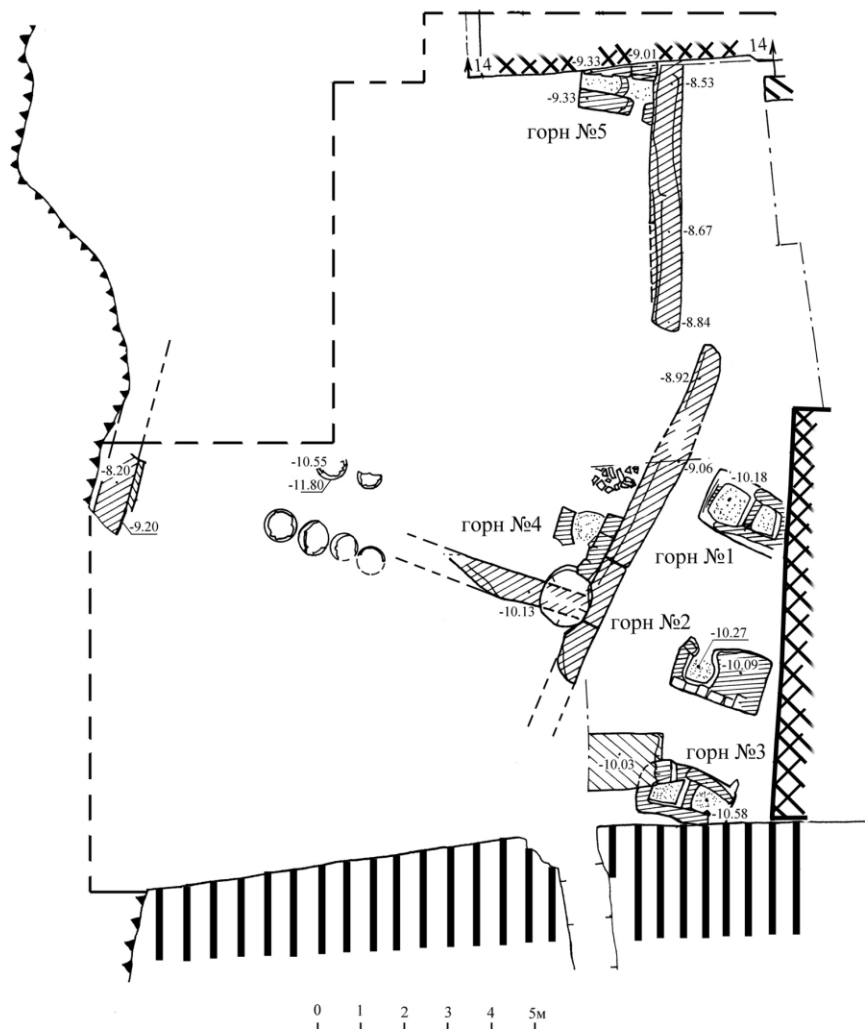
Кампыр - тепе 2009

КТЦ ЮВ

II строительный горизонт

2-ой строительный период

План.

Условные обозначения.

- - крепостная стена раннекушанского периода
- - строительный горизонт
- - стены II строительного горизонта
- - стены V строительного горизонта

Рис. 2.

Кампыр - тепе 2009
 КТЦ ЮВ
 План IV уровня Очаги N 6, 7

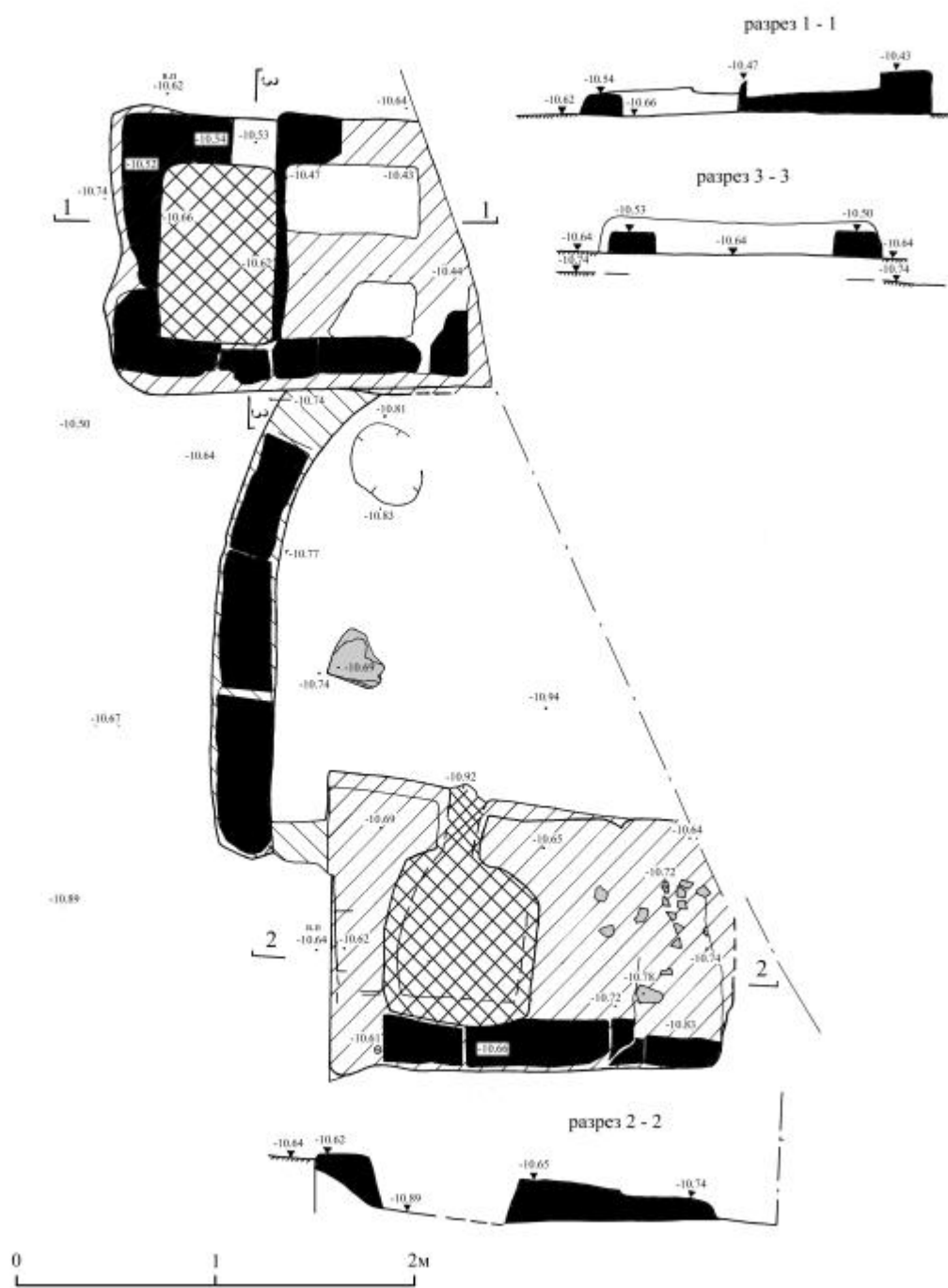

Рис. 3

Кампыртепа.
II строительный горизонт
2-ой строительный период
горны №№ 1,2.

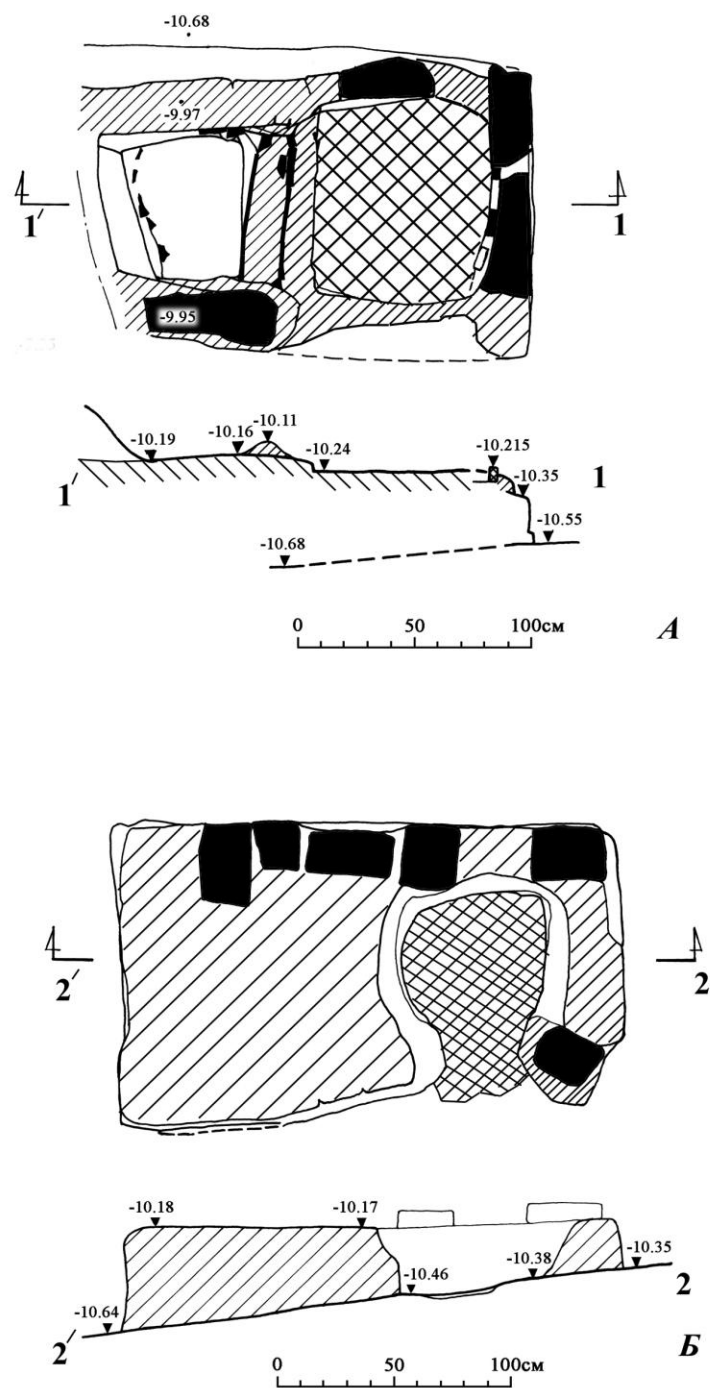

Рис.4

*A - горн №1. План, разрез
Б - горн №2. План, разрез.*

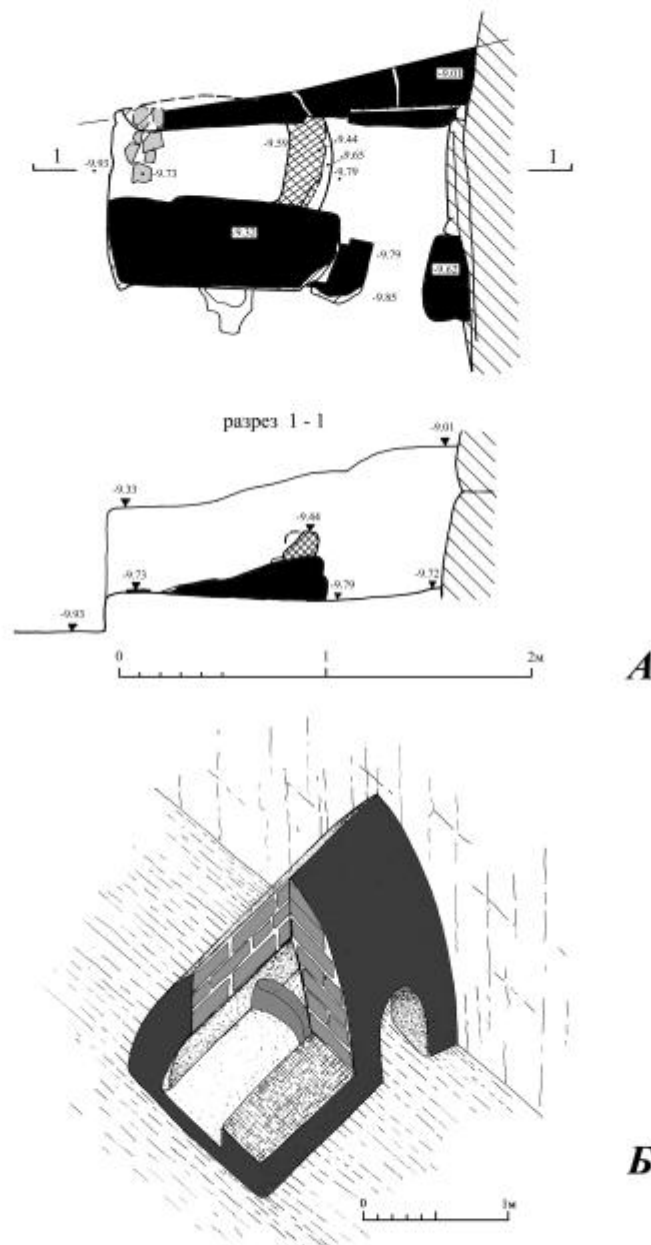

Рис. 5

*А - горн №5. План и разрез.
Б - горн №5. Реконструкция.*

Кампыртепа КТЦ ЮВ
II строительный горизонт
верхний слой.

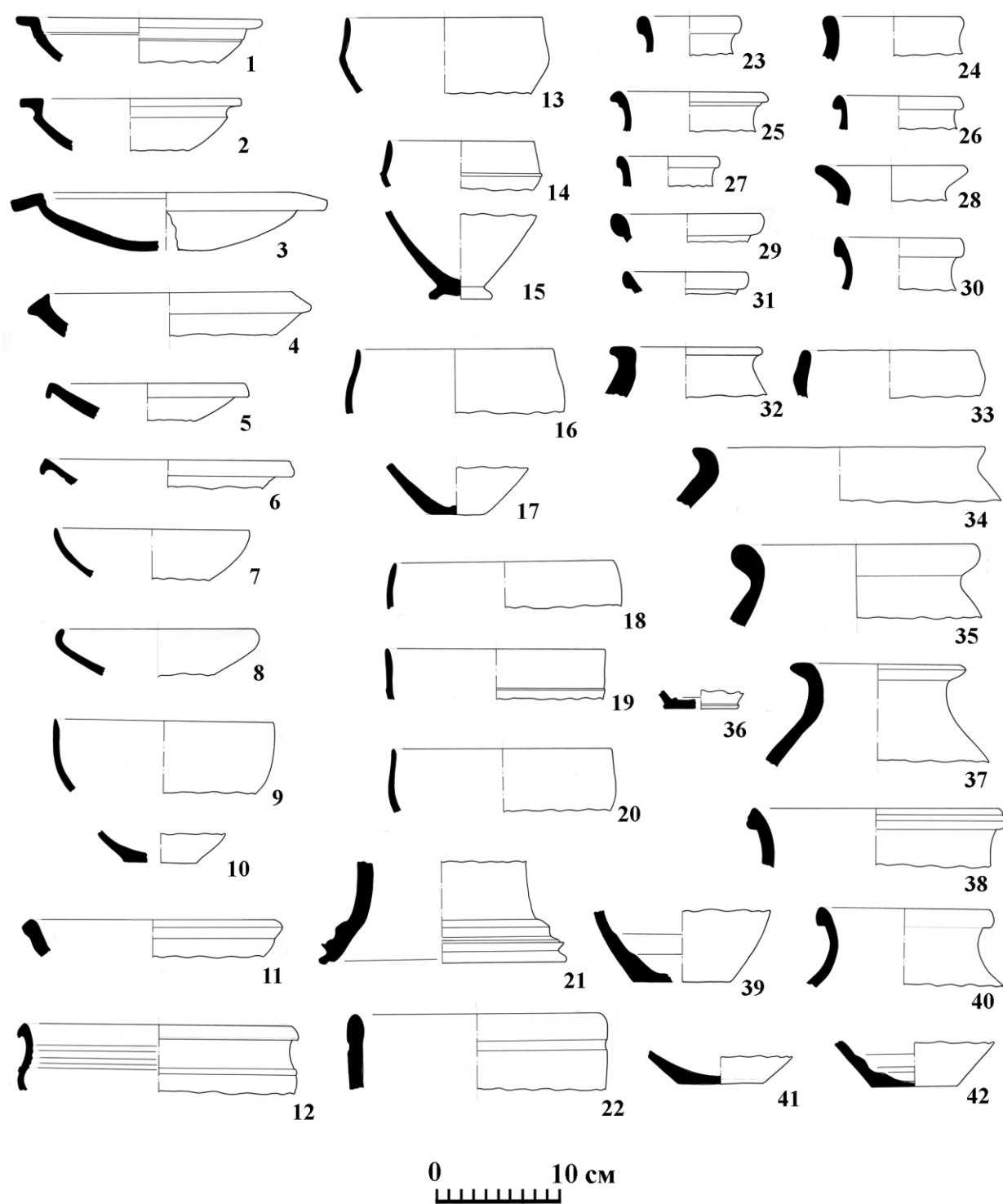

Рис. 6

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ ШУРФ НА ГОРОДИЩЕ ЯЛАНГТУШТЕПА В 2006 Г.

Осенью 2006 г. на цитадели городища Ялангтуштепа, расположенного на северо-восточной окраине райцентра Бандыхан (Сурхандарьинская обл.), был заложен стратиграфический шурф (рис. 1). Работы проводились в рамках археологических исследований Байсунской научной экспедиции под руководством Н. Бороффки и Л.М. Сверчкова.

Шурф размером 3х4 м находится в ю.-в. части цитадели (координаты по GPS: 37° 52' 2,04" с.ш., 67° 23' 12,63" в.д., высота – 476,51 м над уровнем моря⁵), за периметром крепостных стен (оплывы которых угадываются в рельефе). Шурф доведен до отметки – 5,50 м от дневной поверхности (– 470,50 м) и пересекает свиту из 11 слоев, которые относятся к трем периодам. Ниже приводим их описание в хронологической последовательности: слои 11-5 относятся к первому периоду, слой 4 – ко второму, слои 3 – 1 – к третьему (рис. 2 – 4).

Материк: плотный, слоистый грунт (суглинок) светло-коричневого цвета.

Слой 11. Плотный грунт светло-зеленого цвета, насыщенный костями животных, керамикой, белыми фракциями, угольками. Мощность 0,20 м. В слое найдено 8 фрагментов стенок от сосудов малых форм (7 из них неангобированные: 6 – с высветленной поверхностью, 1 – с коричневым цветом черепка; 1 покрыт светло-желтым ангобом); 31 фрагмент стенок от сосудов средних форм (из них 30 неангобированные); 14 фрагментов одного сосуда – котла (тесто со значительной примесью шамота), 11 – с высветлением внешней поверхности.

В слое также найдено 11 фрагментов форм, из которых: донце – 1 (рис. 5, 11), венчиков кубков – 5 (рис. 5, 1 – 5; Д. – 8 – 14 см), венчики кувшинов – 2 (рис. 5, 7 – 8; Д. – 10 – 11 см), венчик миски – 1 (рис. 5, 9), венчик рыбного блюда (в его позднем варианте, рис. 5, 6) – 1, венчик столовой тагора – 1 (рис. 5, 10). Сосуды, как правило, не ангобированы, только 2 венчика кубков

⁵ Здесь и далее все высотные отметки даны от уровня моря.

(один фрагментирован, рис. 5, 5), покрыты ангобом темно-красного и коричневого цветов (рис. 5, 5, 2).

Слой 10. Плотный грунт светло-серого цвета, с незначительным количеством угольков, без фрагментов керамики. Мощность 0,50 – 0,60 м.

Слой 9. Плотный грунт темно-серого цвета с фрагментами керамики и угольками, костями животных, большим количеством белых фракций. Мощность 0,20 м. В слое найдено 12 фрагментов стенок от сосудов малых форм: 7 – красноангобированных, 2 – неангобированные с высветлением, 3 – орнаментированные (волнистый орнамент); 20 фрагментов стенок от сосудов средних форм, из них 1 покрыт коричневым ангобом, 19 не ангобированы, 9 – с высветлением внешней поверхности.

В слое найдено также 3 фрагмента дающих представление о форме сосуда: 2 венчика – кувшин и чаша (обе формы Д. – 11 см; последняя с обеих сторон покрыта темно-красным ангобом) (рис. 6, 1 – 2) и донце с плоским поддоном (рис. 6, 3). Появляется сероглиняная керамика (венчик кувшина). В слое также зафиксированы несколько фрагментов кузнечных шлаков.

Слой 8. Плотный грунт светло-коричневого цвета, с незначительным количеством фрагментов керамики, угольков и белых фракций. Мощность 0,20 – 0,30 м. В слое найдено 4 фрагмента форм керамики: ручка кувшина и три венчика: миски (с обеих сторон красный ангоб, Д. – 14 см, рис. 7, 1), кубка (жидкий коричневый ангоб с обеих сторон, Д. – 16 см, рис. 7, 2) и столовой тагора (не ангобирован, Д. – 33 см, рис. 7, 4).

Имеются 27 фрагментов стенок керамики от сосудов средних форм, из них 6 ангобированы (3 – красный ангоб, 1 – коричневый, 2 – светло-желтый); 21 – без ангоба (12 – с высветлением).

Слой 7. Рыхлый грунт светло-серого цвета с фрагментами керамики, костями животных, белыми фракциями и угольками. Мощность 5 – 7 см. В слое найдено 17 фрагментов стенок сосудов малых форм: 3 – красноангобированные, 12 – без ангоба (девять с высветлением), 2 – орнаментированные (рис. 8, 7 – 8); 36 фрагментов стенок сосудов средних форм: 5 – красноангобированные, 1 покрыт коричневым ангобом, 29 – без ангоба (20 с высветлением внешней поверхности), 1 – орнаментированный; 6 фрагментов стенок сосудов крупных форм.

В слое также найдено 6 венчиков форм керамики: 2 кубка (Д. – 13 – 14 см, рис. 8, 2 – 3), 1 бокал (Д. – 12 см, рис. 8, 1), 2 миски (Д. – 14 см, рис. 8, 4 – 5), 1 хумча (Д. – 24 см, рис. 8, 6); 4 плоских донца от сосудов средних форм. Кубки и бокал с обеих сторон покрыты ангобом красного цвета, миски – красного и коричневого.

Слой 6. Рыхлый грунт черного цвета (зольно-горелый слой). Мощность 5 – 8 см. Без фрагментов керамики.

Слой 5. Рыхлый грунт светло-серого цвета с фрагментами керамики, костями животных и угольками. Мощность 4 – 5 см. В слое найден 21 фрагмент стенок сосудов малых форм: 10 – ангобированных (красный ангоб), 9 – неангобированных (3 из них с высветлением, 4 с шамотом), 2 – орнаментированных (в т.ч. 1 сероглиняный со штампом, рис. 9, 2); 18 фрагментов стенок сосудов средних форм: 4 – ангобированных (1 – со светло-желтым ангобом, 3 – с красным), 10 – неангобированных (7 из них с высветлением), 2 – орнаментированных; 2 фрагмента крупных форм.

В слое найдено 8 фрагментов форм керамики, из них: одна ножка кубка (рис. 9, 3) и 7 венчиков. Венчики представлены двумя фрагментами мисок – без ангоба (Д. – 11 и 16 см, рис. 9, 5, 7), двумя столовыми тагора (Д. – 24 и 28 см, рис. 9, 8-9), одним красноангобированным кубком (Д. – 14 см, рис. 9, 1) и двумя кувшинами (один из них, снаружи покрыт коричневым ангобом, а изнутри красным поверх волнистого орнамента, Д. – 10 см, рис. 9, 4; второй с обеих сторон покрыт плотным красным ангобом, Д. – 14 см, рис. 9, 6).

Слой 4. Плотный грунт светло-коричневого цвета, насыщенный фрагментами керамики, костями животных, угольками, обломками кирпичей (редко встречаются целые образцы форматом: 30х?х9 см, 30х?х8 см, 36х?х10 см, 34х?х9 см, 38х?х12 см) и значительным количеством камней различного размера.

В слое присутствуют незначительные зольно-гумусные прослойки толщиной 3 – 8 см. Мощность слоя – 2,00 – 2,50 м. В слое найдено 56 фрагментов стенок сосудов малых форм: 26 – ангобированных (2 – со светлым ангобом, 24 – с красным), 29 – неангобированных (из них 10 с высветлением, 2 сероглиняных), 1 – орнаментированный (рис. 10, 34); 373 фрагмента стенок керамики средних форм: 50 – ангобированных (34

с красным ангобом, 11 со светло-желтым, 5 с коричневым), 309 – неангобированных (из них 120 с высветлением, 10 сероглиняных), 14 – орнаментированных (11 с волнистым орнаментом, 1 со штампованным (рис. 10, 32), 2 с комбинированным – волнистый орнамент и штампы (рис. 10, 33, 35); 60 фрагментов стенок сосудов крупных форм.

В слое найдено также 108 фрагментов форм керамики: 12 донец (2 донца мисок (рис. 11, 12 – 13), 10 донец кувшинов (рис. 10, 41 – 44; рис. 11, 14 – 15, 33 – 37), 2 ножки кубков (рис. 11, 10-11); 94 венчика: 21 – от кувшинов, 2 – от хумов, 9 – от кубков, 3 – от горшков, 29 – от мисок, 16 – от чаш, 4 – от тагора, 1 венчик светильника (чироба) и 1 венчик кувшинчика.

Кубки, бокалы (рис. 11, 1 – 9). Д. – 9 – 14 см. Черепок в изломе красного, коричневого или светло-коричневого цвета, 2 фрагмента – без ангоба (рис. 11, 7 – 8), остальные с обеих сторон покрыты плотным красным ангобом.

Горшки (рис. 10, 11 – 13). Д. – 4, 12 см.

Хумы (рис. 10, 45 – 46). Д. – 26 – 27 см. Черепок в изломе светло-коричневого и красного цвета. Чироб (рис. 10, 2).

Кувшины (рис. 10, 10, 15, 18-31, 40; рис. 12, 17, 25). Д. – 6 – 12 см, только в двух случаях 14 и 17 см (рис. 10, 28-29). Пять фрагментов ангобированы: один – коричневым ангобом (рис. 10, 29), четыре – красным (рис. 10, 15, 25-26, 31).

Миски (рис. 10, 3 – 8, 16 – 17; рис. 11, 16 – 32). Д. – 13-22 см, только в одном случае 34 см. Черепок в изломе светло-коричневый, коричневый и красный. 10 фрагментов – без ангоба (рис. 10, 3, 6; рис. 11, 22, 25, 27-31), 2 – покрыты ангобом коричневого цвета (рис. 10, 5; рис. 18, 32), остальные красным. Ангоб нанесен с двух сторон по венчику или по венчику и верхнему краю. Чаши (рис. 10, 1; рис. 12, 1 – 15, 18 – 24). Д. – 14 – 24 см. Черепок в изломе различных оттенков коричневого и красного цветов; 3 фрагмента с обеих сторон покрыты красным ангобом (рис. 12, 14, 23 – 24); 3 – бледно-желтым: два с обеих сторон (рис. 12, 2, 15), один внутри (рис. 12, 13); один с обеих сторон ангобом коричневого цвета (рис. 10, 1), остальные без ангоба.

Тагора (рис. 10, 39; рис. 12, 26 – 29, 31). Д. – 20 – 29 см 2 – покрыты ангобами красного (рис. 12, 26) и светло-желтого цветов (рис. 12, 27), остальные не ангобированы.

Кувшинчик (рис. 10, 9). Д. – 4 см. Черепок в изломе светло-коричневый, внутри по верхнему краю покрыт красным ангобом.

Сероглиняная керамика представлена 8 фрагментами. В зольной прослойке, зафиксированной в восточном и северном профилях шурфа, в слое 4 (на уровне – 474,17 м) найдена шаровидная бусина голубого цвета с белыми прожилками (рис. 10; вероятно, это так называемый «египетский фаянс»), а также небольшой фрагмент медной монеты (не определена, сохранилось ок. 1/5 части от первоначального размера).

Слой 3. Рыхлый грунт зеленовато-серого цвета с фрагментами керамики и угольков. Мощность 10 – 15 см. Зафиксирован только в южном профиле шурфа. Без фрагментов керамики.

Слой 3 «А». Рыхлый грунт серого цвета с фрагментами керамики, угольков и костями животных. Мощность 0,10 – 0,25 м. Зафиксирован в западном и южном профилях шурфа (в последнем переходит в слой 3). Без фрагментов керамики. В этом слое был найден фрагмент терракотовой статуэтки – изображение женского персонажа в высоком головном уборе. Сохранилась только голова. Максимальная высота фрагмента – 55 мм, максимальная ширина – 42 мм. Головной убор с округлым верхом в виде «кокошника» с двумя рядами насечек. Лицо персонажа полное и округлое, глаза миндалевидной формы, слегка раскосые. Рот небольшой, нос отбит. Пряди волос ниспадают до уровня щек, они переданы одним рядом насечек, более удлиненной формы, чем насечки, передающие головной убор персонажа. Подобного рода (относящиеся к одному кругу изделий) головные уборы и манера передачи деталей лица широко распространены среди терракотовых статуэток найденных на многих памятниках Северной Бактрии. Они относятся к типу, который передает изображение так называемой «бактрийской богини» (по Г.А. Пугаченковой). Такого рода терракотовые статуэтки, были найдены при раскопках Культепа, Ялангтуштепа, Соврижонтепа, Дальверзинтепа и Паенкургона (Пугаченкова, 1973, с. 108 – 110, рис. 15 – 25; Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 161 – 162, группа 1, тип I, рис. 113, 8 – 10; Дальварзинтепа шахристони, 1996: с. 60, рис. 145; с. 111, рис. 6; с. 115, рис. 17 – 20; Абдуллаев, 2000, с. 20, рис. 2, 1 – 7; Ilyasov, Mkrttychev, 1991/92, pp. 125, pl. V, 1-5, group B).

Слой 2. Рыхлый грунт серо-зеленого цвета с фрагментами керамики, костями животных и угольками. Его мощность 0,10 – 0,15 м, он зафиксирован только в западном и южном профилях шурфа. В слое найдено 57 фрагментов стенок сосудов: 33 – от малых форм, 24 – от средних форм.

Имеется 10 фрагментов форм керамики: четыре фрагмента чаш, по два фрагмента кувшинов, мисок и горшков.

Чаши (рис. 13, 5 – 10). Д. – 12 – 4 см. Два фрагмента покрыты ангобом светло-желтого и коричневого цветов (рис. 13, 5-6).

Кувшины (рис. 13, 1 – 2). Д. – 7 и 9 см. Один из фрагментов, по верхнему краю внутри, покрыт красным ангобом (рис. 13, 1), другой без ангоба.

Миски (рис. 13, 8 – 9). Д. – 15 см. Все без ангоба. Горшки (рис. 13, 3 – 4). Д. – 11 см. Черепок плотный с незначительной примесью шамота. Все без ангоба.

Чаши (рис. 13, 5 – 7, 10). Д. – 12 – 24 см.

Слой 1. Плотный грунт светло-коричневого цвета с фрагментами керамики и кирпичей, со значительным количеством костей животных и угольков. Толщина 0,25 – 0,40 м. В слое найдено 52 фрагмента стенок сосудов: 25 – от малых форм, 27 – от средних форм.

В слое также найдено 12 фрагментов форм керамики: по одному фрагменту хума и миниатюрного сосуда, по два фрагмента кубков и кувшинов, по три фрагмента тагора и чаш.

Хум (рис. 14, 11). Д. – 25 см.

Кувшины (рис. 14, 7 – 8). Д. – 7 – 9 см. Не ангобированы.

Чаши (рис. 14, 3 – 5). Д. – 11, 17 см. Один фрагмент с обеих сторон покрыт светло-желтым ангобом (Рис. 14, 4).

Тагора (рис. 14, 9 – 10, 12). Д. – 27, 50 см. Не ангобированы.

Кубки (рис. 14, 1 – 2). Д. – 17 см. Один фрагмент сероглиняный со следами полосчатого лощения (рис. 14, 1).

Кувшинчик (Рис. 14, 6). Д. – 7 см. С обеих сторон покрыт светло-красным (розовым) ангобом.

На всей площади шурфа по линии ю.-в. – с.-з., на глубине – 1,30 м от д.п. (– 475,21 м от репера) была зафиксирована стена, сложенная из кирпича-сырца форматом 34х?х9 см, 36х?х10 см. Высота сохранившейся части стены 2,05 м. Толщина откры-

того участка стены в основании 2,05-2,15 м, толщина в верхней части 1,20 – 1,30 м. Определить полную толщину не представляется возможным, поскольку тело стены попало под восточный борт шурфа. Линия направления этой стены, параллельна периметру оплывшей восточной стен цитадели. По всей видимости, на вскрытом участке зафиксирована подошва восточной стены цитадели. Если это так, тогда высота стен цитадели должна была составлять не менее 4 – 4,5 м. Возможна и другая интерпретация. Открытый участок стены отстоит от гребня стен цитадели на 6 – 7 м. Возможно, что данная стена являлась бермой – монолитным основанием, вынесенным перед основным периметром стен цитадели. Но против этого объяснения косвенно свидетельствует значительная высота и толщина кладки стены, по нашему мнению, слишком большая для бермы. Окончательное решение вопроса могли быть дальнейшие раскопки, но проведение их невозможно, поскольку на территории цитадели, внутри периметра стен, расположено детское кладбище.

Из кладки стены происходят 7 фрагментов форм керамики: по одному фрагменту тагора (рис. 15, 6; Д. – 29 см), кувшина (рис. 15, 3; Д. – 14 см), горшка (рис. 15, 1; Д. – 13 см), 3 фрагмента чаш (рис. 15, 2, 4 – 5; Д. – 14, 17, 19 см) – все без ангоба и миска (рис. 15, 7; Д. – 15 см) с обеих сторон покрытая ангобом темно-красного цвета.

Слои первого периода – 11 – 5 – подстилают стену, керамический комплекс из этих слоев предварительно может быть датирован временем падения греко-бактрийского царства.

Слой второго периода – 4 (опływ) – относится ко времени функционирования и запустения стены. Керамика, полученная из этого слоя, предварительно может быть датирована временем, которое принято называть «кушано-юечжийским» или раннекушанским периодом.

Слои третьего периода соответствуют двум помещениям, стены которых зафиксированы в южном, западном и северном профилях шурфа; в последнем зафиксирован пол, относящийся к одному из помещений. В напольном слое найдено 6 фрагментов форм керамики: один венчик кувшина (рис. 16, 1), два венчика мисок (рис. 16, 2 – 3), три донца (рис. 16, 4 – 6). Стены этих помещений возведены поверх стены предшествующего (второго) периода, которая к этому времени прекратила выпол-

нять свое фортификационное назначение, и была заброшена. Керамика из слоев третьего периода предварительно может быть датирована «великокушанским» временем.

В верхнем – дерновом слое, на глубине 0,15 – 0,20 м от дневной поверхности было зафиксировано несколько беспорядочно уложенных камней разной величины. Длина каменной кладки 1,20 м, ширина 0,60 м. Возможно, что обнаруженное сооружение является захоронением. Это тем более вероятно, поскольку, как уже отмечалось, основная площадь цитадели Ялангтуштепа, в настоящее время используется под детское кладбище. Однако костных останков обнаружено не было.

При проведении археологических работ большую помощь сотрудникам экспедиции оказали жители райцентра Бандыхан.

Халиков Ильхом (1979 г.р.) передал в дар терракотовую статуэтку (мужской персонаж в кафтане и сапогах, рис. 17, 2; см. также: Boroffka 2009, S. 142, Abb. 15) и показал кушанскую медную монету Канишки I (рис 18, 1). Д. –25,8х25,8 мм; изображение сильно коррозировано и плохо различимо. По словам автора находки, монета подверглась очистке абразивными материалами.

Чориев Уктам (1987 г.р.) также подарил миниатюрный сосуд и две фрагментированные терракотовые статуэтки (у обеих отсутствуют головы) (рис. 17, 4). На одной из них, представлен сидящий женский персонаж с предметом в правой руке. Фигура изображена в длинном складчатом одеянии, рельефно переданы центральная складка и колени. На левое плечо наброшен халат, из под складок которого видна кисть левой руки, лежащая на коленях. Правая рука прижата к груди, в ней зажат предмет неясных очертаний (рис. 17, 3). На другой статуэтке передано изображение стоящего женского персонажа в длинном складчатом одеянии, драпирующимся горизонтальными складками до колен и вертикальными ниже колен. В поднятой на уровень груди правой руке предметом не ясных очертаний. На шее ожерелье, переданное крупными профилированными «точками» (рис. 17, 4).

Оба фрагмента, относятся к изображениям уже упоминавшейся «бактрийской богини». Они отличаются некоторыми иконографическими деталями. Первая терракота относится к «группе А» (типология по Дж.Я. Ильясову и Т.К. Мкртычеву, см.: Ilyasov, Mkrttychev, 1991/92, pp. 125, pl. I, 1 – 3, group

А). Несколько фрагментированных терракот этого типа уже были найдены на Ялангтуштепа в период 1974 – 1975 гг. (Ртвеладзе, 2007, с. 92 – 93, рис. 13). Такие статуэтки были также найдены при раскопках Соврижонтепа, Дальверзинтепа (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 161 – 162, группа 1, тип I, рис. 113, 5 – 6; Pougatchenkova, 1978, pp. 54, № 36; ДЮУ, № 226) и Паенкурмана (Абдуллаев, 2000, с. 20, рис. 1, 1 – 5). Одна терракота хранилась в фондах Сурхандарьинского областного краеведческого музея (КИДУ, с. 150, № 198).

Вторая фрагментированная терракота, также как и женская терракотовая головка найденная в слое 3 А (см. выше), относится к «группе Б» (Ilyasov, Mkrtichev, 1991/92, pp. 124, pl. II – III, 1 – 3, group B). Близкого типа терракоты были найдены на Мирзакултепа и Дальверзинтепа (Пидаев, 1978, с. 43-45, рис. 11-12; Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 164, группа 3, тип I, рис. 114, 26; Дальварзинтепа шахристони, 1996, с. 111 – 112, рис. 6, 8 – 10, 13, с. 115 – 116, рис. 17 – 24).

Кушаков Надир (1985 г.р.) подарил каменный оселок (рис. 18, 6). Узжамол Чориева, 1968 г.р., показала чирог – светильник (рис. 18, 5), миниатюрный кувшин (рис. 18, 3) и монету «варварского Гелиокла» (рис. 18, 2). Д. – 28,3х28,1 мм; изображение сильно коррозировано; монета очищена, вероятно, сильным раствором кислоты или абразивными материалами. Монета относится к широко распространенному типу, на л. ст.: погрудное изображение правителя в диадеме вправо; об. ст.: Зевс с перуном в правой руке, по сторонам от изображения (слева, справа и под ним) искаженная греческая легенда, неразличима (Зеймаль, 1983, с. 111 – 112, группа III; Mitchiner, 1975: 506).

Все предметы были найдены при хозяйственных работах, проводившихся в непосредственной близости от цитадели Ялангтуштепа, на площади, в настоящее время используемой под жилую застройку. Отметим, что территория к северу от цитадели, на которой располагался могильник, исследованный Э.В. Ртвеладзе в 70-е годы XX в. (Ртвеладзе, 1983, с. 125 – 143), ныне полностью распахана.

Библиография

1. Абдуллаев К. К атрибуции тронных изображений в кушанской коропластике // ВДИ. 2000. № 2.

2. Дальварзинтепа шахристони (қадмшунослик тадқиқотлари якунлари). Сока, 1996.
3. Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
4. Пугаченкова Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
5. Ртвеладзе Э.В. Могильник кушанского времени у Ялангтуштепе // СА. 1983. № 2.
6. Ртвеладзе Э.В. Археологические исследования в Бандыхане в 1974 – 1975 гг. // ТБНЭ. Вып. 3. Ташкент, 2007.
7. Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.
8. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
9. Boroffka N. Siedlungsgeschichte in Nordbakterien – Bandi-
chan zwischen Spätbronzezeit und Frühmittelalter // Alexander der
Grosse und die Öffnung der Welt – Asiens Kulturen im Wandel.
Mannheim, 2009.
10. Ilyasov Dj., Mkrtichev T. Bactrian Goddess from Dalver-
zintepé. Attempts of Typological Analysis // SRAA. 1991/92. Vol. 2.
11. Pougatchenkova G. Les trésors de Dalverzintépé. Lénin-
grad, 1978.
12. Mitchiner M. Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. Vol.
4. L., 1975.

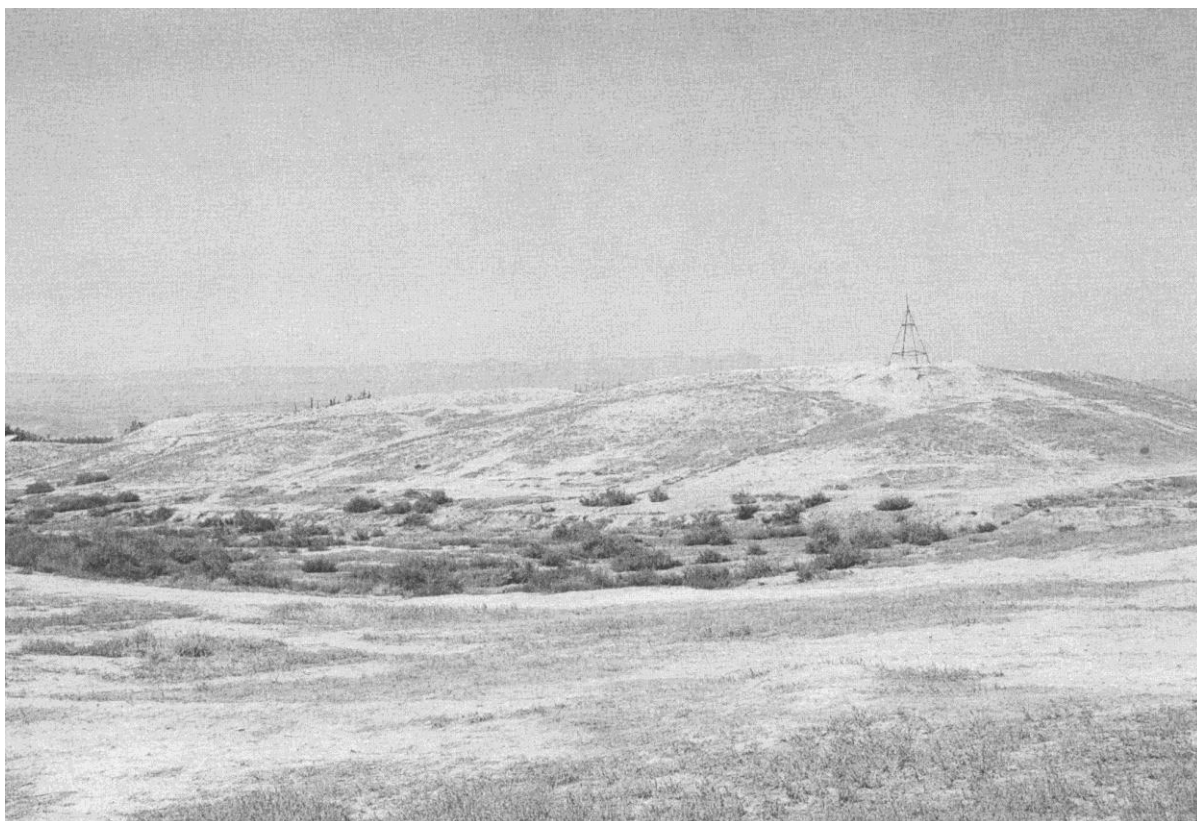

Рис.1. Ялангуштепа. Вид с юга.

Рис. 2. Восточный профиль шурфа. Вид с Запада.

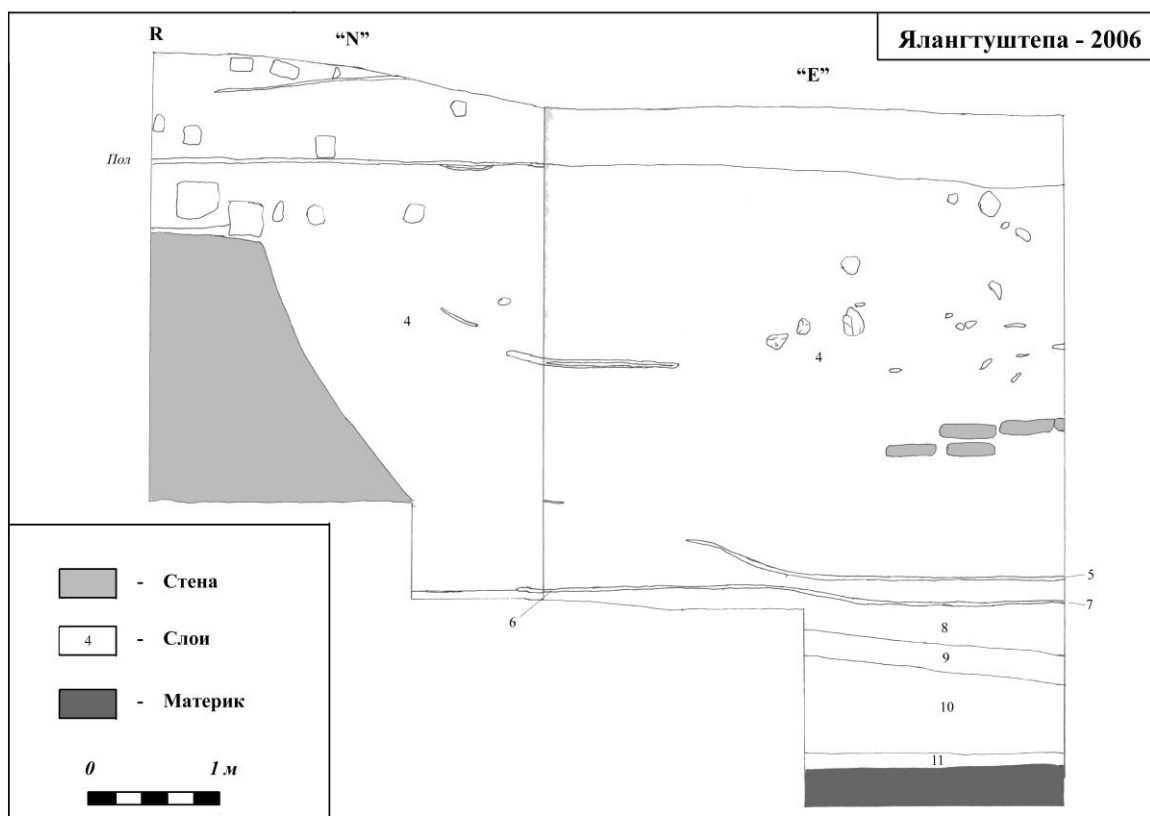

Рис. 3. Разверстка шурфа по линии
Запад – Восток – Север – Юг

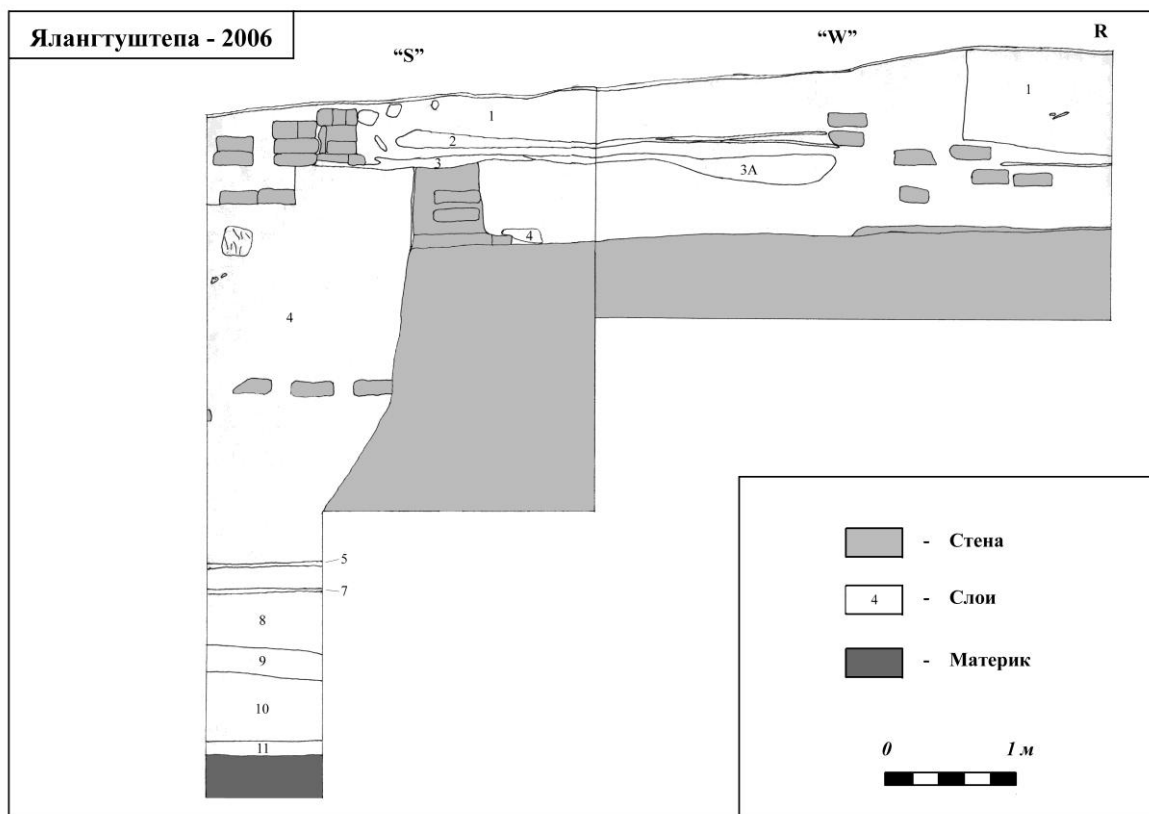

Рис. 4. Разверстка шурфа по линии
Восток – Запад – Юг – Север.

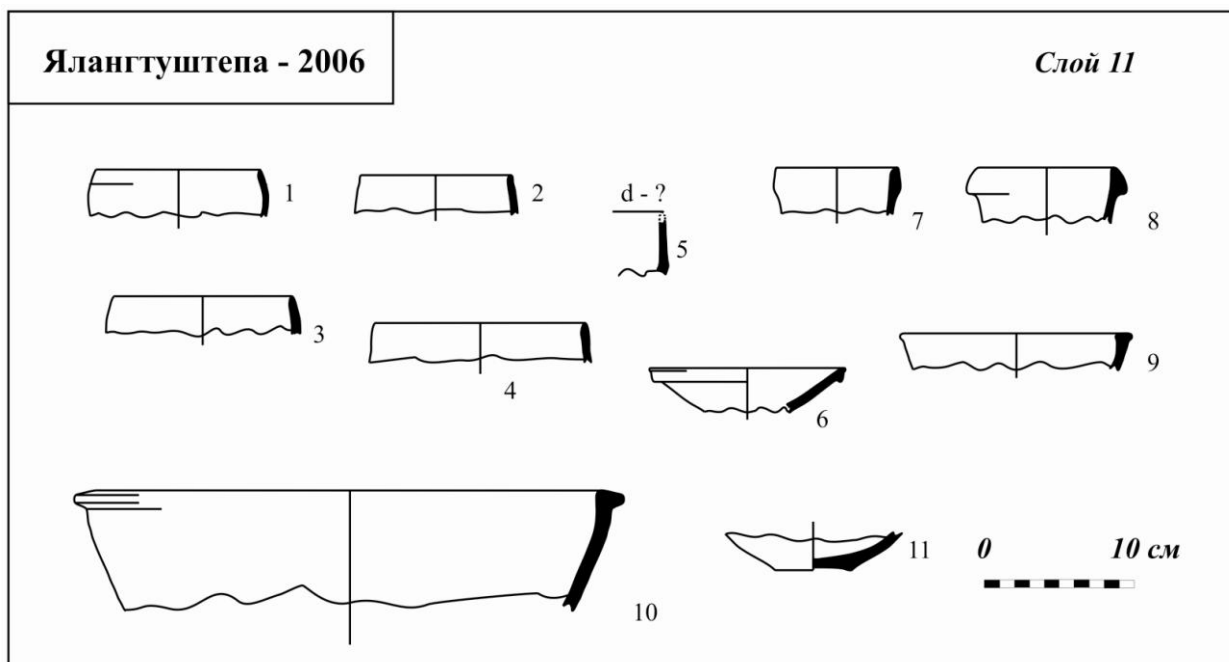

Рис. 5. Керамический комплекс из слоя 11.

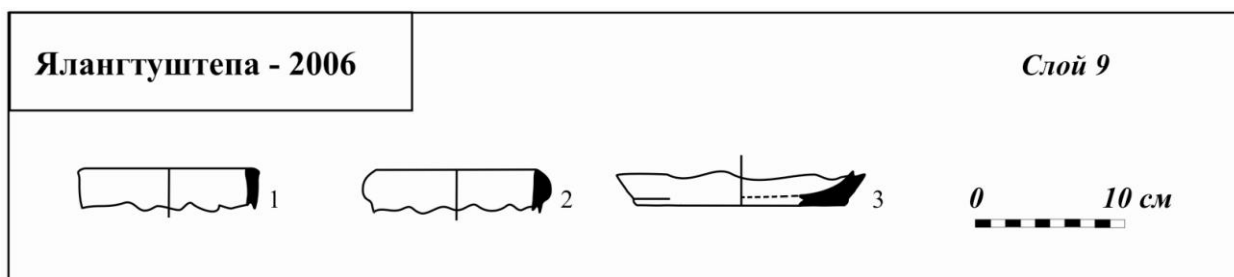

Рис. 6. Керамический комплекс из слоя 9.

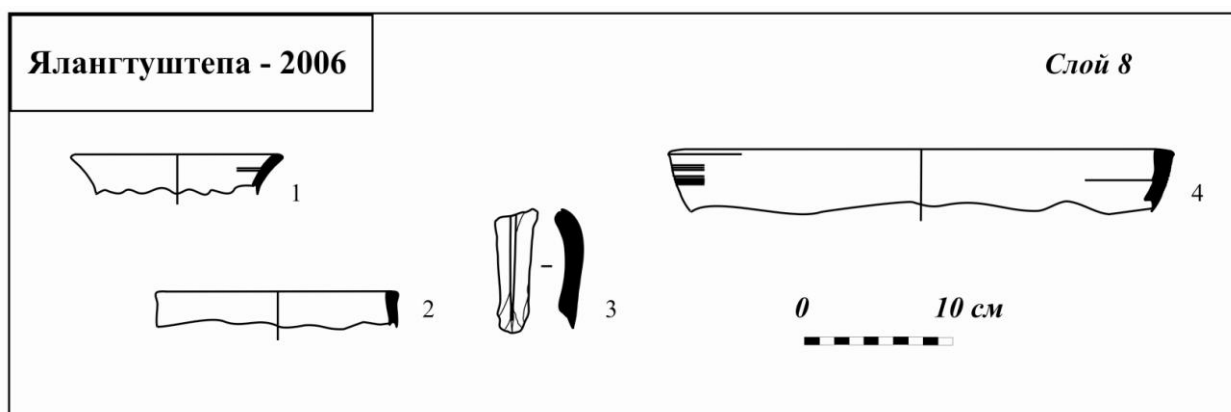

Рис. 7. Керамический комплекс из слоя 8.

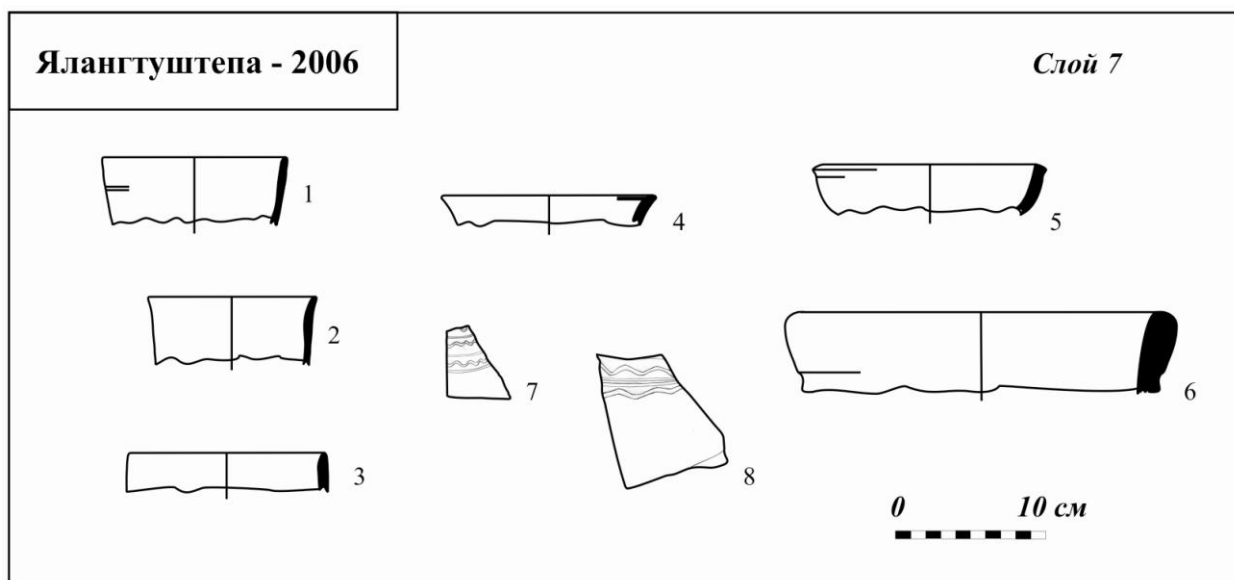

Рис. 8. Керамический комплекс из слоя 7.

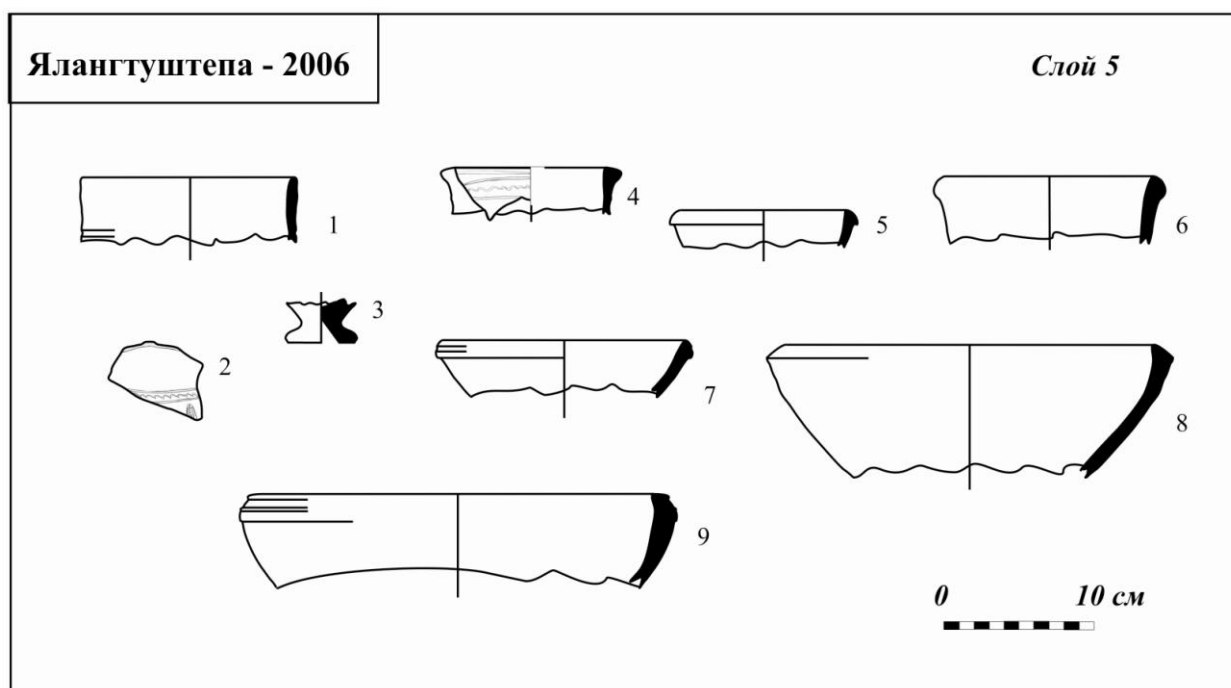

Рис. 9. Керамический комплекс из слоя 5.

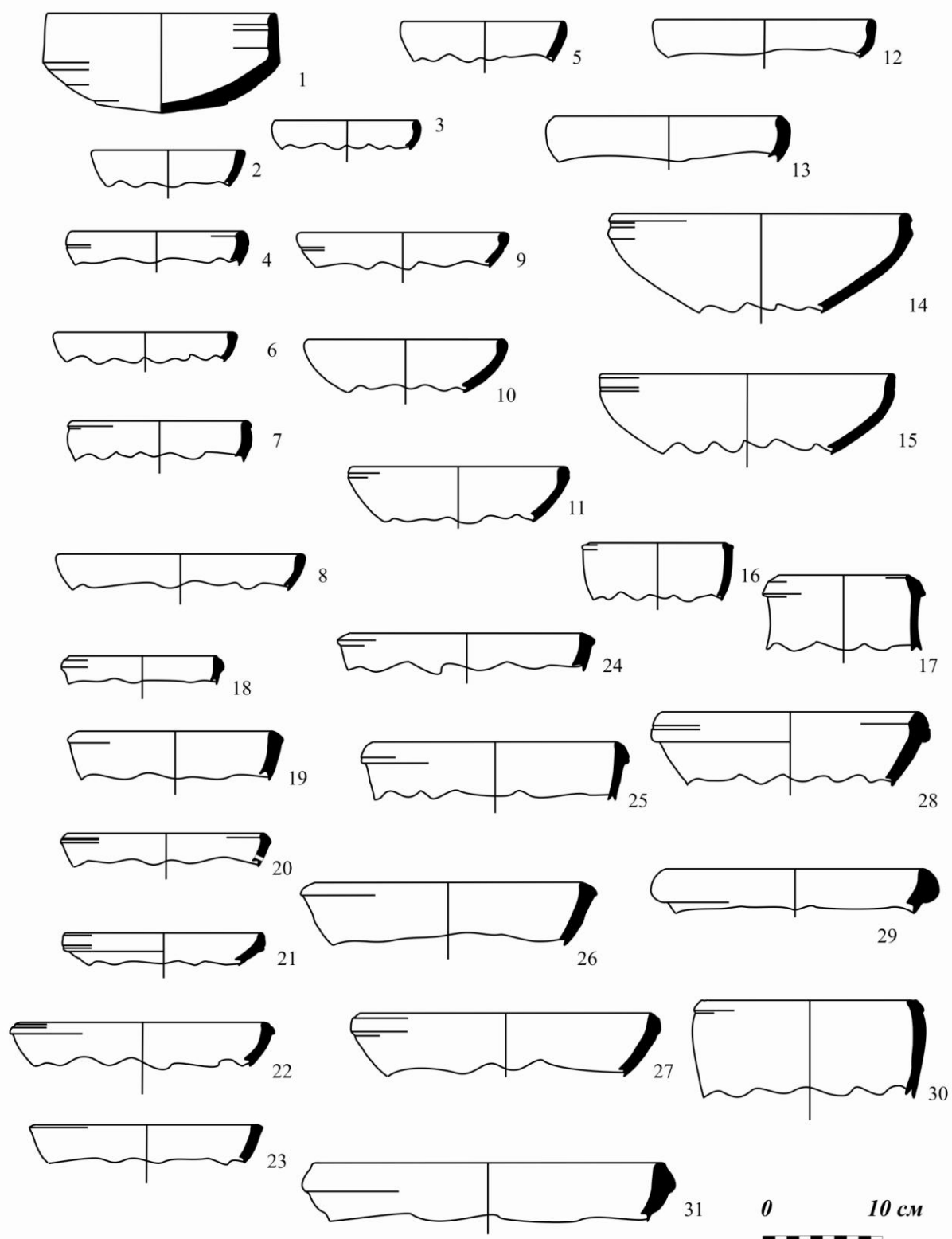

Рис. 10. Керамический комплекс из слоя 4.

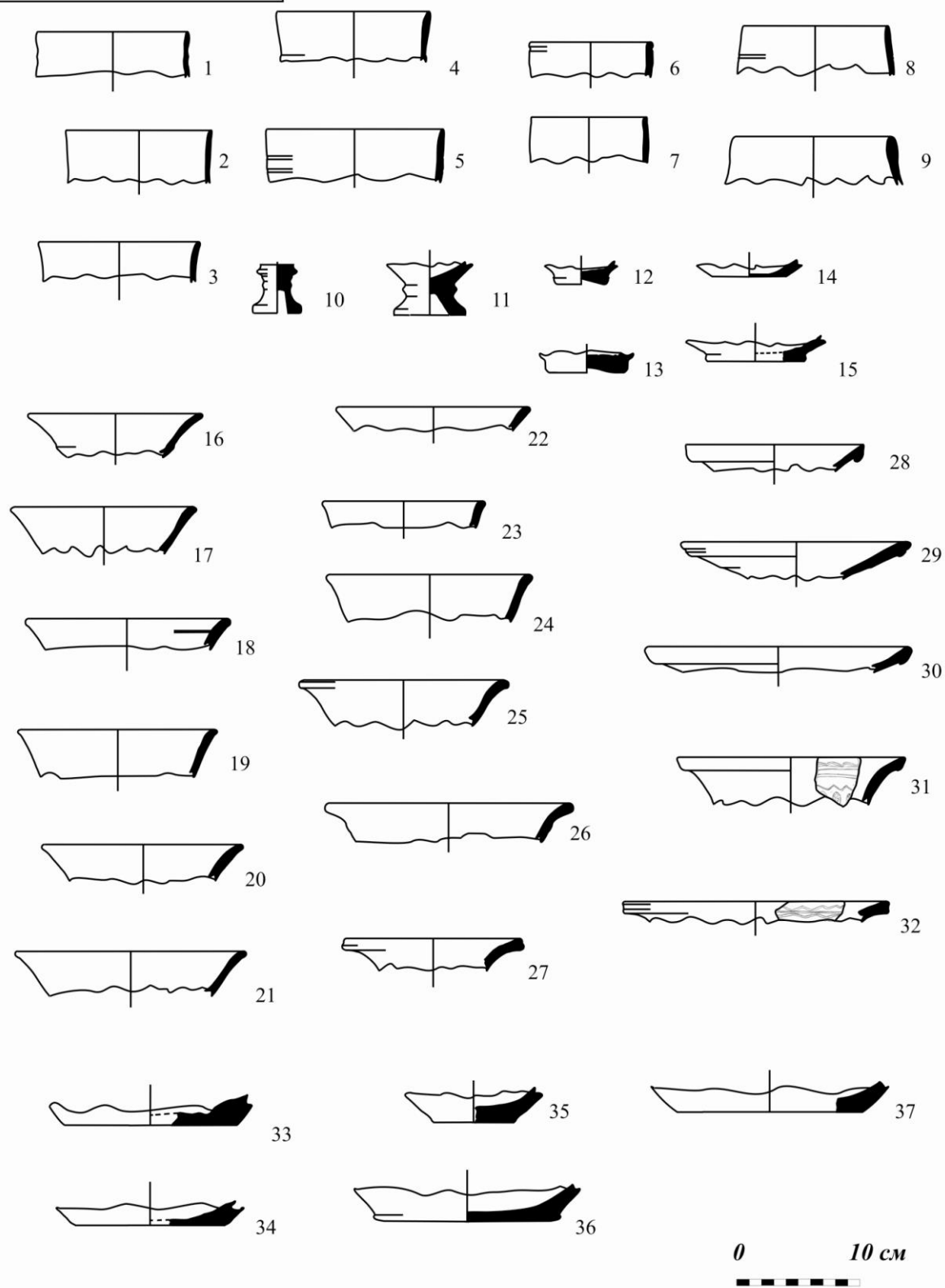

Рис. 11. Керамический комплекс из слоя 4.

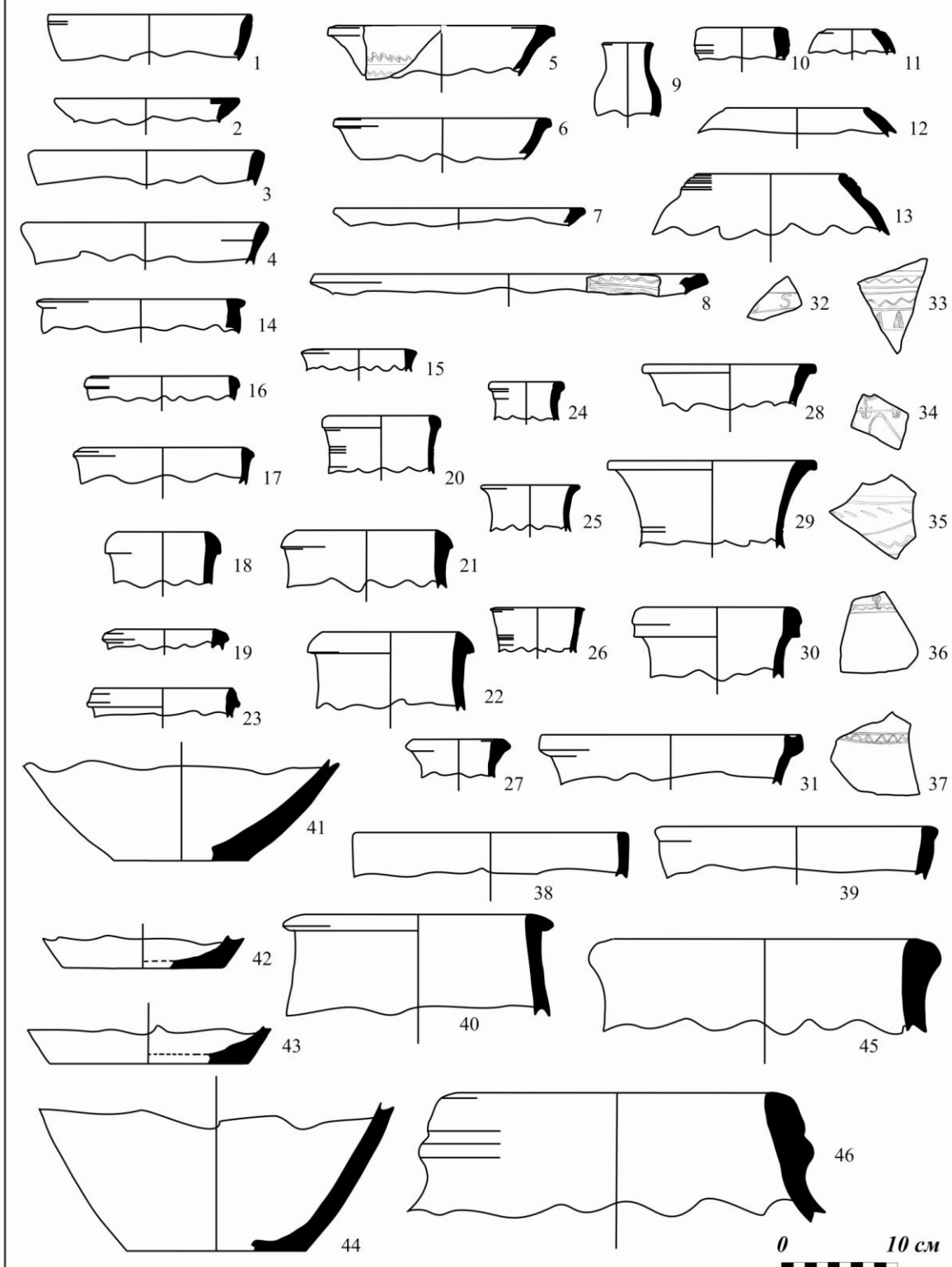

Рис. 12. Керамический комплекс из слоя 4.

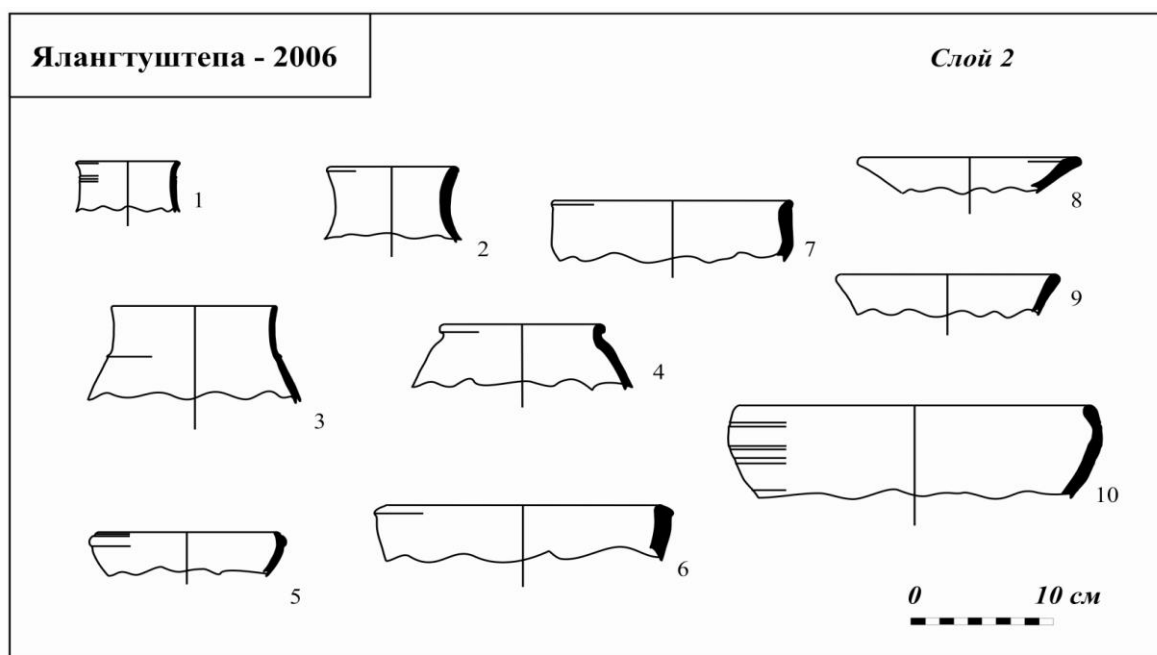

Рис. 13. Керамический комплекс из слоя 2.

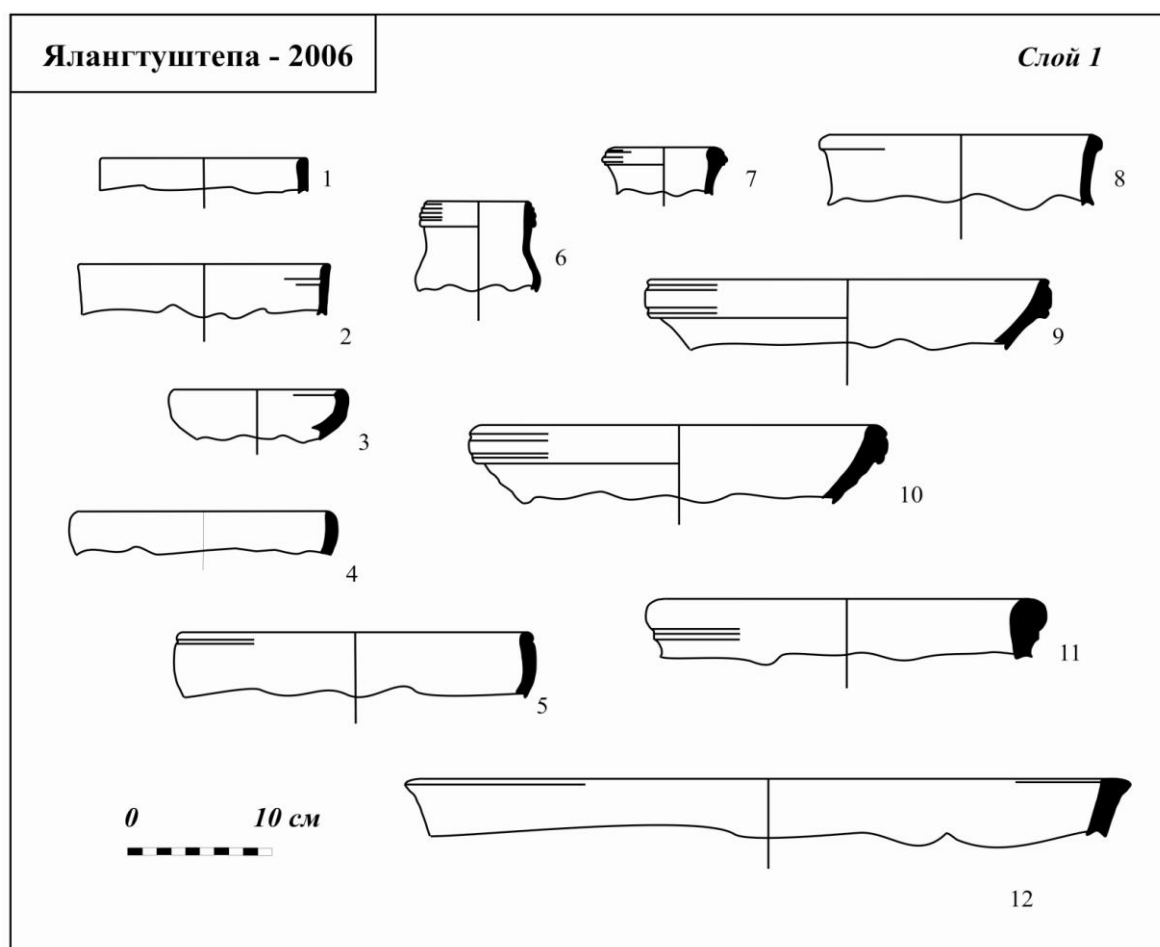

Рис. 14. Керамический комплекс из слоя 1.

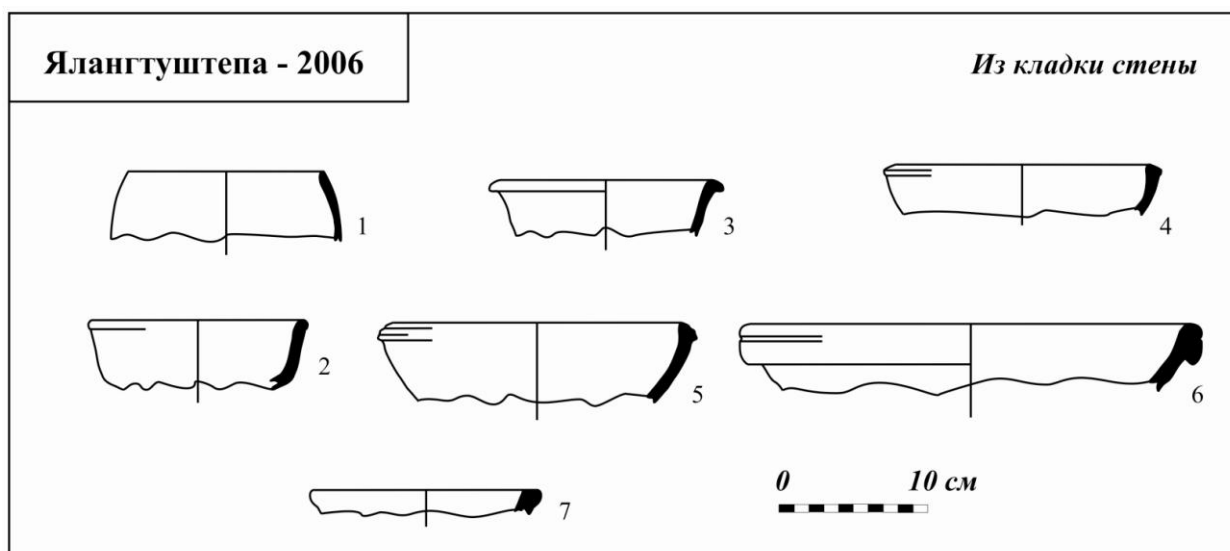

Рис. 15. Керамический комплекс из кладки стены.

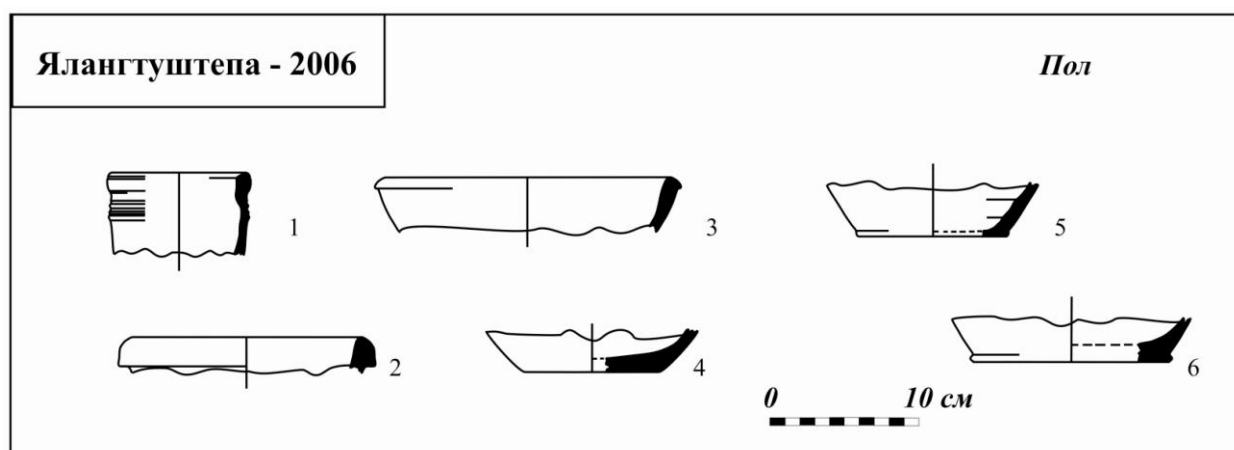

Рис. 16. Керамический комплекс с пола помещения верхнего строительного периода.

Ялангтуштепа - 2006

1

2

3

4

Рис. 17. Терракоты.

Ялангтуштепа - 2006

Случайные находки

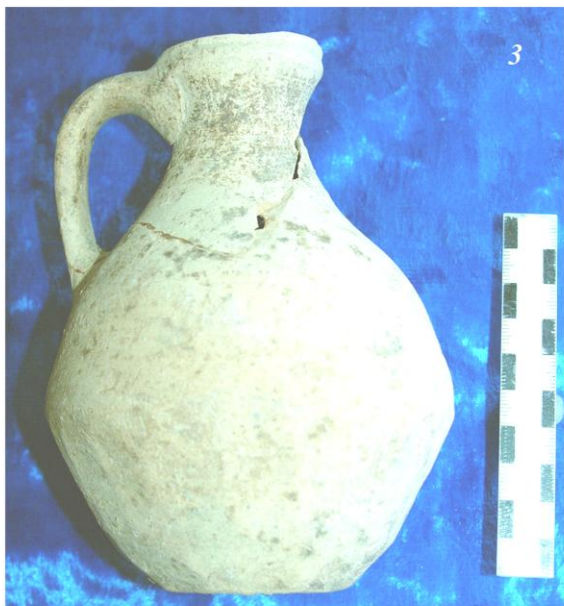

Рис. 18. Случайные находки.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НА ЮГО-ЗАПАДЕ ЖИЛОГО
БЛОКА-КВАРТАЛА I
«НИЖНЕГО ГОРОДА» КАМПЫРТЕПА**

В 2007 году Бактрийским отрядом Среднеазиатской археологической экспедиции Института археологии РАН был заложен новый раскоп на восточном секторе «нижнего города» крепости Кампыртепа. Он располагался на склоне холма и занимал юго-западный террасный край жилого блока-квартиры I. Этот участок примыкал непосредственно к ранее исследованному террасному краю блока V, на котором под кушанской застройкой были выявлены периоды непрерывного обживания с III в. до н.э. Представлялось целесообразным завершить исследование всей террасы восточной части «нижнего города», в целях выявления здесь границ распространения докушанской застройки памятника.

Выбранный для раскопа участок наискось пересекает больших размеров промоина, которая тянется от северо-восточного края блока-квартиры I до северо-западного края блока-квартиры V. В результате деятельности этой промоины значительная часть архитектурных сооружений на ее пути была смыта (рис. 1).

Раскоп размером 10х5 м был заложен на высоте – 5,3 м, отметка его нижнего края находится на уровне – 8 м (рис. 2). В процессе зачистки выявились контуры материкового холма, размытого промоиной. В 4 м от восточной границы раскопа вниз по склону холма в направлении восток запад на глубине от – 6,43 м до – 6,76 м были зафиксированы контуры восточной, южной и северной стены пом. 21. Помещение ориентировано по сторонам света с небольшим отклонением по оси северо-восток. Оно неправильной формы: восточная и северная стены поставлены под прямым углом, тогда как южная стена имеет тупой угол и придает помещению трапециевидные очертания. Западная стена не сохранилась, также как и значительная часть южной стены. По всей видимости, в одной из них располагался проход. Общие размеры комнаты: 2,7х4 м, при этом максимально сохранившаяся высота стен – до 1,3 м.

Для возведения помещения 21 был подрублен склон холма, так как на восток от него, выше по склону холма, зафиксирован только материк. Очевидно, использование здесь характерного для всей террасной застройки Кампыртепа строительного приема: вертикальной подрубки материка с последующим укреплением его кирпичной стеной.

Расчистка помещения велась послойно. Сверху шел мощный завал рухнувших стен, были зафиксированы целые и во фрагментах кирпичи, форматом 32х30-31х12-13 см. Часть кирпичей имела знаки, нанесенные по сырой глине в виде креста, двух глубоких пальцевых вдавлений и их же, вписанных в овал (рис.3).

Завал лежал непосредственно на полу, сильно поврежденном в результате действия промоины. В середине помещения удалось проследить, расположенный на полу овальный в плане очаг. Его размеры 0,8х0,65 м, высота до 0,25 м. В разрезе очаг представлял собой слой прокаленного темно-коричневого суглинка с включением мела и линзами золы, ниже которого шел слой светло-серой супеси.

С пола помещения 21 был получен керамический комплекс, представленный различными профилированными формами кушанской посуды. Тагора, кувшины с крышками, миски, чаши, а также кубки 1 и 2 типа в целом соответствуют комплексу керамики эпохи Канишки (Болелов, 2006) (рис.4).

В помещении 21 было обнаружено три монеты. Монеты Вимы Кадфиза и Канишки были зафиксированы на полу и в непосредственной близости от него. На глубине до 0,3 м ниже пола была найдена монета Сотер Мегаса (очистка и определение всех монет проведена А.Н. Гориным).

С уровня пола, а также непосредственно под ним был получен богатый комплекс индивидуальных находок, включающий 38 предметов. Пол помещения представлял собой комбинацию из поверхности материка, кирпичной кладки и подсыпки в виде материковой крошки. Наиболее рыхлые части были размыты промоиной. В результате чего первоначальное расположение вещей не сохранилось, и многие из них оказались значительно ниже уровня пола (до 0,5 м).

При дальнейшем разборе заполнения под уровнем пола помещения 21 стало очевидным, что ниже никаких иных сооружений на этом участке нет, в отличие от соседнего блока V (где

на этом уровне были зафиксированы строения эллинистического периода).

Для возведения помещения 21 использовался самый край материкового холма (всего 1 м), а остальные 3 м располагались на искусственной подушке насыпного грунта. Вдоль северной наиболее длинной стены помещения был опущен стратиграфический разрез VII, который позволил четко зафиксировать ломаную линию резко понижающегося материкового холма, а также ровную горизонтальную поверхность искусственной платформы (рис. 10). Мощность последней удалось проследить на 4 м глубины (далее раскопки вести было невозможно, из-за угрозы обрушения края раскопа). В плане линия материка идет наискось с северо-восточного угла помещения на юго-западный (рис. 2). Интересная деталь была зафиксирована на разрезе VII, где видно, как северная стена в месте перехода с материкового основания на насыпной грунт вследствие просадки дала значительную трещину на всю высоту (рис. 11). Также на материковом краю холма ниже уровня пола сохранилась часть круглой в плане ямы, которая могла предназначаться под расположение хума.

К западу от пом. 21 в сторону склона холма на его краю был расчищен дополнительный участок, размером 2х5 м. Разрез вдоль северной стены помещения 21 был продлен на запад и дал возможность проследить стратиграфию напластований на этом участке. Судя по характеру горизонтально идущих слоев, включая небольшие линзовидные прослойки, на этом участке располагалось, либо жилое помещение, либо двор. Для удобства фиксации материала, мы назвали его условно помещением 22. При расчистке заполнения помещения 22 был получен характерный кушанский археологический комплекс. Среди индивидуальных находок необходимо упомянуть находку двух монет Канишки, обнаруженных в зольной прослойке в северо-восточной части у разреза.

Поскольку весь комплекс индивидуальных находок исследуемого помещения 21 имеет четкие и довольно узкие хронологические рамки (с последней четверти I и до середины II вв. н.э.), представляется важным остановиться на его более подробном рассмотрении.

На полу помещения были зафиксированы целый керамический чираг в виде небольшой площадки с закопченными краями

венчика, небольшая керамическая крышка от кувшина и фрагмент миниатюрного сосудика на ножке (рис. 5).

К разряду наиболее выразительных находок относится целая керамическая матрица для изготовления оттисков с изображением женского лица с идеализированными чертами местного этнического типа (рис. 6, 1 – 3). Она была обнаружена у самой поверхности на полу в северо-западном углу помещения. Матрица практически полной сохранности, размером 5,5х5,3х2,5 глубина рельефа 1,4 см, изготовлена из глиняного теста тонкой отмучки, светлого оттенка, без видимых примесей.

Генезис матриц для отдельного изготовления антропоморфных голов и соответственно их оттисков практически не изучен на материалах Средней Азии. Ранее на базе объемного корпуса стратиграфически датированных изделий терракотовой пластики древней Бактрии, Маргианы и Согда удалось обосновать, что возрождение этого вида материальной культуры происходило в этих регионах под непосредственным влиянием греческой культурной экспансии (Двуреченская, 2009, с. 241).

Впервые головки и матрицы для их изготовления появляются на территории Бактрии в III – II вв. до н.э. Известно несколько подобных изделий с городища Ай-Ханум⁶.

Характерной особенностью рассматриваемых головок является их относительно большой размер от 3,7 до 7 см, что предполагает при сохранении реалистичных пропорций (при соотношении высоты головы к высоте всей фигуры как 1 к 7 – 8) высоту этих статуэток от 28 см до полуметра. Однако, пока не

⁶ Из «храма с уступами» происходят статуэтка, которая датируется III – II вв. до н.э. в виде головы молодого мужчины, выполненный оттиском матрицы, с последующей раскраской волос и глаз черной краской (Francfort, 1984. MDAFA, t XXVII, с.43/n 4 (0,334), pl.XVII, 4). Высота головки 7 см. Г.Франкфор видит в ней облик Аттиса.

Еще три аналогичных изделий происходит с других объектов городища Ай-Ханум: фрагмент статуэтки бородатого мужчины в головном уборе, выполнен оттиском с матрицы в автохтонном стиле и передает местный облик мужчины, высота сохранившегося фрагмента 8,5 см (Gullaume, Rougelle. MDAFA, t XXXI, 1987, с.61/ n (1135), pl.XVI, 13.); фрагмент статуэтки в виде головы с мужским лицом без бороды и усов с рельефной челкой, выполненной оттиском с матрицы в эллинизированном стиле, высота сохранившегося фрагмента 6,6 см (Gullaume, Rougelle. MDAFA, t XXXI, 1987, с.61 – 62/n (1138), pl.19,8.); фрагмент статуэтки в виде головы с мужским лицом без бороды и усов в невысоком головном уборе, выполнен оттиском с матрицы в автохтонном стиле, высота сохранившейся части 6,5 см (Gullaume, Rougelle. MDAFA, t XXXI, 1987, с.61/ n (1137), pl.19,7.).

известна ни одна находка других частей от статуэток подобного размера.

С другой стороны, айханумский комплекс дает нам богатую серию керамических сосудов греческих типов с антропоморфными налепами на них. В большинстве своем это налепы на ручки кувшинов, стенки кратеров, днища чаш в виде головы или бюстов богинь (Афины, Кибелы, Тюхе и др.). Известны также и налепы аналогичных размеров с изображением мужских голов, в частности, широко был распространен образ Силена. На Ай-Хануме известны налепы в виде головы безбородого мужчины с вьющимися волосами (Gullaume, Rougelle, 1987, p. 64, n. 1160, pl. XVII, 14); головы мужчины местного этнического типа в головном уборе (Gullaume, Rougelle, 1987, с. 62, n. 1162, pl. XVII, 16; pl. 20, 5). Более поздним временем на рубеже эр датируется сероглиняный кратер из Афрасиаба, на котором налеп крупных размеров с изображением мужского бюста (Bernard, 1996, p. 360 – 364, fig. 15 – 16).

На территории Бактрии налепы с мужскими образами на сосудах известны также из более поздних, чем Кампырские комплексов. Два антропоморфных налеса с мужским (голова Геракла?) и женским (голова в лучистом головном уборе) образами происходят из Зартепа позднекушанского времени (Завьялов, 2008, с. 103, рис. 44, а, б, вк. 5,3). Налеп под ручкой сосуда с изображением мужского лица без усов и бороды повернутого в три четверти известен по материалам Кара-тепа. Датируется он комплексом с монетой Васудевы (Ставиский, 1972, с. 24, 45, табл. XVIII).

Находки самих матриц для изготовления головок довольно редки. С Кампыртепа происходит ряд аналогичных изделий, в частности, на цитадели была обнаружена керамическая матрица с более примитивным изображением лица (Курбанов, 2000, с. 51; ДЮУ, № 178, с. 290). Авторы датируют ее концом II-I вв. до н.э. В 2009 году С.Б. Болеловым был обнаружен налест с изображением головы безбородого мужчины в 5 строительном горизонте на юго-востоке цитадели Кампыртепа, в нижнем слое кушано-юэчжийского переулка. Размеры налеса 6,3х3,8х2,5, глубина рельефа до 2 см⁷ (Рис. 6, 4). Не исключено, что данный

⁷ Пользуясь случаем, выражаю признательность С.Б. Болелову за предоставленную возможность публикации данного материала.

налеп был изготовлен при помощи ранее обнаруженной матрицы или очень близкой ей по типу.

Еще одна аналогия происходит с городища Дальверзинтепа. Матрица датируется I – II вв. н.э. она несет идеализированное изображение, интерпретируемое как лик Будды. Однако она значительно больше по размерам 9,8x9,6x4,4 см (Пугаченкова, 1978, с. 66, рис. 44, 45).

Таким образом, на сегодня мы фиксируем на территории Бактрии с эпохи раннего эллинизма изготовление рельефных оттисков антропоморфных голов, которыми зачастую украшались керамические сосуды. По материалам терракотовой пластики традиция эта прослеживается вплоть до кушано-сасанидского периода.

Среди изделий терракотовой пластики из помещения 21 интерес представляет также фрагмент терракотовой статуэтки с изображением музыкантши с короткой лютней (сохранилась нижняя часть). Такого же типа статуэтки ранее были обнаружены в помещении 7 жилого квартала-блока X «нижнего города» Кампыртепа (Болелов, 2006, с. 52, рис. 7, 3). Аналогов на других памятниках Бактрии не найдено. По археологической типологии антропоморфных статуэток Бактрии, Маргианы и Согда рассматриваемые изделия относятся к 16 типу. Этот тип представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими образ женской фигуры в одежде с мысовидным глубоким вырезом, длинными рукавами и драпированным в складки подолом. Костюм богато украшен бляшками, звездами и зигзагообразным орнаментом. На голове у женщины тюрбанообразный головной убор, в ушах кольцевидные серьги, на шее гривна и бусы, а в руках круглый предмет, напоминающий короткую лютню. Изображения выполнены в автохтонном стиле. Все статуэтки обнаружены в помещениях жилого характера. Высота их 17,3 см. Хронологические рамки – конец I – первая половина II вв. н.э. (Двуреченская, 2009, рис. 182, 1, 2., табл. 19/58, 338, 339).

Из нивелировочного слоя подсыпки непосредственно под полом помещения 21 происходят две находки керамических пирамидальных грузил. На Кампыртепа собрана значительная по объему коллекция дисковидных и пирамидальных грузил. Последние – широко представлены как обожженными, так и необожженными экземплярами. Среднестатистическая высота та-

ких грузил варьирует от 60 до 120 мм (Шагалина, 2002, с. 109 – 111). Среди многочисленных грузил Кампыртепа эти две находки первые с оттиском гемм на верхних площадках. Рассматриваемые нами грузила изготовлены из теста тонкой отмучки, без видимых включений, хорошо обожжены, с одним сквозным отверстием в центре верхней суженной части. Имеют высоту 89 и 80 мм; размеры нижней площадки 32х34 и реконструируемые 36х34 мм; размеры верхней площадки 18х16 и 18х18 мм соответственно. Относительно небольшие размеры рассматриваемых грузил, высокое качество исполнения, а также наличие оттисков на верхних площадках, свидетельствуют более в пользу их использования в домашнем производстве, в частности, в ткачестве или в ковроделии, нежели в рыбном промысле.

Изображения на грузилах разной сохранности. На обоих мужские профили вправо: в одном случае это голова молодого безбородого мужчины в шлеме с лентами, с характерным греческим профилем очень тонкой проработки всех деталей. Изображение свидетельствует о высоком качестве использованной для оттиска геммы. Во втором случае – изображение более размыто и представляет нам профиль бородатого мужчины без головного убора (рис. 7).

Характерно, что близкие аналогии были обнаружены в материалах Дальверзинтепа. Из крупного богатого жилого дома Дт-10, над полом с монетой Канишки происходит пирамидальный грузик на всех стенках которого, в том числе и на верхней площадке нанесено изображение в овальном картуше двух противостоящих фигур, выполненное оттиском с геммы (Некрасова, 1978, с. 64; Пугаченкова, 1978, с. 204, рис.137, 138, 4; ДЮУ, № 55, с. 263). К сожалению, характер изображения, его композиция и стиль слабо различимы. Однако важно отметить, высокое качество выделки изделия, хороший обжиг и относительно небольшие размеры: высота – 75 мм, ширина основания 35 мм.

Представляется уместным остановиться чуть подробнее на генезисе пирамидальных грузил в Бактрии. В материальной культуре Средней Азии ахеменидской поры пирамидальные грузила не известны. Однако общеизвестно их широкое распространение в это время в греческих городах (Robinson, 1941 p. 472 – 474, pl. CLIII, 2480 – 2489, pl. CLIV, 2490 – 2498; Haggis, еst., 2007, p. 274, 287, fig. 33 1,2).

В эпоху эллинизма в Средней Азии пирамидальные грузила появляются именно в тех историко-культурных регионах, где влияние греческой культуры было наиболее сильно выражено. В первую очередь необходимо отметить территорию Бактрии. Здесь к наиболее ранним могут быть отнесены пирамидальные грузила, обнаруженные в греческом городе Ай-Ханум. Помимо пирамидальных, на этом памятнике широко представлены и дисковидные грузила (Gullaume, Rougelle, 1987, p. 42, pl. 15, 21, 22; pl. XI, 1, 2). А также в раннеэллинистическом жилом комплексе Кампыртепа (Bl. V, пом. 33 и 34). Число бактрийских памятников, в материалах которых представлены пирамидальные грузила довольно велико, упомянем лишь несколько: Курган-зол, Халчаян, Дальверзинтепа, Дильберджин (Сверчков, 2007, с. 54, рис. 14, 14; Пугаченкова, 1966, рис. 21, 53, 54; Пугаченкова, 1978, с. 203, рис. 137; Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 37, Рис. 31,4). Пирамидальные грузила отмечены и в материальной культуре древнего Согда (Кабанов, 1973, с. 67).

Таким образом, очевидно, появление пирамидальных грузил в раннеэллинистический период и широкое распространение их на территории Бактрии. На территории Согда и Маргианы они были менее популярными. Во всех регионах пирамидальные грузила продолжает существовать весь Великушанский период.

Важно отметить, что в историко-культурных регионах Средней Азии, не подвергшихся сильному воздействию греческой культуры, этот вид материальной культуры так и не появился. В частности, на памятниках Хорезма они не известны. Что в свою очередь, позволяет связать появление рассматриваемого вида изделий с материальной культурой эллинов.

В помещении 21 в слое непосредственно под полом были обнаружены два штампа, изготовленные из мраморовидного известняка с вырезанными изображениями на рабочей площадке. В одном случае штамп является подвеской и имеет сквозное отверстие для шнурка. Форма его трапециевидная, имеет верхнюю и нижнюю подпрямоугольные площадки. На нижней площадке, большей по размеру, вырезано неглубокое изображение стилизованного человека, шествующего влево с высоко поднятой левой рукой. Высота штампа 24 мм/, размер рабочей площадки 17х12 мм.

Второй штамп более крупных размеров без сквозного отверстия аналогичной несимметричной трапецевидной формы. Высота 33 мм, размер рабочей площадки 31х22 мм. Изображение исполнено также неглубокой резьбой. Оно представляет стилизованного человека в (кафтани?) со звездочкой на нижней поле и с жезлом в правой руке. На голове персонажа высокий головной убор типа короны (рис. 8, 1, 2).

Еще один, но уже керамический штампик из пом. 21 имел круглую рабочую поверхность с прорезанным по сырой глине стилизованным геометрическим изображением солнца (Рис. 8, 3). Прямых аналогий данному изделию найти не удалось, за исключением близкого и по форме и по изображению керамического штампа происходит с агоры древних Афин (Vanderpool, 1946, p. 336, № 369, 370).

Штампки самых разнообразных форм, из разных материалов известны в Бактрии раннеэллинистического времени, в частности, по материалам Ай-Ханум (Gulllaume, Rougelle, 1987, p. 72, pl. 24, 1 – 6, 8). Следует, однако, отметить, что именно в кушанское время штампки в Бактрии получают более широкое распространение. Известны они на Дальверзинтепа – это конусовидная печать-инталия со сквозным отверстием, оттиск с металла или камня очень четкий, изображена всадница с пальмовой ветвью в правой руке, животное - бык или козел с высокими рогами полумесяцем (Пугаченкова, 1978, с. 141, рис. 138); на Дильбеджине – это глиняная ножка с орнаментом (штампом) на подошве в виде листка с прожилками (Кругликова, 2001, с. 3, 26, рис. 28, 3), Джигаттепа – это штампик с двумя рабочими поверхностями, который представлял собой ручку (в-но округлую) с раздвоенным концом, на одном прямоугольном конце геометрический орнамент в виде прямоугольника разделенного на ячейки, на другом круглом конце округлый орнамент в виде многолучевой розетки (Кругликова, 2004, с. 506, рис.21, 3).

Среди находок из пом. 21 можно также перечислить: трехлопастные железные наконечники стрел, ножи, бусы, бубенчики, клык кабана и пр. (рис. 9).

Таким образом, раскопки 2007 года выявили интересный комплекс из двух взаимосвязанных сооружений (пом. 21 и 22). Исследуемые помещения с одной стороны расположены в самом центре городища, а с другой стороны несколько изолированы от восточной части квартала-блока I – признаки, которые

отличают обнаруженный комплекс от типовой застройки северных кварталов (Бл. 9, 10). Для их возведения потребовалось предварительное создание насыпной платформы, более чем четырехметровой толщины, а также подруб склона холма и укрепление его кирпичной стеной. Довольно затратное строительство на склоне холма, концентрация предметов для изготовления изображений (1 матрица, 3 штампа), а также клейменные керамические грузики, статуэтка, кабаньих клык – яркие штрихи к портрету проживавшей здесь семьи.

В рамках исследования памятника в целом, большое значение имеет открытие на участке раскопа линии края материкового холма, которое позволило нам восстановить не только первоначальный рельеф данного участка, но и точно установить, что в до кушанский период он не был освоен.

В заключение представляется важным отметить, что наши исследования на юго-западном краю жилого блока I подкрепляют вывод о максимальном развитии крепости Кампыртепа в короткий период от правления Вимы Кадфиза до Канишки, когда под освоение новых жилых площадей интенсивно использовались все резервы внутреннего пространства крепости, и в том числе восточный овраг. В этот период проводились значительные по объему планировочные работы по засыпке оврага, созданию многометровых искусственных платформ под размещение новых помещений. Остатки одного из таких помещений и дали описанный выше богатый комплекс материальной культуры эпохи Великих Кушан.

Библиография

1. Болелов С.Б. Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа // МТЭ. Вып. 3. Ташкент, 2006.
2. Болелов С.Б. Жилой квартал кушанского времени на Кампыртепа (раскопки 2000 – 2002 гг.) // МТЭ. Вып. 6. Елец, 2006.
3. Двуреченская Н.Д. Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н.э. – IV в. н.э. (археологический аспект): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
4. Древности Южного Узбекистана. Каталог. Токио, 1991.
5. Завьялов В.А. Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа). СПб., 2008.

6. Кабанов С.К. Стратиграфический раскоп северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. 2. Ташкент, 1973.
7. Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А. Дильберджин. М., 1977.
8. Кругликова И.Т. Цитадель Дильберджина // ПИФК. 2001. Вып. 10.
9. Кругликова И.Т. Джагат-Тепе // ПИФК. 2004. Вып. 14.
10. Курбанов С. Археологические исследования цитадели Кампыртепа // МТЭ. Вып 1. Ташкент, 2000.
11. Некрасова Е.Г. Бытовая застройка // Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
12. Пугаченкова Г.А. Дальверзинтепе и некоторые общие вопросы истории и культуры Северной Бактрии // Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
13. Пугаченкова Г.А. Квартал керамистов Дт-9 // Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
14. Пугаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.
15. Пугаченкова Г.А. Les tresors de Dalverzintepé. Leningrad, 1978.
16. Сверчков Л.М. Эллинистическая крепость Курганзол. Раскопки 2004 г. // ТБНЭ. Вып. 3. Ташкент, 2007.
17. Ставиский Б.Я. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965 – 1969 гг. // Буддийский культовый центр в Старом Термезе. М., 1972.
18. Шагалина Н. Грузила с Кампыртепа и их классификация // МТЭ. Вып. 3. Ташкент, 2002.
19. Bernard P. Maracanda-Afrasiab colonie grecque // Atti dei convegni lincei. № 127. Roma, 1996.
20. Francfort H.P. Le sanctuaire du temple a niches indentées // MDAFA. T. XXVII. P., 1984.
21. Gullaume O., Rougelle A. Les Petits objets // MDAFA. T. XXXI. P., 1987.
22. Haggis D.C., Mook M.S., Fitzsimons R.D., Scarry C.M., Snyder L.M. Excavations at Azoria, 2003 – 2004. Part 1. The Archaic Civic Complex // Hesperia. 2007. Vol. 76.
23. Robinson D.M. Metal and minor miscellaneous finds, an original contribution to greek life // Excavations at Olynthus. Part X. Baltimor, 1941.
24. Vanderpool E.I. Loomweights and spindle whorls // The American excavations in the Athenian Agora // Hesperia. 1946. Vol. XV. № 4.

зона работ 2006-2007 гг.

Рис. 1. Схема расположения раскопа Бактрийского отряда ИА РАН 2007 г.

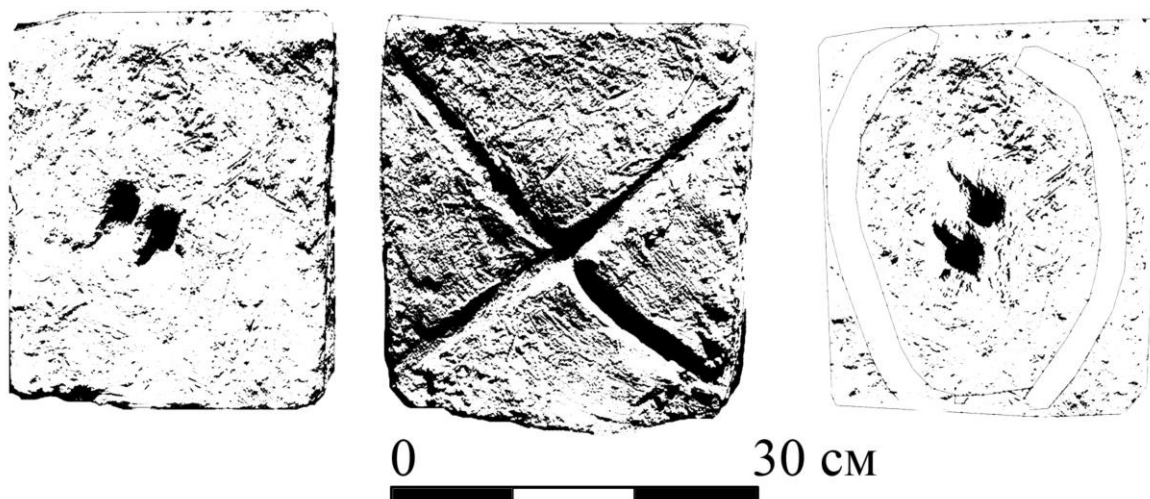

Рис. 3. Кирпич со знаками (жилой квартал-блок I, пом. 21)

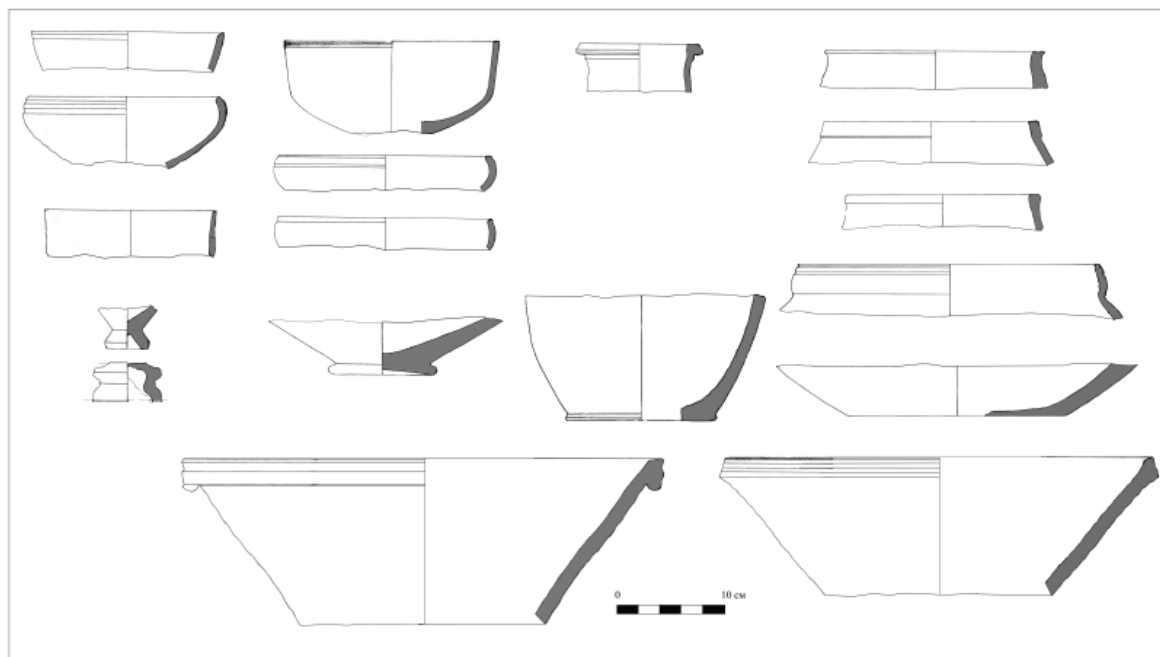

Рис. 4. Кампыртепа, “нижний город”, блок I, пом. 21. Керамический комплекс с пола .

Рис. 5. Кампыртепа, “нижний город”, блок I, пом. 21. Индивидуальные находки. 1 - чираг, 2 - миниатюрный сосуд, 3 - крышка. 1-3 - керамика.

Рис. 6. Керамические матрица и налп. 1-3 - жилой блок I “нижнего города”, пом. 21, пол; 4 - цитадель, ю-в, 5 строит. гориз.(кушано-юэчжийский), западный переулок.

Рис.7. Кампыртепа, блок I “нижнего города”, пом 21, пол. Пирамидальные грузила керамические с оттисками с гемм на верхней площадке

Рис. 8. Кампыртепа. “Нижний город”, жилой блок I, пом 21.
1-3 штампики; 1,2 - камень; 3 - обожженная глина.

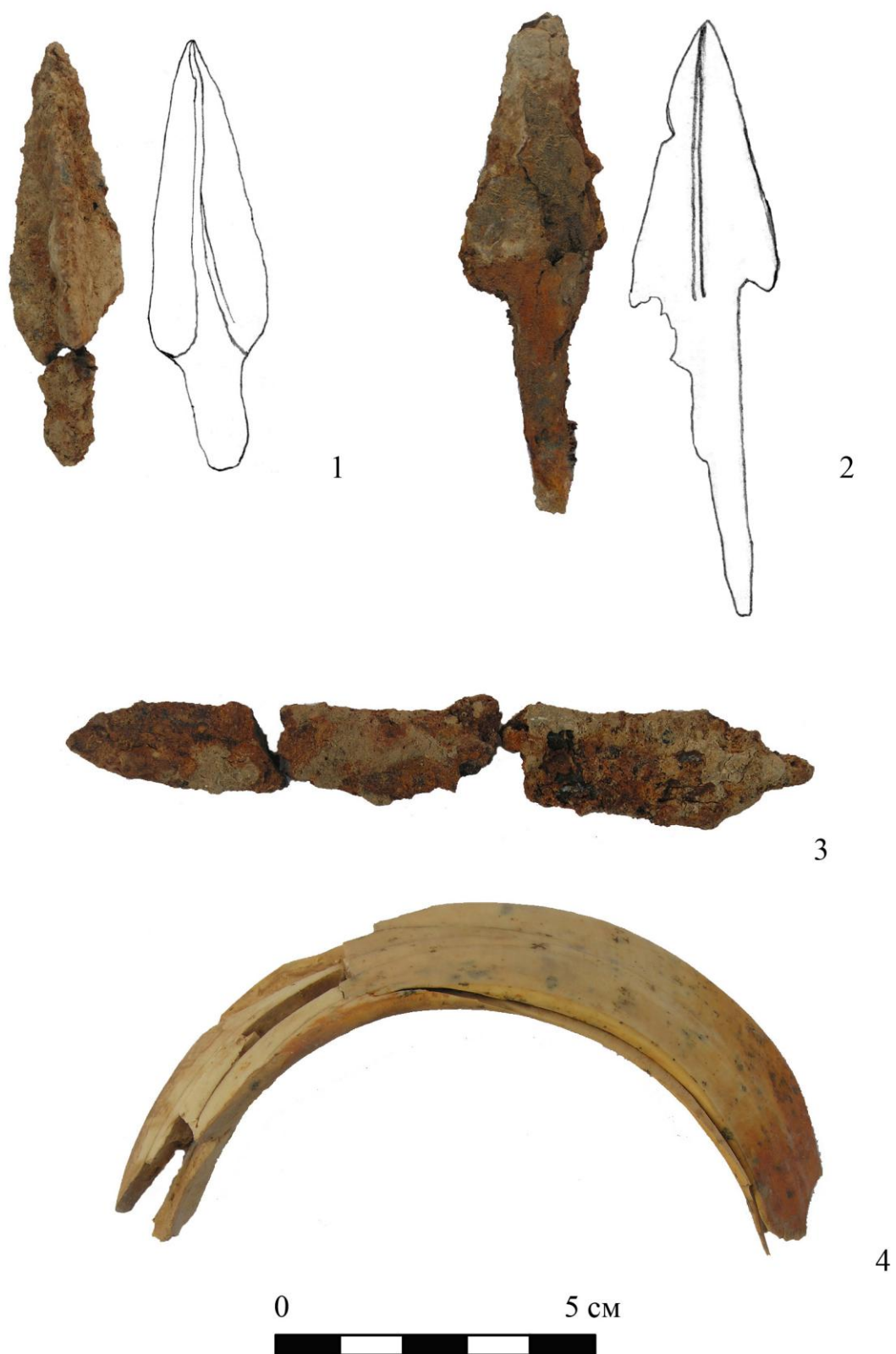

Рис. 9. Кампыртепа, “нижний город”, блок I, пом. 21, пол.
 1,2 - наконечники стрел; 3 - нож; 4 - кабаный клык. 1-3 - железо;
 4 - кость.

Кампыртепа, “нижний город”
Блок I, пом. 21 и 22.
Разрез VII вдоль северной стены

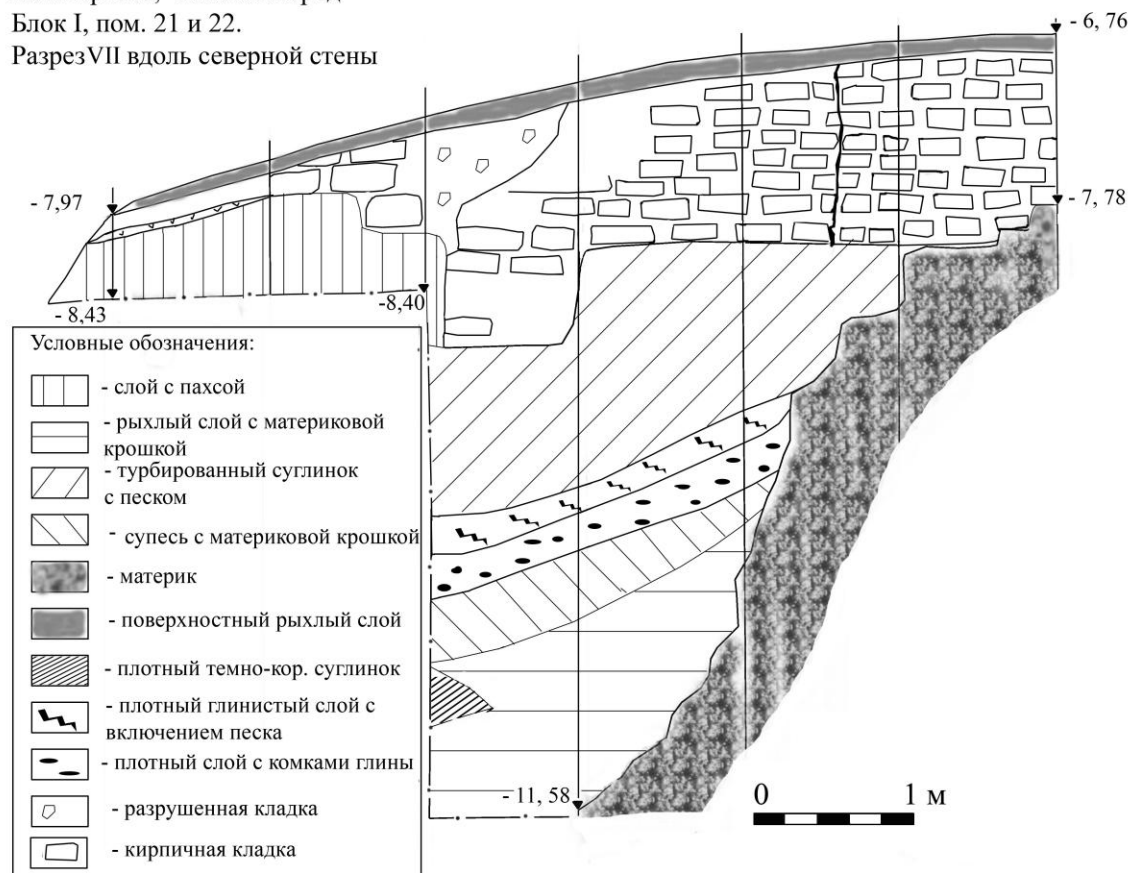

Рис.10. Кампыртепа, “нижний город”, блок I, пом.21 и 22. Разрез VII вдоль северной стены.

Рис. 11. Пом.21. а) Вид с юга на обрыв материка и стратиграфический разрез нивелировочной подсыпки под пол пом. 21; б) Восточная стена пом.21 в месте разрыва на стыке подсыпного грунта и материкового основания.

Дж.Я. Ильясов

РАСКОПКИ НА СЕВЕРНОМ НЕКРОПОЛЕ ДАБИЛЬ-КУРГАНА

В 2004 – 2006 гг. автором проводились раскопки наземных погребальных сооружений на Северном некрополе городища Дабиль-Курган в Шерабадском районе Сурхандарьинской области Узбекистана. Работы велись в рамках совместных исследований Тохаристанской археологической экспедиции Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан (Ташкент) и Среднеазиатской археологической экспедиции Государственного Музея Востока (Москва). Общее научное руководство работами осуществляет академик АН РУз Э.В. Ртвеладзе, российскую группу возглавляют доктор искусствоведения Т.К. Мкртычев и к.и.н. С.Б. Болелов.

Городище Дабиль-Курган расположено в Пашхуртской котловине, образованной отрогами Кугитанга, горного хребта, входящего в систему Юго-Западного Гиссара. Оно возвышается на берегу Дабиль-сая, на западной окраине кишлака Паш-

хурт (прим. 1). Городище обнаружено и впервые исследовано Э.В. Ртвеладзе во время археологической разведки в 1969 г. (Ртвеладзе, Хакимов 1973, с. 16 – 17, рис. 2, 9; Ртвеладзе 2002, с. 119, 127, 131).

Погребальные сооружения, расположенные в 200 – 250 м к северу от городища, обнаружил в 2003 г. С.Б. Болелов. Опрос местных жителей, занимавшихся обработкой земельных участков на данной территории, позволил ему предположить, что здесь имеются наземные сооружения – наусы – относящиеся либо к кушанскому, либо к раннесредневековому периоду.

Северный некрополь представлял собой группу небольших округлых холмов, расположенных на естественной террасе, вытянутой с юга на север (рис. 1). Терраса охвачена с востока глубокой впадиной, представляющей собой русло бывшего протока Дабиль-сая, а с запада понижением рельефа, образованного, вероятно, периодическими разливами этой реки. На территории некрополя в настоящее время сохранились остатки десяти наусов, большая часть которых довольно сильно пострадала в последнее десятилетие в результате сельскохозяйственного освоения окружающей земли и прокладки через данный участок грунтовой дороги. Кроме того, все наусы были значительно потревожены мусульманскими захоронениями (перекрытый крупными валунами подбой-ляхад в западной стене впускной ямы), осуществленными в XVIII или XIX вв. Это отразилось в названии данной местности, известной среди населения Пашхурта как Гала-Шахид – «Группа погибших» или «Группа мучеников».

Нумерация наусов осуществлялась по порядку вскрытия (прим. 2).

Наус № 1. Единственный из наусов, оставшийся нетронутым при сельскохозяйственных работах, расположен в южной части некрополя. До раскопок представлял собой округлый холм диаметром 15 м и высотой около 2 м. Под слоем оплывов раскопаны остатки наземного погребального сооружения прямоугольной формы, ориентированного сторонами по странам света и вытянутого по оси север-юг (рис. 2). Размеры здания 8,15х5,75-5,90 м; оно состоит из двух помещений: квадратного южного пом. 1, которое было перекрыто куполом (остатки углового трюпа сохранились в северо-восточном углу), и примы-

кающего к нему с севера прямоугольного пом. 2, перекрывавшегося сводом.

Здание построено из кирпича-сырца размером 50-52х25-26х8-9 см; оно возведено на платформе высотой 50-55 см. Первоначально была построена платформа из пахсы, на которой стоят кирпичные стены пом. 1, к ней с севера была пристроена платформа уже из кирпича-сырца, на которой поставлено пом. 2, пристроенное, в свою очередь, к пом. 1. Т. о., здание науса № 1 строилось, по-видимому, в два этапа. Внешние грани кирпичной платформы (восточная и западная) продолжают линию пахсовой платформы, также, как и внешние грани стен помещения 2 продолжают линию стен помещения 1. Однако внутренние грани западной и восточной стен пом. 2 сдвинуты к западу по отношению к стенам пом. 1 на 25 см, то есть, на ширину одного кирпича.

Внутренние размеры купольного пом. 1-3,40х3,40 м. Толщина западной и южной стен 1,10 м, восточной – 1,25 м, северной, смежной с пом. 2 – 1,15 м. Сводчатое пом. 2 вытянуто по оси 3-В и имеет следующие внутренние размеры: 3,30 м по южной стене и 3,20 м – по северной, ширина помещения – 1,35 м. Толщина западной и северной стен – 85 см, восточной – 1,75 м.

С востока вплотную к платформе пристроена кирпичная «тумба» подпрямоугольной формы, размеры которой 1,5 м с севера на юг, 1,1 м с запада на восток; в высоту она сохранилась на 45 см. На участке поверхности южной стены «тумбы», примыкающей к платформе, сохранился слой глиняной штукатурки. Назначение этой пристройки не совсем ясно. Видимо, она как-то отделяла пространство перед входом в купольное помещение, возможно также, что «тумба» служила для выставления каких-либо приношений при поминальных обрядах.

Вход в пом. 1 располагался в восточной стене, ширина его 60 см, относительно центральной оси помещения он несколько сдвинут к югу, расстояние от юго-восточного угла до южной щеки прохода – 1,20 м, а от северо-восточного угла до северной щеки прохода – 1,60 м. Наибольшая сохранность стен в высоту – 45 см, т.е., четыре ряда кирпичей с промазкой, в юго-восточном углу на стенах сохранилась глиняная штукатурка. Пол пом. 1 представляет собой поверхность пахсовой платформы, на котором лежит слой пылевидных накоплений толщиной до 5 см, видимо, результат запустения. На этом слое

лежат некрупные обломки кирпичей – следы начавшегося процесса постепенного разрушения стен. Этот слой перекрыт горелым слоем толщиной до 10 – 12 см, в котором содержатся куски сырцовых кирпичей и кирпичное крошево. Очевидно, что в пом. 1, уже после периода некоторого его запустения, пылал пожар. Никаких остатков погребений в пом. 1 не найдено.

Погребальной камерой служило пом. 2. Вход в него, в противоположность пом. 1, располагался в западной стене. Ширина прохода – 57 см, он сдвинут к северу относительно длинной оси пом. 1, расстояние от юго-западного угла до южной щеки прохода – 55 см, от северо-западного угла до северной щеки прохода – 26 см. Проход был заложен кирпичами, которые на 8 – 10 см выступают внутрь помещения. Пол пом. 2 представляет собой глиняную обмазку толщиной от 2 до 5 – 6 см. Она покрывает верхний ряд кирпичей платформы, лежащие в длину по оси запад-восток, и выравнивает неровности кладки платформы. Платформа имеет высоту в 5 рядов кирпичей, высота стен пом. 2 – четыре ряда (45 см). На южной стене пом. 2 сохранились кирпичи свода, лежащие на длинной стороне с наклоном на запад.

В пом. 2 найдены три костяка. Обряд – труположение на спине головой на запад. Два костяка, лежавшие рядом ближе к восточной стене (№№ 1 и 2), были сдвинуты при захоронении третьего покойника, в результате анатомический порядок этих костяков в значительной степени нарушен. Последний погребенный (№ 3) был положен ближе к входу, его кости, сохранившие анатомический порядок, частично перекрывают кости предыдущих скелетов, сдвинутых, кроме одного черепа и нескольких костей, ближе к южной стене. Поза погребенного № 3 своеобразна – он лежал на спине, левая нога вытянута, правая согнута в колене, кисть вытянутой правой руки покоилась на бедре правой ноги, кисть левой руки, согнутой в локте, лежала на груди. Кости имеют плохую сохранность, отчасти разбиты и раздавлены рухнувшим сводом, их расположение было при этом частично нарушено.

По-видимому, костяк № 2, располагавшийся в юго-восточной части камеры, принадлежал женщине, так как под костями ног третьего погребенного были найдены бусы, частично рассыпанные, а частично сохранившие порядок, в котором они были нанизаны на нить, две серьги из золотой проволоки,

бронзовая подвеска или серьга. Здесь же были найдены две согдийские монеты с квадратным отверстием, а также гемма. Третий погребенный не имел никаких украшений, хотя не исключено, что гемма принадлежала ему. Единственная находка, которую можно твердо с ним связать – это монета, помещенная у него во рту.

Возможно, что вышеупомянутые согдийские монеты также были помещены во рту погребенных № 1 и № 2, но выпали оттуда тогда, когда их черепа были сдвинуты при захоронении последнего покойника. Не исключено также, что эти монеты были вложены в руки покойников (прим. 3).

Находки. Количество бусин, найденных в гурхане – 60 штук. Это 15 шаровидных, граненных, бочонковидных и линзовидных сердоликовых бусин (рис. 3: 1 – 15), 4 лазуритовых бусины (рис. 3: 51 – 54) и 4 бусины из горного хрусталя (рис. 3: 25 – 28), 9 бусин из желтовато-белого материала (органогенный известняк? кость?) (рис. 3: 16 – 24), 20 бусин различной формы из одноцветного и мозаичного стекла (рис. 3: 29 – 47, 56), 3 бусины из фаянса, две из которых имеют рубчатую поверхность (рис. 3: 48 – 50), 3 крупные каменные бусины, две из которых, возможно, сделаны из нефрита (рис. 3: 55, 59, 60), а также две подвески из раковин (рис. 3: 57, 58).

Серьги сделаны из золотой проволоки, имеют вид незамкнутого кольца. На одной из серег в верхней части имеется элемент в виде короткого штырька, на который насажена небольшая жемчужина (рис. 3: 62), на второй серьге эта деталь не сохранилась, есть только след от штырька (рис. 3: 61). В нижней части серег имеется кольцевидное утолщение, от которого опущен штырь длиной ок. 1 см. На него насажена шаровидная бусина из серебра, а также колечки из золотой зерни, одно из которых – над бусиной, а два – под бусиной; в самом низу к штырьку прикреплена деревянная (?) подвеска грушевидной формы. Близка по конструкции серьга или подвеска из бронзы (рис. 3: 63), на кольце которой имеется штырек для крепления бусины, снизу же имеется колечко, в которое вдето другое колечко с прикрепленной к нему шаровидной подвеской из органического материала (дерево?).

Гемма-инталия в форме ложного перстня выточена из агата. На овальном щитке вырезана протома рогатого животного (рис. 3: 64).

Определение монет показало следующее: две бронзовые согдийские монеты с квадратным отверстием (рис. 4: 1, 2) относятся к выпускам согдийского правителя, имя которого В.А. Лившиц читает как Укар (или Урк) Вартармук (Ртвеладзе 1986, с. 206, рис. 8: 5, 6). По О.И. Смирновой это – монеты «неизвестного ихшида» с надписью 'wkk wrt c(?)m'wk/MLK или 'wkk wrtc(?)m'wk/MLK' (Смирнова 1981, с. 45, 218, рис. 28); Ю. Йошида читает эту надпись как 'wkkwrtcm'wk(') (Yoshida 2003, p. 50).

Третья монета, найденная во рту у погребенного № 3, является медным посеребренным подражанием чекану Пероза (эмиссия 289 по Р. Гёблю) (Gobl 1967, I, s. 198 – 199). На л.с. портрет правителя в редуцированной крылатой короне, а также тамги S 59 и S 60; на о.с. имеются надчеканы, два из которых различаются очень плохо, а третий – на уровне 8 ч. – представляет собой изображение головы правителя влево (рис. 4: 3). Оба типа монет можно датировать в пределах VII в. (прим. 4).

В погребальном инвентаре науса № 1 совершенно отсутствует керамика. Тем не менее, в заполнении помещений и в завалах получено некоторое количество керамических фрагментов, происходящих из завалов стен, или попавших сюда в процессе погребальных и поминальных церемоний (рис. 5).

Погребальный инвентарь и набор монет из науса № 1 имеет самые близкие параллели в склепах Биттепа. Например, аналогична форма серег и бронзовых «шипастых» бусин (Ртвеладзе 1986, рис. 2: 5, 6; рис. 3: 6а; рис. 5: 47, 49, 50). В Биттепа среди погребального инвентаря также не было найдено керамики.

Таким образом, наус № 1 дает пример двухчастного погребального сооружения, в котором имеется четкое функциональное разделение помещений. Сводчатая прямоугольная комната служила для размещения покойников (по аналогии с более поздними мусульманскими двухчастными мавзолеями ее можно назвать «гурхана» – «погребальное помещение»), квадратная купольная комната использовалась для поминальных церемоний (ее можно условно обозначить как «зиёратхона» – «поминальное помещение»).

Наус № 2. Расположен в 12 м к северо-востоку от науса № 1, в центре Северного некрополя. Значительно пострадал от

деятельности крестьян, которые полностью срубили его северную часть со сводчатым помещением 2 – «гурханой» (рис. 6).

В отличие от науса № 1, второй наус целиком был построен на пахсовой платформе (ее северный и западный края срублены). Сохранившиеся размеры платформы – 8 м с юга на север и 5 м с востока на запад. Здание состояло из двух помещений, построенных из кирпича-сырца 50-52х25-26х8-10 см. Помещения были возведены одновременно, их стены построены в перевязку.

Как и в наусе № 1, пом. 1 («зиёратхана») расположено с юга, имеет квадратную форму и перекрывалось куполом. Размеры пом. 1 – 3,12 по северной стене, 3,12 м – по восточной. Толщина восточной и южной стен пом. 1 – 1,25 м, западная стена срублена дехканами до толщины в 60 см. Северная стена, общая с помещением 2, также имеет толщину 1,25 м. Высота стен – 35 см (три ряда кирпичей плюс промазка). В северо-восточном углу пом. 1 сохранился троп (рис. 6). Он сооружен следующим образом: два кирпича положены сверху на угол по диагонали, тычком (короткой стороной) внутрь помещения, сверху и по сторонам этих двух кирпичей трапециевидным «домиком» поставлены три кирпича, также тычком обращенные к интерьеру. Выше помещена «арка» из четырех кирпичей, над ним – из шести, а затем – из семи. Каждый из кирпичных рядов, составляющих арки, выступает над нижним рядом. Высота тропа от пола помещения до первой «трапеции» – 59 см, до верха четвертой арки – 102 см.

Остатки тропа сохранились также в северо-западном углу. В юго-восточном углу, срубленном поздним впускным погребением, вертикальные кирпичи четырех «арок» тропа сохранились на восточной стене, а на южной под углом лежит кирпич от кладки, заполнявшей пространство между тропами. Остатки подобной кладки хорошо видны над северной стеной «зиёратханы»: это пять рядов кирпичей, положенных тычком и образующих дугу между тропами. Максимальный отступ дуги от линии стены – 10 – 11 см, эта точка находится на расстоянии 1,44 м от северо-западного угла и 1,70 м от северо-восточного. Высота от пола (поверхность платформы) до верха пятого ряда «дуги» – 90 см. По классификации сырцовых куполов Средней Азии, предложенной Н.С. Байматовой, купол, перекрывавший «зиёратхану», можно отнести к подгруппе 3.2.2. Это купола,

диаметр которых больше пролета квадратного помещения с угловыми тропками. Она отмечает, что форма таких куполов, как правило, «эллипс низкого подъема» (Байматова 2001, с. 94 – 95, рис. 2: 3 – 5; Baimatowa 2008, S. 95 – 98, Abb. 24: 2, 45: 3 – 5). По-видимому, купола, покрывавшие остальные дабилькур-ганские наусы, также относились к данной группе.

Вход в пом. 1 был в середине восточной стены, ширина его 61 см внутри помещения и 64 см – снаружи. В проходе по четыре ряда кирпичей до пяты арки, которая выведена из двух рядов кирпичей. Сохранившаяся высота прохода – 80 см (рис. 6).

От пом. 2 – «гурханы» – сохранилась южная стена (практически, на всю длину помещения – 3,10 м), юго-восточный угол и примыкающий к нему отрезок восточной стены. Высота южной стены – 35 см (три ряда кирпичей толщиной 9 см и промазка толщиной 4 – 5 см), выше лежат кирпичи свода, поставленные на длинную сторону с наклоном на запад. Стена и свод покрыты штукатуркой. В своде сохранилось три ряда кирпичей, швы между ними 2,5 – 3,5 см. Сохранность свода до высоты 1,10 м от пола.

Нет сомнений, что «гурхана» науса № 2 имела, подобно «гурхане» первого науса, прямоугольный план и была перекрыта сводом. Срубив западную, северную и большую часть восточной стены, селяне прошли кетменями по поверхности пахсовой платформы, полностью уничтожив погребения. Лишь вплотную к южной стене, в слое завала и натеков, сохранились несколько фрагментов костяков: плохой сохранности череп в западной части «гурханы», несколько позвонков и ребер восточнее черепа, далее к востоку – лопатка, затем несколько сочлененных позвонков и отдельные кости от ноги и руки в юго-восточном углу. По этим остаткам можно судить, что, как и в наусе № 1, в наусе № 2 погребенные укладывались головой на запад. Рядом с одной из костей лежала плоская круглая пуговица с одним отверстием, выточенная из сероватого с красными прожилками мраморовидного камня (рис. 6: 1).

При расчистке контуров сооружения были найдены переложенные при разрушении науса № 2 предметы: железная поясная пряжка с несохранившимся подвижным язычком (рис. 6: 7) и 6 бусин, одна из которых сделана из лазурита (рис. 6: 3),

вторая из горного хрусталя (рис. 6: 2), три из стекла (рис. 6: 4 – 6) и одна из бронзы с шестью «шипами» (рис. 6: 8).

Снаружи, в восточной стене науса, сохранились 7 рядов кирпичей на высоту 92 – 95 см от платформы. Платформа выступает за линию восточной стены науса на 25 см, за линию южной – на 20 см.

По словам местной жительницы Н. Очиловой, при разрушении «гурханы» науса № 2 на поверхности платформы были найдены 4 черепа и беспорядочно лежащие кости, а у черепов лежали бусы. В сохранившейся гораздо лучше «зиёратхане» никаких следов погребений, относящихся ко времени функционирования науса, нет. Судя совокупности данных, наус № 2 представлял собой полную аналогию наусу № 1 и по конструкции, и по обряду трупоположения в «гурхане». Здесь также было найдено некоторое количество керамических фрагментов, не имеющих отношение к погребальному инвентарю (рис. 7).

Уникальной особенностью науса № 2 является то обстоятельство, что при расчистке входа в «зиёратхану», у южной щеки прохода, были найдены несколько фрагментов лессовой штукатурки с полихромной орнаментальной(?) росписью. Роспись нанесена по глиняной штукатурке без гипсовой основы, контуры обведены красным, внутри обвода розоватый и желтый цвет, имелись также фрагменты, окрашенные в ярко-голубой цвет. Размеры фрагментов 7х3,5 см, 4х2 см. К сожалению, сохранить их не удалось. Не удалось также найти никаких других следов росписи ни в данном, ни во всех остальных из раскопанных до сих пор дабилькурганских наусов, что, конечно, не позволяет с уверенностью утверждать, что в свое время они были украшены многоцветными росписями. Тем не менее, факт находки фрагментов раскрашенной штукатурки позволяет предположить, что наусы в период их функционирования могли быть расписаны.

Что касается отсутствия в наусах других следов полихромного декора, можно думать, что его следы могли быть уничтожены после прихода в Северный Тохаристан арабов и победы ислама. Возможно, в этот период произошло и ограбление погребальных помещений, и пожары в зиёратханах, признаки которых мы нашли в некоторых из исследованных наусов.

Наус № 3. Расположен на западном краю террасы, к северо-западу от наусов №№ 1 и 2, и имеет аналогичную с ними

планировку. Затронутое при распашке территории, в длину здание сохранилось на 9 м и в ширину на 6,4 м. Оно ориентировано с отклонением длинной оси на запад. Северо-западный, северо-восточный и юго-западный углы науса разрушены (рис. 8).

Стены из кирпича-сырца размером 50х25х10 см возведены на пахсовой платформе, высота которой под пом. 1 равна 50 – 60 см, а под пом. 2 – на 25 см ниже, видимо, здание строилось в два этапа. Купольное пом. 1 имеет размеры 3,9х4,0 м; остатки тротуара сохранились в северо-восточном углу. Максимальная сохранность стен: западной – 60 см (пять рядов кирпичей плюс промазка в 3 – 4 см), южной – 65 см, северной и восточной, в наиболее сохранившемся северо-восточном углу – 70 см (6 рядов кирпичей до начала тротуара). Толщина стен: западной и южной – 90 см, восточной – 1,10 м, северной, смежной с пом. 2 – 1,15 м. Вход в пом. 1 – в центре восточной стены, ширина прохода – 70 см. Местами на стенах «зиёратханы» сохранилась штукатурка, имеющая на некоторых участках прокаленность, например, в южной части западной стены и на южной стене. Пол в пом. 1 представляет собой поверхность пахсовой платформы, на этом полу лежит слой обгорелой рыхлой земли толщиной в 2 – 4 см и слой золы толщиной до 12 – 15 см. Поверх золы лежит слой пылевидного надува толщиной в 6 – 7 см, на нем – кирпичи завала.

Сводчатое пом. 2 прямоугольное, имеет размеры 3,95х1,98 м. Платформа под «зиёратханой», как уже было сказано, выше, и нижняя часть южной стены «гурханы» – это, собственно, край платформы. От западной стены сохранилась часть длиной 85 см и максимальной толщиной 50 см. Северная стена сохранилась в длину на 1,35 м, она срублена до толщины 45 см. Толщина восточной стены – около 1 м.

Вход в «гурхану» был с запада. С востока к погребальной камере пристроена массивная кирпичная стена (без платформы), идущая на восток, в высоту сохранилось 6 – 7 рядов кирпича. Северная и восточная грани ее срезаны, южную грань удалось проследить на расстояние 2,30 м; понизу на ней сохранилась штукатурка толщиной до 2 см. Такая конструкция аналогична наусу № 1. Можно предположить, что приставные стены, огораживая с севера площадку перед входом в «зиёратхану», создавали некое пространство, предназначенное для погребальных и поминальных церемоний.

На восточном фасаде здания удалось зафиксировать то, что пахсовая платформа была в древности покрыта глиносаманной штукатуркой толщиной до 3 см. Здесь она сохранилась до высоты в 25 см; в нижней части штукатурка имеет выкружку и «ложится» на уровень древней дневной поверхности. Местами, к югу от входа в «зиёратхану», на штукатурке сохранились следы побелки.

Погребальная камера науса № 3 была полностью разграблена в древности. На полу найдены беспорядочно расположенные расколотые и поломанные кости, в основном, трубчатые, лежащие под разными углами. Имеются также фрагмент левой части нижней челюсти, отдельные зубы и фаланги пальцев. Из погребального инвентаря уцелели бусина из белого с желтоватыми слоями камня, найденная в юго-западном углу «гурханы» и сердоликовая бусина в форме сплюснутого шара из юго-восточного угла. В помещении «зиёратханы», у северной стены, выше уровня пола была найдена бронзовая бусина с восемью «ребрами», попавшая сюда, вероятно, при ограблении «гурханы».

Из всех изученных на сегодняшний день погребальных сооружений Северного некрополя, наус № 3 был наиболее крупным, если исходить из размеров его помещений.

«Наус № 4». Под этим порядковым номером обозначены два стоящих рядом сооружения, расположенные у восточного края террасы на самом юге некрополя. До раскопок они представляли собой неправильных очертаний холмик размерами 11,50х7 м и высотой около 1,50 м. Первоначальная форма его нарушена в результате того, что края были срезаны бульдозером при хозяйственном освоении данной территории в 1991 г. По внешним признакам представлялось, что здесь расположено типичное двухкамерное сооружение, подобное наусам №№ 1, 2 и 3.

Раскопки показали, однако, что под оплывами находится не одно, а два отдельно стоящих здания – северное и южное (рис. 9). Расстояние между ними – 2 – 2,10 м, ориентированы они в направлении север-юг, с некоторым отклонением к западу. Центральные оси зданий не совпадают – северное (здание А) на 1 м смещено к западу по отношению к южному (здание Б).

Здания квадратные, однокамерные, судя по остаткам угловых тропов и кирпичным завалам, каждое из них было пе-

рекрыто куполом. Сооружены здания из кирпича-сырца (50х25х9-10 см), каждое – на отдельной пахсовой платформе высотой 60 см.

Размеры северного здания, имеющего лучшую сохранность – 5х5 м (платформа – 5,20х5,20 м), размеры помещения – 2,80х2,70 м. Толщина западной, северной и восточной стен – 1,10 м. Толщина южной стены – 1 м, она имеет наибольшую сохранность, высота ее – 65 см над уровнем платформы (пять рядов кирпичей плюс промазка толщиной в 2 – 3 см). В юго-западном углу сохранились остатки тротуара.

Вход шириной 55 см расположен в середине западной стены, он был перекрыт аркой в два ряда кирпичей, от которых сохранились нижние части. Расстояние от южной щеки прохода до юго-западного угла помещения – 1,10 м, от северной щеки прохода до северо-западного угла – 1,08 м. В проходе сделан порог из четырех сырцовых кирпичей, уложенных по два по длине прохода. Во входной части, для укрепления порога, был вмонтирован призматической формы кусок зеленовато-серого силикатного шлака толщиной ок. 20 см, а также крупный булыжник округлой формы.

Пол помещения представляет собой поверхность пахсовой платформы. Находок на полу не было; заполнение помещения представляло собой рыхлый грунт и кирпичный завал от рухнувшего купола и верхних частей стен. В заполнении найдены бронзовая ременная подвеска (размером 3х1,3 см) и фрагменты керамики. Помещение не содержало никаких следов погребений, синхронных времени функционирования здания; позднесредневековое впускное погребение было сделано в центральной части помещения, при этом подбой (ляхад) оказался заглубленным в толщу платформы, а впускная яма слегка повредила внутреннюю грань южной стены здания А.

Расположенное к югу здание Б сохранилось значительно хуже – разрушены юго-восточный и юго-западный углы, от южной стены уцелел лишь небольшой фрагмент. Тем не менее, по имеющимся остаткам можно определить, что его внешние размеры были примерно 4,6х4,6 м (платформа – 5,20х5,20 м), а размеры помещения – 2,65х2,65 м. Толщина стен – 1,10 м, наибольшую сохранность имеет северная стена (65 см); в северо-восточном углу сохранилась нижняя часть тротуара.

Вход, в противоположность северному зданию, располагался в восточной стене, от него сохранилась только часть северной щеки, расстояние от которой до северо-восточного угла помещения – 1,10 м. На полу помещения, как и в здании А, не было никаких признаков погребений; в 1,50 м от северной и в 1,30 м от западной стен, то есть почти в самом центре помещения, напротив входа, на полу выявлено пятно прокаленной поверхности размером 20х30 см. Поскольку золы и угольков не найдено, огонь здесь горел, скорее всего, в какой-то емкости. Заполнение помещения – рыхлый грунт и кирпичный завал от рухнувшего купола.

К платформе здания Б, с западной стороны, на расстоянии 1,25 м от северо-западного угла, пристроена кирпичная суфа высотой 50 см и шириной 60 см. Она сохранилась на протяжении ок. 2 м. К ее северному концу перпендикулярно приставлена кирпичная стеночка шириной 50 см, она сохранилась в высоту на два ряда кирпичей, а в длину – на 60 см; возможно, что здесь была примыкавшая к суфе небольшая огороженная площадка. Суфа и огороженная площадка служили, возможно, для выставления или хранения каких-либо предметов или оборудования, использовавшихся в ритуале.

Пространство между зданиями, шириной 2 – 2,10 м, было заполнено слоями натеков, над которыми лежит образовавшийся при постепенном разрушении зданий слой завала, содержащий мелкие, средние и крупные куски сырцовых кирпичей. Выше – дерновый слой толщиной до 10 – 15 см. Общая толщина слоя – от древней дневной поверхности до поверхности холма – равна 1,50 м.

В ходе раскопок погребального сооружения № 4 на разных участках – у западного фаса перед входом в здание А, у его восточного фаса, а также между зданиями, были найдены крупные куски ганча, похожие на фрагменты обмазки, что-то покрывавшей. Еще один кусок ганча, представляющий собой угол прямоугольной или квадратной панели, с резным декором в виде рамки и толстых параллельных валиков, идущих по диагонали, был передан нам местным жителем, на земельном участке которого расположен наус № 4. По его словам, он нашел данный фрагмент при распашке участка, когда срубил северный край холма. Наличие этих находок может свидетельство-

вать о том, что изученные нами здания были, возможно, когда-то украшены снаружи ганчевой облицовкой с резным декором.

Поскольку в помещениях зданий А и Б нет никаких признаков погребений, но их месторасположение и конструкция не оставляют сомнений в том, что они входят в комплекс Северного некрополя, остается предположить, что они служили для каких-то церемоний, связанных с погребальным культом. Возможно, что умерших помещали в данные сооружения для совершения определенных обрядов и молитв, прежде чем поместить в семейные усыпальницы, каковыми, вероятно, были двухкамерные погребальные сооружения. Характерно, что и здесь входы в здания расположены с противоположных сторон – принцип, тщательно соблюдаемый в двухкамерных наусах Дабиль-Кургана.

Наус № 5. Расположен в центральной части некрополя, к юго-востоку от науса № 2, почти вплотную к последнему. Сейчас они разделены грунтовой дорогой, разрушившей его часть. Представляет собой двухкамерное сооружение, полностью аналогичное первым трем наусам. Ввиду того, что он еще не изучен нами полностью, его подробное описание мы опускаем. Отметим лишь, что в «гурхане», имеющей размер 3,15х1,70 м, расчищены остатки 4 погребений, осуществлявшихся последовательно в виде трупоположений головой на запад и юго-восток. Погребальная камера была разграблена в древности.

Наус № 6. Расположен в 25 м на северо-северо-восток от наусов №№ 2 и 5, у грунтовой дороги (рис. 10). Более половины его разрушено, грунт использован для изготовления кирпичей. Удалось зафиксировать сохранившиеся остатки и выяснить, что здесь на пахсовой платформе (сохранившиеся размеры – 5,50х5,15 м) стояло здание из кирпича-сырца (50х25х10 см), ориентированное строго по оси север-юг. Платформа возвышается над современной дневной поверхностью на 30 – 40 см. От здания сохранилась южная стена, юго-западный и юго-восточный углы, часть восточной стены до прохода, а также небольшой участок северной щеки прохода. Размеры помещения по южной стене – 2,95 м, вход был в восточной стене, ширина его – 55 см; расстояние от южной щеки прохода до юго-восточного угла – 1,25 м. Толщина стен была не менее 1 м, высота южной стены – 65 см (5 рядов кирпичей). На полу (поверхность платформы) прямо напротив входа, в 1,40 м от вос-

точной стены и в 1,50 м от южной, расчищена ямка 30х30 см, в которой горел огонь; слой золы выявлен в юго-восточном углу, на южной стене есть следы горения. Судя по остаткам тропов в юго-восточном и юго-западном углах, здание было квадратным и перекрывалось куполом. Можно было бы предположить, что это – «зиёратхона», а сводчатая «гурхана» просто не сохранилась. Однако, по словам местных жителей, платформа ими почти не разрушена, и в этом случае для второго помещения нет места. Это значит, что данное сооружение было не двухкамерным, как наусы №№ 1 – 3 и 5, а однокомнатным, наподобие зданий А и Б в погребальном сооружении № 4. Таким образом, оно также служило не для собственно погребений, а для отправления поминального культа и церемоний.

Наус 7. Расположен к северо-востоку от науса № 5, примерно в 20 м, наполовину разрушен. Раскопки еще не производились. Наусы № 8 и 9, расположенные в северной части некрополя, были практически полностью уничтожены в ходе освоения территории; в 2004 – 2006 гг. еще фиксировались остатки их платформ, в настоящее время и они разобраны на изготовление кирпичей. Наус № 10 находится к юго-западу от науса № 1, раскопки не проводились.

Из всех изученных наусов Дабиль-Кургана только наус № 1 оказался неграбленным. Тем не менее, найденный в нем погребальный инвентарь оказался достаточно выразительным и дает возможность уверенно датировать весь Северный некрополь в целом. По аналогиям с находками из могильника Биттепа и наусов Шуроб-Кургана, определяется дата VII – VIII вв. н.э., однако, анализ монетных находок (см. выше) позволяет сузить дату до VII в. Дополнительно отметим, что доводить время выпуска или обращения подражаний чекану Пероза (эмиссия 289 по Р. Гёблю), найденных в наусах Шуроб-Кургана и дабилькурганском наусе № 1, до середины VIII в. на основании того, что «они найдены в одном слое с омейядским фельсом Наср б. Саййара (738 – 748 гг.) (Ртвеладзе, 2004, с. 71; Ртвеладзе, 2004а, с. 75), не корректно, так как на раскопе 1 Шуроб-Кургана, по описанию автора раскопок С.Б. Болелова, серебряные подражания сасанидскому чекану были найдены в слоях второго периода, а фельс Насра ибн Саййара – на поверхности кирпичной забутовки, перекрывшей культурный слой второго периода «в последующий период, который можно охарактеризовать как

период запустения и частичного обживания холма» (Болелов, 2004, с. 18, 19, 20).

Наиболее близкой аналогией дабилькурганским являются наусы Шуроб-Кургана – памятника, расположенного в Музрабадском районе Сурхандарьинской области Узбекистана, в 30 км к западу от Термеза. Здесь раскопаны несколько наземных сооружений, имеющих одинаковую с дабилькурганскими наусами планировку. По данным небольшой публикации Д. Абдуллоева, изучавшего шуробкурганский некрополь в 1988 – 1990 гг., наземные склепы «сооружались из крупных сырцовых блоков и кирпичей на невысокой глинобитной платформе и представляли собой семейную усыпальницу, обычно двухкамерную. ...Как правило, одна камера имела сводчатое перекрытие, а вторая – плоскую крышу. Они не сообщались между собой и имели отдельные входы шириной 50 см. После очередной погребальной процедуры вход в склеп закладывали кирпичами. ...В каждой камере захоронено по 10-15 человек, причем разного пола и возраста, включая детей» (Абдуллоев, 1991, с. 54).

Несколько подробнее опубликовал шуробкурганские наусы Э.В. Ртвеладзе. Наус 1 предположительно был двухкамерным, одно из помещений почти полностью разрушено, а второе – прямоугольное в плане (3х1,8 м), располагалось с северо-востока. В этой камере найдены два скелета, захоронение было произведено по обряду трупоположения (прим. 5). Отметим, что у покойного, уложенного последним, благодаря чему его скелет сохранил анатомический порядок, правая рука была вытянута вдоль туловища.

Наус 3 также состоит из двух помещений, подквадратного (4х3,5 м) и прямоугольного (3х1,3 м), первое расположено с юго-запада, второе – с северо-востока, длинная ось здания ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Вход в квадратное помещение – с юго-запада, вход в прямоугольное помещение не найден. По мнению публикатора, прямоугольная камера была пристроена к квадратной позже, «так что первоначально это был однокамерный наус. Это указывает на зороастрийский характер совершенных в наусе захоронений» (Ртвеладзе, 2004а, с. 74). Не совсем понятно, как однокамерность может указывать на зороастрийский характер захоронений, отметим, однако, что по аналогии с наусами Дабиль-Кургана, де-

ло здесь могло быть просто в приемах и этапах строительства. Это тем более вероятно, что, судя по описанию, в Шуроб-Кургане под строительство науса 3 был использован естественный холмик, срезанная поверхность которого служит полом для первой камеры, в то время как во второй камере полом служит кладка из сырцовых кирпичей, поверх которых – слой уплотненной глины толщиной 10 – 13 см. То есть, перепад в рельефе мог вынудить строителей делать работу в два этапа. На примере дабилькурганского науса № 1 видно, как к пахсовой платформе пристраивалась кирпичная.

Сохранность наусов Шуроб-Кургана, судя по публикациям, не всегда позволяла выяснить характер перекрытий, можно лишь предполагать, что по аналогии с Дабиль-Курганом, они были купольные и сводчатые, хотя Д. Абдуллоев пишет о сводчатом и плоском перекрытии в двухкамерных сооружениях. У шуробкурганских наусов ориентация зданий имеет более выраженное восточное склонение. Таким образом, мы видим значительное сходство двух групп наусов. Существенное отличие от дабилькурганских наусов, тем не менее, существует, и оно заключается в том, что в ряде шуробкурганских наусов покойных укладывали как в прямоугольном, так и в квадратном помещениях. Представляется, что первоначально здесь также существовало разделение функций двух помещений, но со временем, из-за нехватки места, погребения стали производить и в «зиёратхане». Так, в наусе 1 мы видим, что захоронение по обряду трупоположения произведено только в прямоугольном помещении. В наусе 3, как и в некоторых других, кости и черепа в обоих помещениях расположены хаотично, в этом исследователи видят безусловное свидетельство зороастрийского характера погребального обряда (Абдуллоев 1991, с. 54, 56; Ртвеладзе, 2004а, с. 75). Возможно, что в наусах Шуроб-Кургана имело место помещение предварительно очищенных костей, однако, беспорядочное расположение костей могло быть вызвано тем, что наусы подверглись ограблению, как в Северном некрополе Дабиль-Кургана, где в наусе № 3 сохранились лишь разрозненные остатки костей.

Относительно религиозной принадлежности дабилькурганских наусов можем сказать, что вопрос требует дальнейшего изучения и анализа всей совокупности данных по наземным по-

гребальным сооружениям и погребальному обряду Бактрии-Тохаристана.

Обращает на себя внимание большое количество мусульманских, как можно предполагать позднесредневековых, захоронений вскрытых в процессе раскопок на Северном некрополе, и совершенных, по-видимому, в массовом порядке. В связи с этим можно вспомнить, что позднесредневековая усадьба на Дабиль-Кургане, раскапывавшаяся С.Б. Болеловым (Болелов, Ильясов, 2006; Болелов, Ильясов, 2007), погибла от пожара не позднее первой четверти XVIII века, не исключено, что в результате разгрома. Если допустить, что захоронения относятся к этому же времени, то все это можно связать с конкретным историческим событием. В 1705 г., во время правления Убайдулла-хана Аштарханида (1702 – 1711) в урочище Пашхурд произошло жестокое сражение между бухарскими войсками, ведомыми Хаит-бием дадхо и отрядами мятежного балхского наместника Махмуд-бия аталыка, состоящими из его соплеменников катаганов и представителей племени дурмен; победу одержало войско Махмуда (Бухари, 1957, с. 81). Весьма вероятно, что именно тогда был разгромлен Дабиль-Курган, а рядом захоронены погибшие участники сражения. С другой стороны, наличие детских захоронений говорит, что здесь, возможно, были погребены жертвы какой-то эпидемии или стихийного бедствия.

В завершение отметим, что раскопки наусов на Северном некрополе Дабиль-Кургана впервые позволили выделить новый тип наземных погребальных сооружений Северного Тохаристана VII – VIII вв. – двухкамерные наусы, определить совершенно четкое разграничение функций каждого из двух помещений (прим. 6), выяснить их архитектурный облик, а также проследить связи в погребальном обряде Приамударьинской зоны в пределах владений Термезшахов и горных территорий, входивших в состав владения Гуфтан. В более широком плане эти данные дополняют наши знания о погребальных обрядах домусульманской Средней Азии в целом.

Примечания

1. К сожалению, в некоторых предварительных публикациях как место расположения памятника ошибочно указан Таулахаб-сай (Мкртычев, Болелов, Ильясов, 2005, с. 524).

2. Схематический план расположения наусов Северного некрополя и планы раскопанных наусов выполнены архитектором Е.А. Куркиной (Государственный музей Востока, Москва). В раскопках некрополя участвовали археолог В. Мокробородов (2004 г.), А. Шубадёров (2005 г.), рисунки находок выполнены архитектором М.С. Болгановой (2004 – 2006 гг.).

3. Такая закономерность прослежена при раскопках раннесредневековых погребений на Каратепа и Чингизтепа в Старом Термезе – серебряные монеты помещались в рот, медные – в руку погребенных (Мустафакулов 2002, с. 114; Мустафакулов 2003, с. 114; Мустафакулов 2004, с. 129; Мустафакулов 2006, с. 168; Пидаев, Като 2004, с. 151; Пидаев, Като 2006, с. 185).

4. Подробно о монетах из науса № 1 см.: Ильясов, 2010.

5. К сожалению, в двух публикациях шуробкурганского науса 1 полностью перепутаны ориентиры: в них речь идет об ориентации прямоугольной камеры по оси северо-восток – юго-запад и входе с северо-востока (Ртвеладзе, 1989, с. 60; Ртвеладзе, 2004а, с. 73), однако, судя по плану, приведенному в публикации 1989 г., прямоугольная камера вытянута по оси северо-запад – юго-восток, а вход в первую, почти полностью разрушенную восточную (sic!) камеру (открытый «айван» по интерпретации 1989 г.), располагался на юго-западе (Ртвеладзе, 1989, с. 60). Ориентация шуробкурганских наусов, таким образом, не совсем совпадает с таковой дабилькурганских, имеющих ориентацию север – юг, иногда с незначительным отклонением на восток (наус № 1) или на запад (наусы №№ 2, 3).

6. Изученные автором наусы являются своего рода предтечей мусульманских двухчастных мавзолеев (Ильясов, 2005).

Библиография

1. Абдуллоев Д. Зороастрийский некрополь на юге Узбекистана // Природа. 1991. № 10.

2. Байматова Н.С. Классификация сырцовых куполов Средней Азии (IV – III тыс. до н.э. – VIII в. н.э.) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001.

3. Болелов С.Б. Археологические исследования на городище Шуробкурган в 1982 году (К истории материальной культуры Северного Тохаристана в эпоху раннего средневековья) //

МТЭ. Вып. 4. Археологические исследования Шуробкурмана. Елец, 2004.

4. Болелов С.Б., Ильясов Дж.Я. Археологические исследования в Пашхуртской котловине // Археологические исследования в Узбекистане – 2004 – 2005 гг. Вып. 5. Ташкент, 2006.

5. Болелов С.Б., Ильясов Дж.Я. Исследования Государственного музея Востока в Пашхуртской котловине // АО 2005 года. М., 2007.

6. Бухари Мир Мухаммад Амин. Убайдулла-наме / Пер. А.А. Семенова. Ташкент, 1957.

7. Ильясов Дж.Я. О традициях в погребальной архитектуре Средней Азии // Культурная толерантность и самобытность традиций в искусстве Узбекистана. Ташкент, 2005.

8. Ильясов Дж.Я. «Обол Харона» в Пашхуртской котловине // НЦА. 2010. Вып. X. (в печати).

9. Мкртычев Т.К., Болелов С.Б., Ильясов Дж.Я. Исследования на юге Узбекистана // АО 2004 года. М., 2005.

10. Ртвеладзе Э.В. Средневековый могильник Бит-Тепе в Чаганиане // СА. 1986. № 4.

11. Ртвеладзе Э.В. Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.

12. Ртвеладзе Э.В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002.

13. Ртвеладзе Э.В. Монетные находки с городища Шуробкурман // МТЭ. Вып. 4. Археологические исследования Шуробкурмана. Елец, 2004.

14. Ртвеладзе Э.В. Наусы Шуробкурмана // МТЭ. Вып. 4. Археологические исследования Шуробкурмана. Елец, 2004а.

15. Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Маршрутные обследования памятников Северной Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

16. Baimatowa N.S. 5000 Jahre Architektur in Mittelasien. Lehmziegelgewoelbe vom 4./3. Jt. v. Chr. bis zum Ende des 8. Jhs. n. Chr. Mainz, 2008.

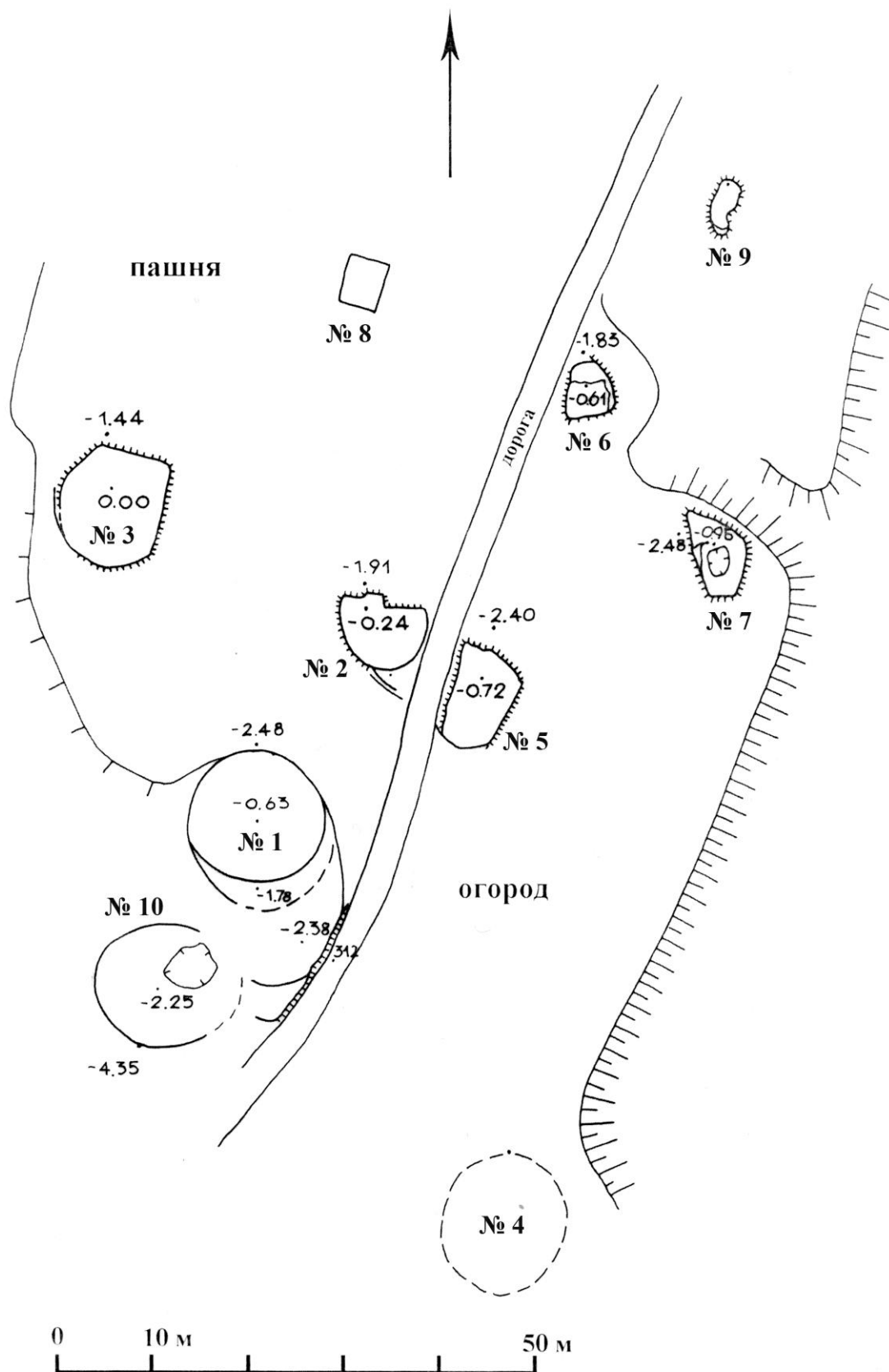

Рис. 1. Дабиль-Курган, Северный некрополь

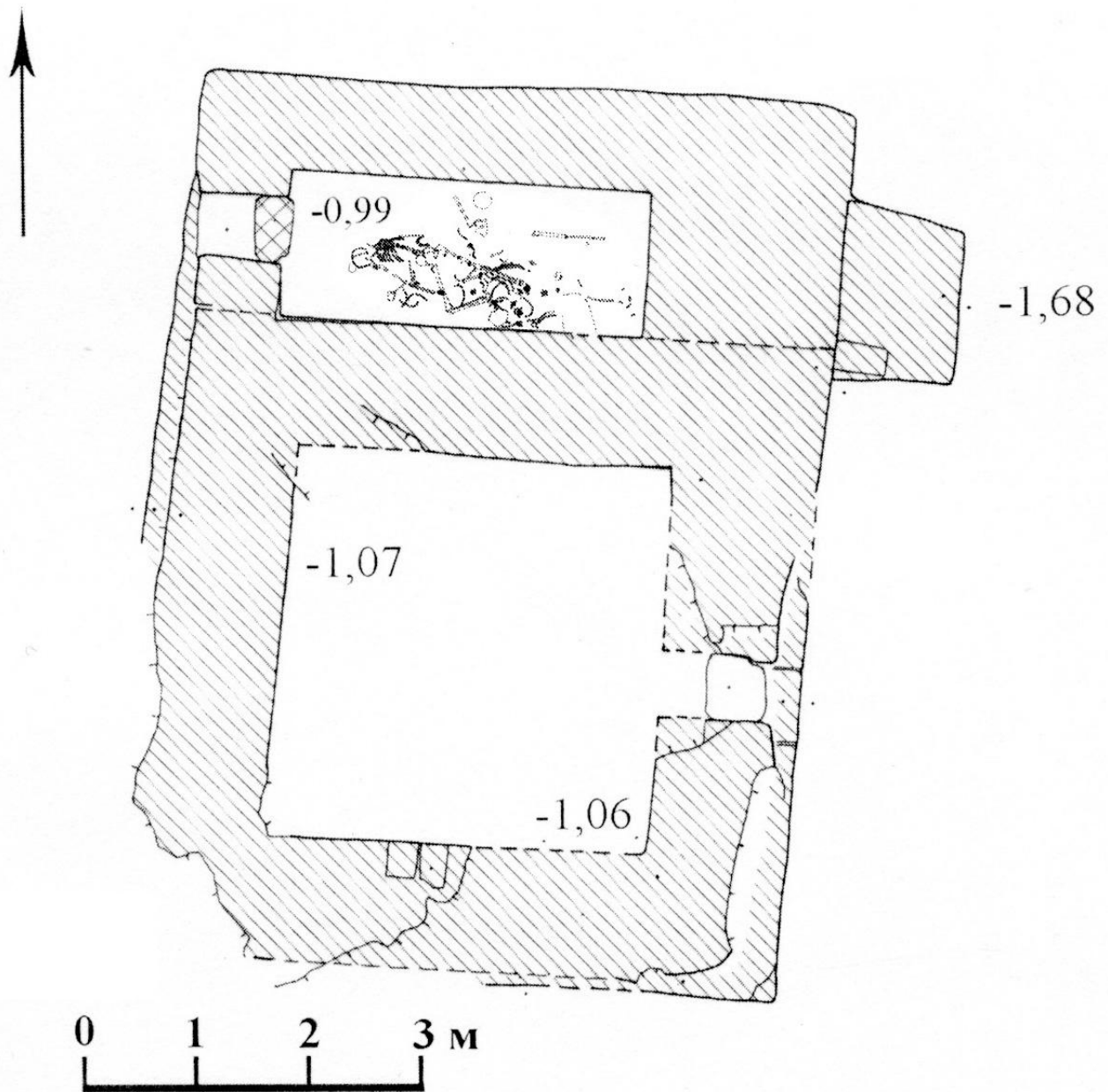
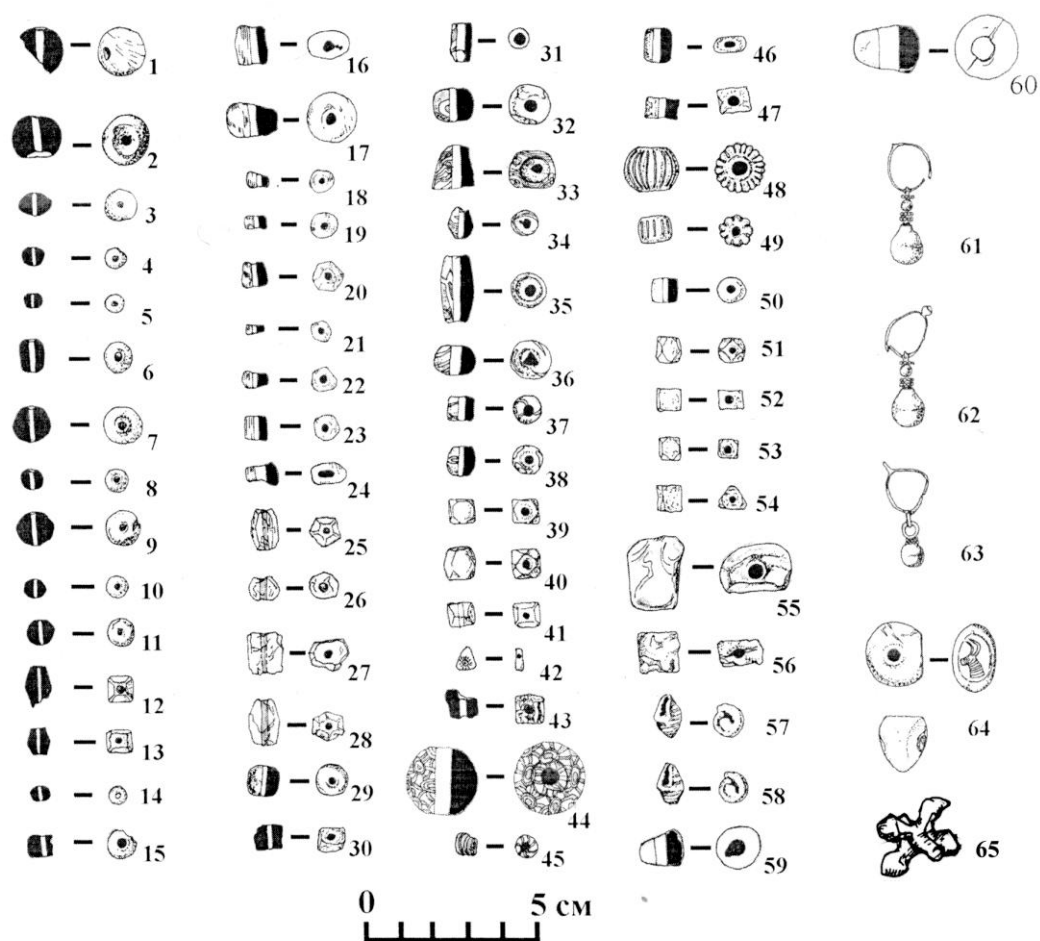

Рис. 2. Дабиль-Курган, Северный некрополь, наус № 1

1-15 - сердолик; 16-24 - кость; 25-28 - горный хрусталь; 29-45 - стекло; 46,47 - стеклянная паста; 48-50 - фаянс; 51-54 - лазурит; 55 - нефрит; 56 - синее непрозрачное стекло; 57,58 - ракушки; 59,60 - камень молочного цвета; 61-63 - серьги (серебро, бронза, позолота, золотая зернь); 64 - гемма (агат).

Рис. 3. Наус № 1, находки.

1

2

3

Рис. 4. Монеты из науса № 1.

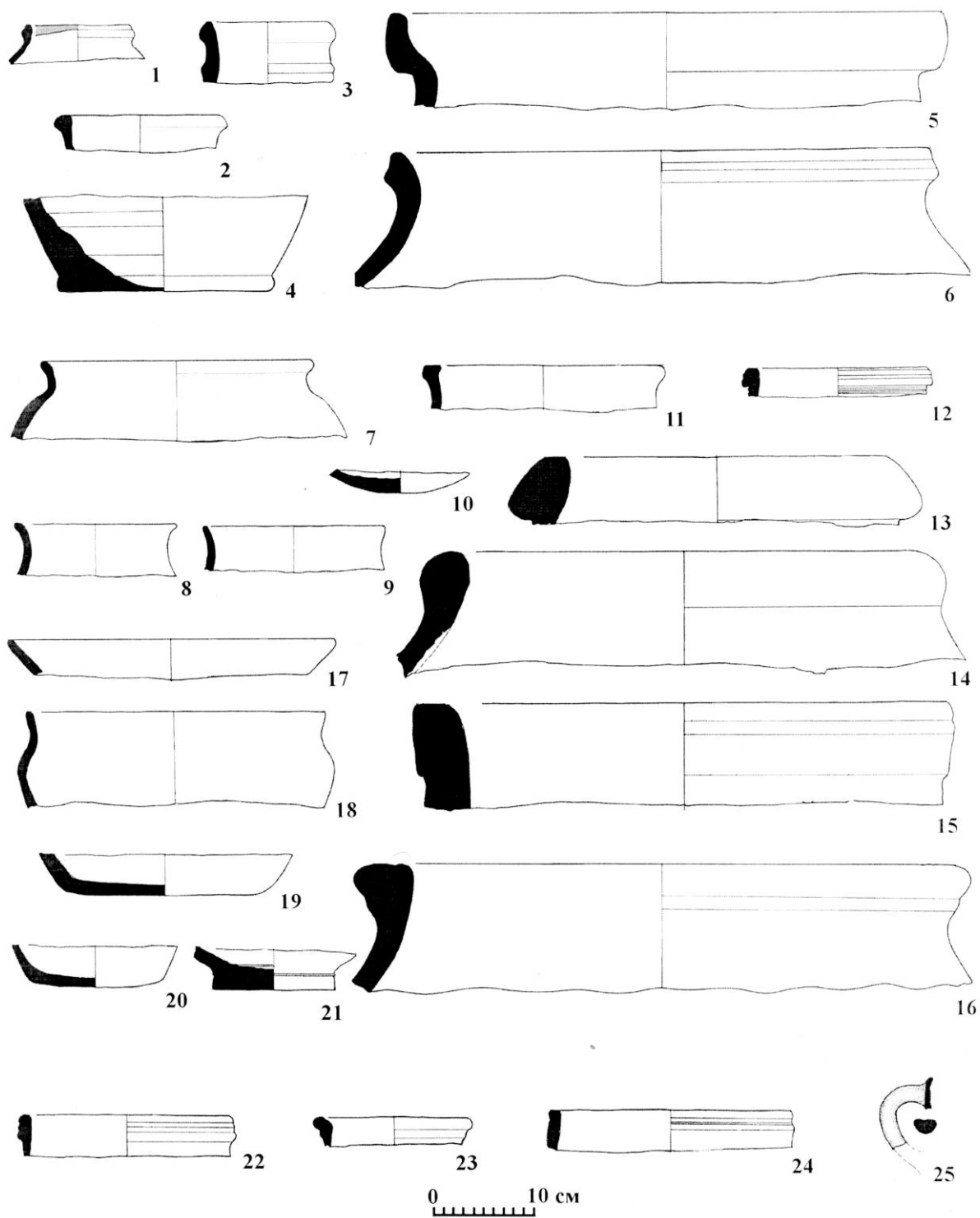
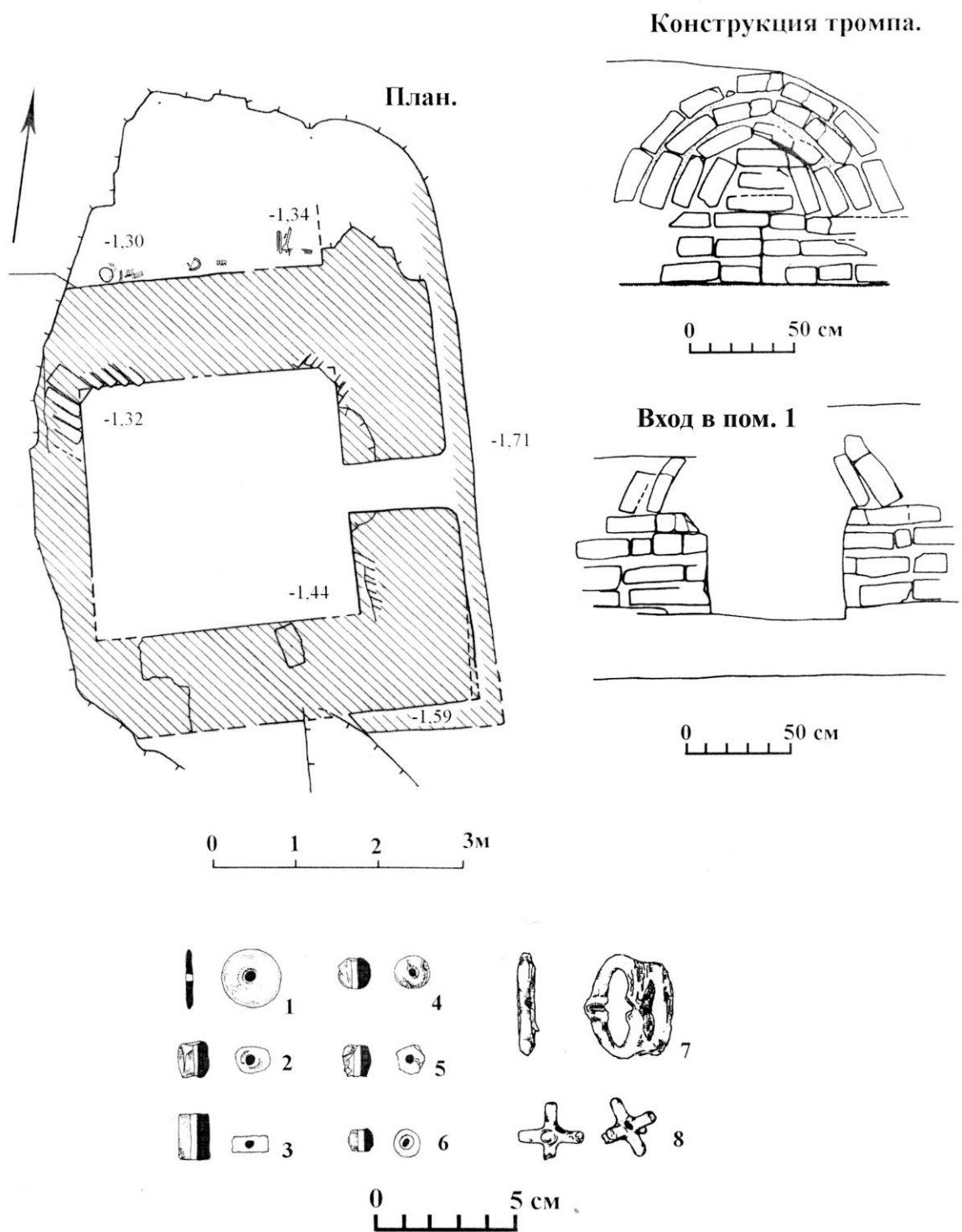

Рис. 5. Керамика из науса № 1.

1- мрамор серого цвета; 2- горный хрусталь; 3 - лазурит; 4-6 - стекло;
7 - пряжка (железо); 8 - подвеска (бронза).

Рис. 6. Наус № 2.

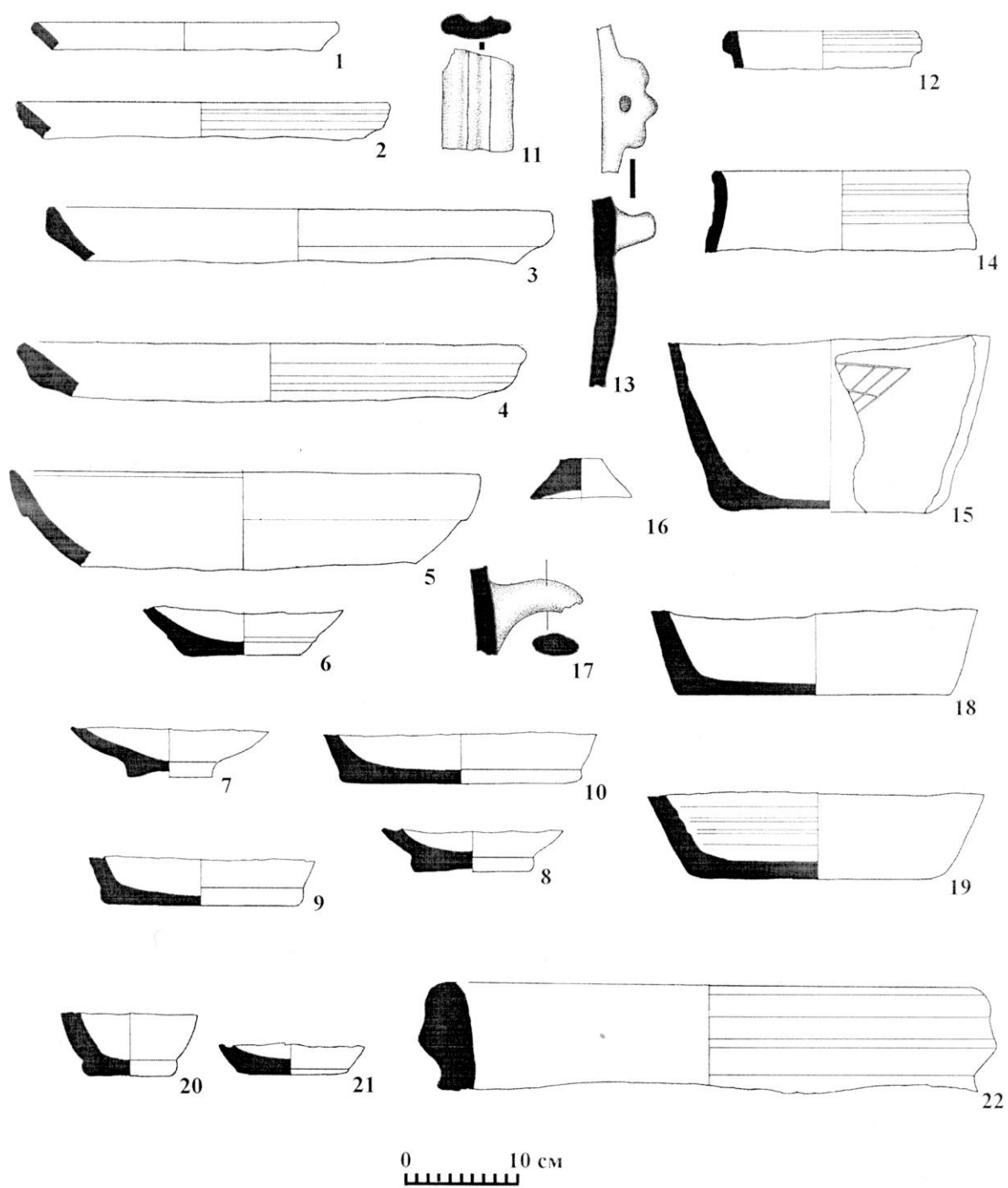

Рис. 7. Керамика из науса № 2.

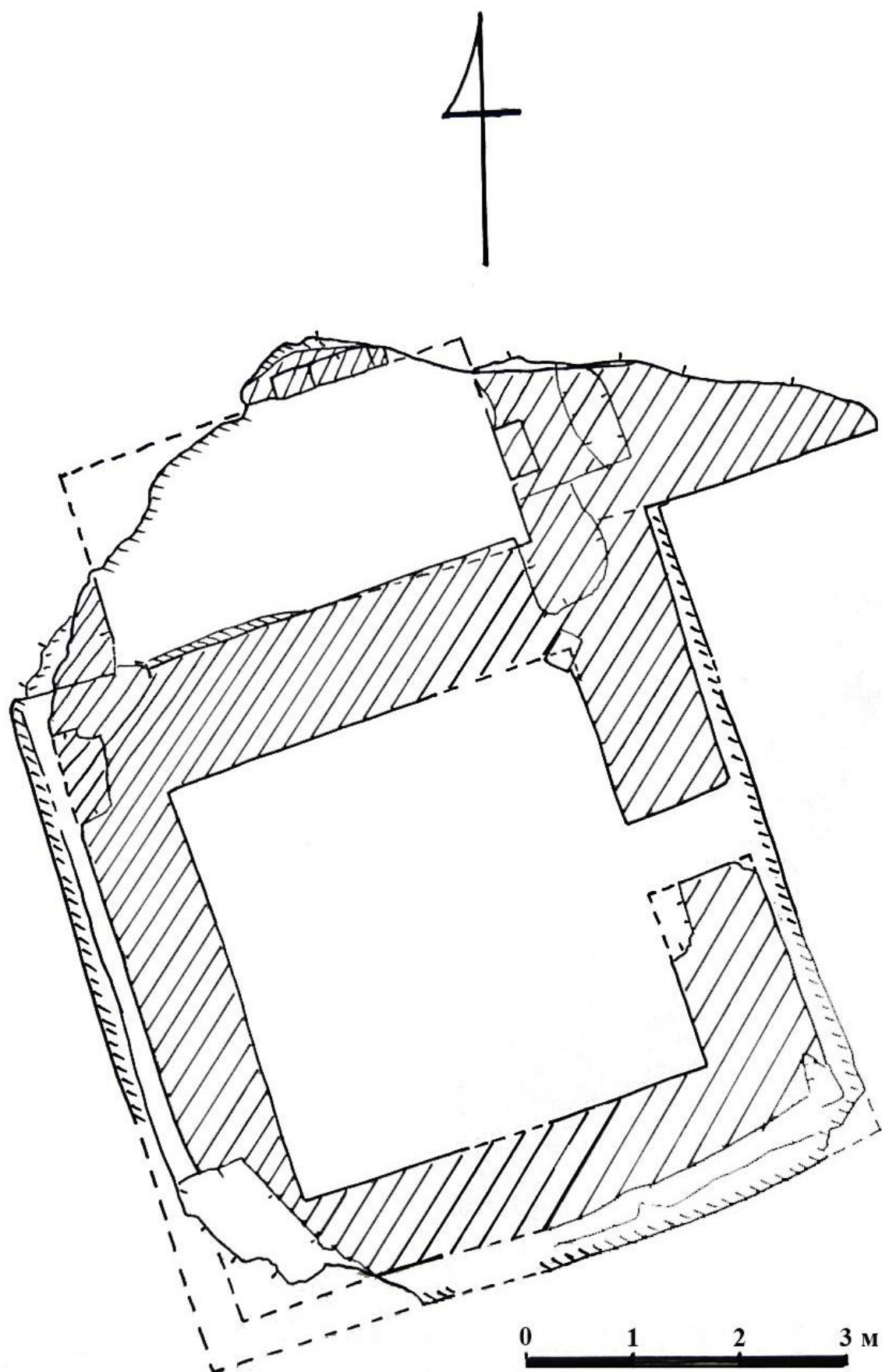

Рис. 8. Наяс № 3.

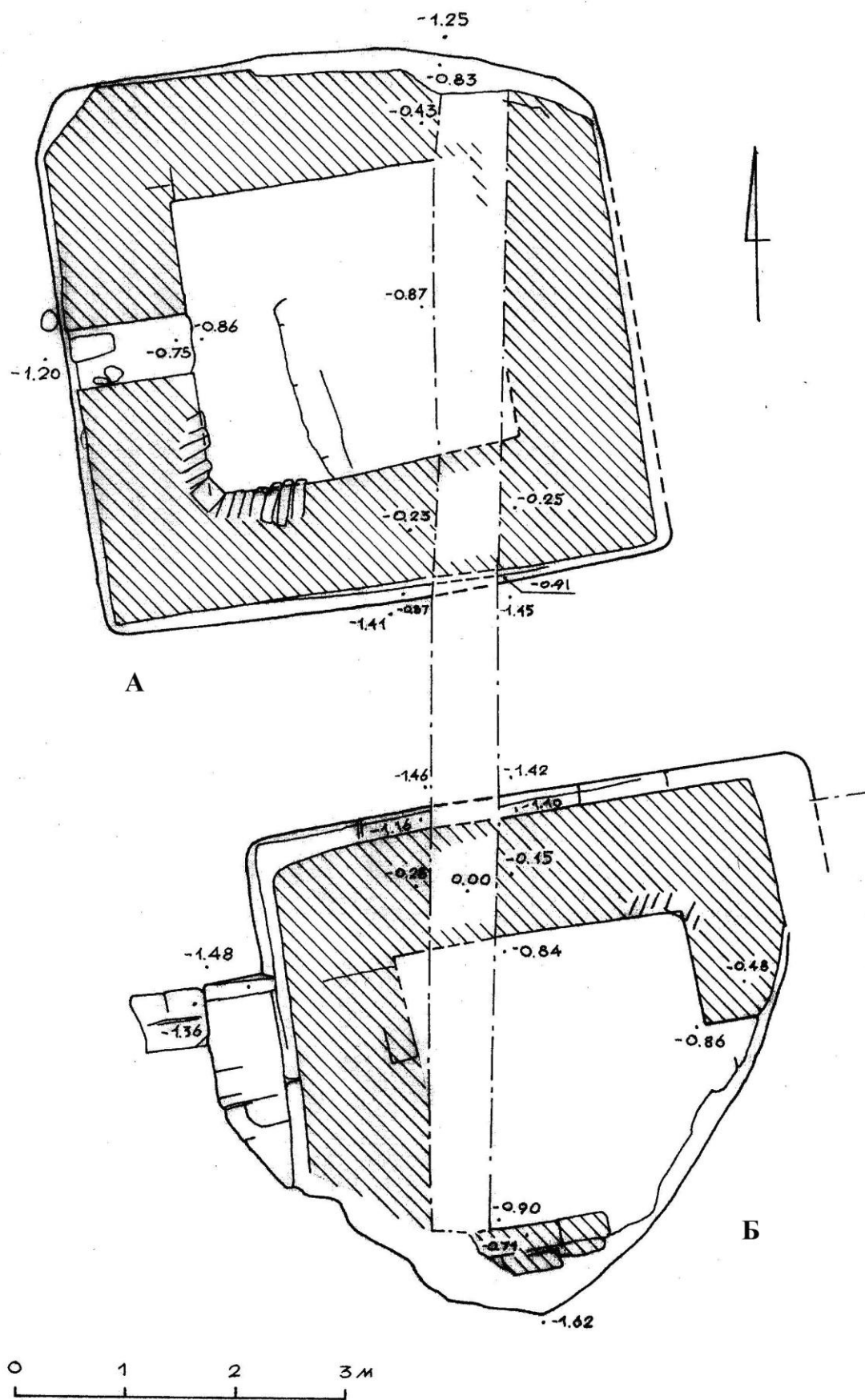

Рис. 9. «Наус № 4», здания А и Б.

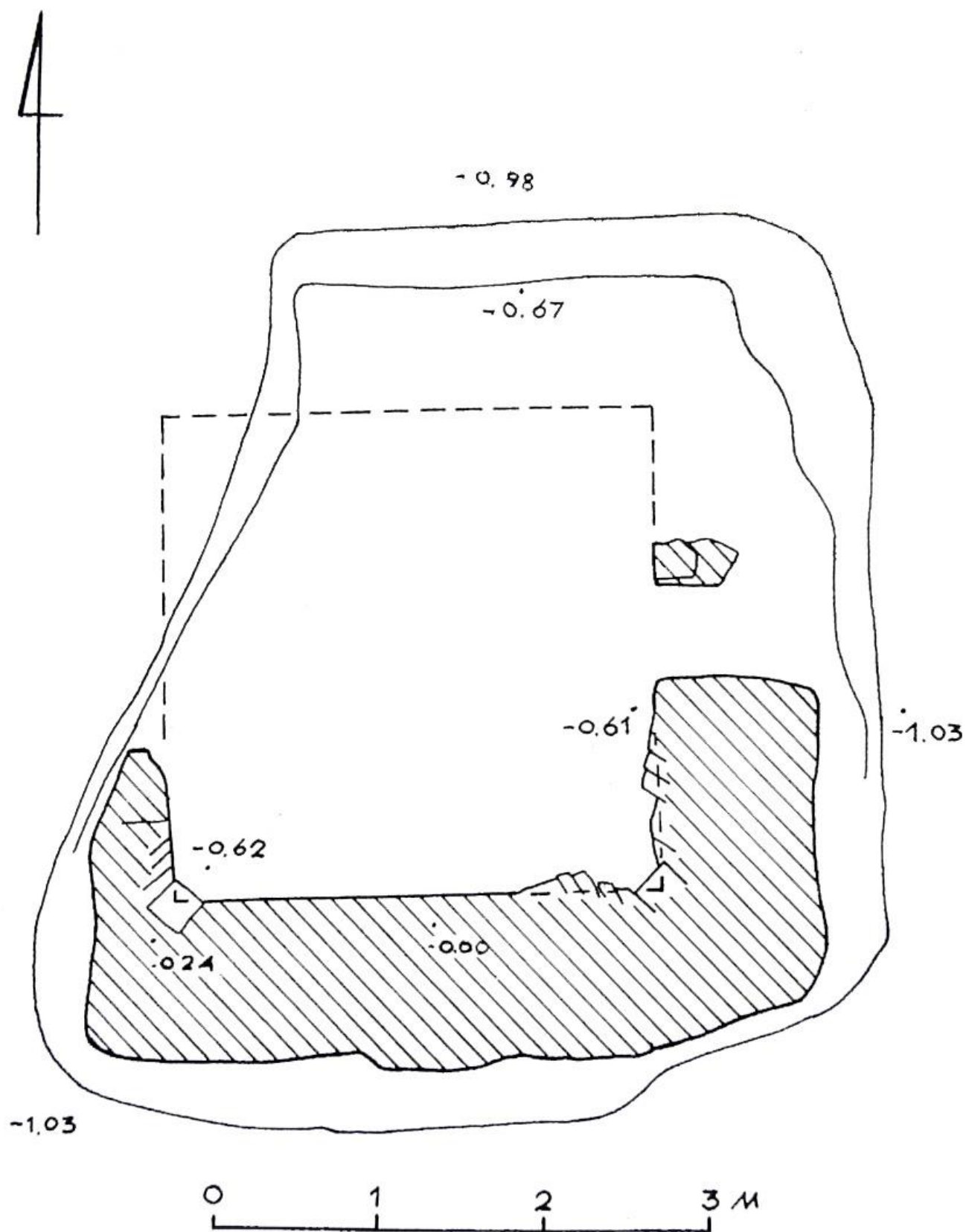

Рис. 10. Hayc № 6.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ДВУРЕЧЬЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ-АНТИЧНОСТИ

В данной статье обобщены химические и минералогические анализы ювелирных украшений, проведенные рядом исследователей в течение многих лет, а также собственные химико-технологические анализы изделий из стекла и «фаянса» из Северной Бактрии.

Как видно, металлические украшения эпохи бронзы состояли из оловянистой бронзы с малым количеством примесей (сурьмы, мышьяка, свинца, висмута, серебра, железа, цинка и никеля, имеются следы кобальта и индия) (Наумов, 1972, с. 111 – 114; Аскаров, 1977, с. 124).

Металл ювелирных изделий кушанского времени отличается от металла изделий эпохи бронзы и раннего железа. В это время оловянистая бронза заменяется на высокооловянистую и многокомпонентную латунь.

Имеются также отдельные сплавы, включающие повышенные концентрации никеля, сурьмы, висмута, мышьяка – до 3%, которые ряд исследователей относят к импортным (Левушкина, 1998, с. 36; Шемаханская, 1985, с. 139).

Значительный интерес представляет состав изделий, найденных в Северной Бактрии из так называемого «египетского фаянса». Полуколичественный спектрально-эмиссионный их анализ показал относительное содержание основных и примесных компонентов. С помощью более точного химического анализа этой же группы украшений удалось установить, что пять основных окислов образуют основную массу вещества: кремнезем, окись кальция, магнезия, натрия, калия, в сумме составляя 93%. Остальные компоненты занимают подчиненное положение и принадлежат к группе второстепенных, играющих роль примесей, это – алюминий, железо и т.д. Присутствие бария и стронция считается локальным признаком среднеазиатских «фаянсов» и стекол, что вполне согласуется с данными о составе местных стекол (Лунева, 2005, с. 24).

В результате изучения изделий из «египетского фаянса» из Северной Бактрии были выявлены два химических типа – содовые и золистые. Первые традиционно относятся к египетской школе, а вторые – к традициям месопотамского стеклоделия. Присутствие в фаянсах Северной Бактрии золы пустынных растений и характерных микропримесей стронция и бария позволяет предположить, что они имеют местное происхождение (Лунева, 2005, с. 24 – 25).

Исследования ювелирных изделий из стекла позволили выделить три химических типа стекол: натриево-кальциевые, калиевые и натриево-кальциево-магнезиально-алюминевые. Из них два типа похожи на состав стекол индийского происхождения (Лунева, 1999, с. 66 – 67).

Детальное изучение ювелирных украшений Среднеазиатского Двуречья показывает, что технологические приемы их изготовления были разнообразны и зачастую высокого уровня. Исключительно разнообразны и многочисленны технологические приемы изготовления изделий из металла. Мастера использовали множество инструментов и приспособлений: щипцы, молотки, большие и маленькие ножницы, железные пластины с отверстиями разного диаметра для протягивания через них серебряной проволоки, шило, тиски, чеканы, штампы, тигли, литейные формы, а также почти все виды возможной обработки металла, известные для того времени: ковку, литье, зернь, перегородчатую и выемчатую эмаль и т. д. (Виноградов, 1972, с. 43 – 45; Виноградов, Мамедов, 1969, с. 38 – 45; Лунева, 2002, с. 55 – 58; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1978, с. 204; Алмазова, 2002, с. 65 – 71).

При изготовлении каменных бус ювелиры-мастера Среднеазиатского Двуречья применяли огранку, обточку, сверление, т.е. все приемы техники обработки камня, характерные для эпохи бронзы и античности.

При изготовлении в эпоху бронзы каменных бус использовались 2 способа сверления каналов, в античности – уже пять способов (Аскаров, 1977, с. 76; Лунева, 1992, с. 76 – 77; Лунева, 2005, с. 31 – 37).

Разнообразны приемы нанесения орнамента. Бусы из сердолика украшались содовым орнаментом (Рис. 1, 1 – 7). Для этого раствор щелочи вначале наносился на поверхность изделий, затем нагревался. В результате на красной бусине полу-

чался белый орнамент. Бусы, изготовленные в данной технике, были весьма популярны в Среднеазиатском Двуречье и Индии. Древние мастера владели также техникой окрашивания минералов. Беруни писал, что заготовки из светлого оникса бросались в кипящий мед и варились до тех пор, пока масса не начала прогорать, темнея и придавая минералу красивый темно-коричневый либо черный цвет.

Производство украшений из цветного камня широко осуществлялось в таком же технологическом процессе и на Западе в позднеэллинистическое и римское время, а на Востоке – с первых веков н.э. (Пташникова, 1952, с. 113; Кой-Крылган-кала, 1967, с. 150).

Для изготовления нагрудных предметов применялись всевозможные способы. Так, на ожерелье бактрийского мастера оригинально исполненные полые цилиндрики, украшенные в технике перегородчатой эмали, инкрустированные драгоценными камнями (альмандин, бирюза), соединялись, с одной стороны, пятью шнурами в виде плетеной косички, состоящей из восьми проволочек (скань), а с другой – на цилиндре находилась петелька, в которую, очевидно, крепился центральный камень. Альмандину и бирюзе мастер придал форму сердечка, овала, круга, квадрата, прямоугольника. Застежку изготовил в технике выемчатой эмали (Рис. 1, 8 – 9) (Пугаченкова, 1978, илл. 76).

В комбинированной технике сделана и золотая серьга из Дальверзинского клада. Она имела цилиндрическую форму и орнаментирована сеткой розеток и зернью; сверху напаяна пластина, на которой закреплено ушко со змеиной головкой на конце (Рис. 1, 10) (Пугаченкова, 1978, илл. 76).

Применяли и амальгамирование – накладывание на гипс, дерево, стекло золотой или серебряной пластины. Примеры тому – золоченые стеклянные бусы, навершие булавок-шпильки (шаровидное) из Северной Бактрии (Рис. 1, 11). В подобной технологии – ювелирные изделия, найденные в Топрак-кале и Тиллятепа (поясные пластины из металла и стекла) (Рис. 12-13). Амальгамация нашла применение в позднюю эллинистическую эпоху. Для нее использовали смесь золота, серебра и ртути, которая наносилась на холодную поверхность металла, при нагревании благородный металл соединялся с

поверхностью изделия, а ртуть испарялась (Словарь античности, 1989, с. 215; Лунева, 2009, с. 226).

По результатам осуществленного автором данного исследования химического и петрографического анализа золоченых бус, найденных Узбекистанской искусствоведческой экспедицией при археологических раскопках, бусина из античного слоя имеет традиционный для Ближнего Востока состав Na-Ca-SiO. Судя по технологии, часть бус из этой коллекции происходят из Сирии. Данные химических анализов свидетельствуют о разнообразии состава стекол и металла, изготовленных для ювелирных украшений.

Широко применяли литье в литейных формах, требовавших большого профессионального навыка и сложного оборудования (плавильные печи, тигли) (Рис. 1, 14 – 15, 19).

Довольно часто применялась резьба, шлифовка, полировка, гравировка в костяных и из раковин изделиях – булавки-шпильки для волос, гребни для волос, бусы и подвески, украшения для одежды (Рис. 1, 16 – 18, 20; рис. 2, 21 – 27).

Все полученные данные свидетельствуют о наличии в Среднеазиатском Двуречье эпохи бронзы-античности специализированных мастерских по изготовлению разнообразных и уникальных в своём роде образцов ювелирного искусства, а также высоком профессиональном уровне мастерства местных ювелиров.

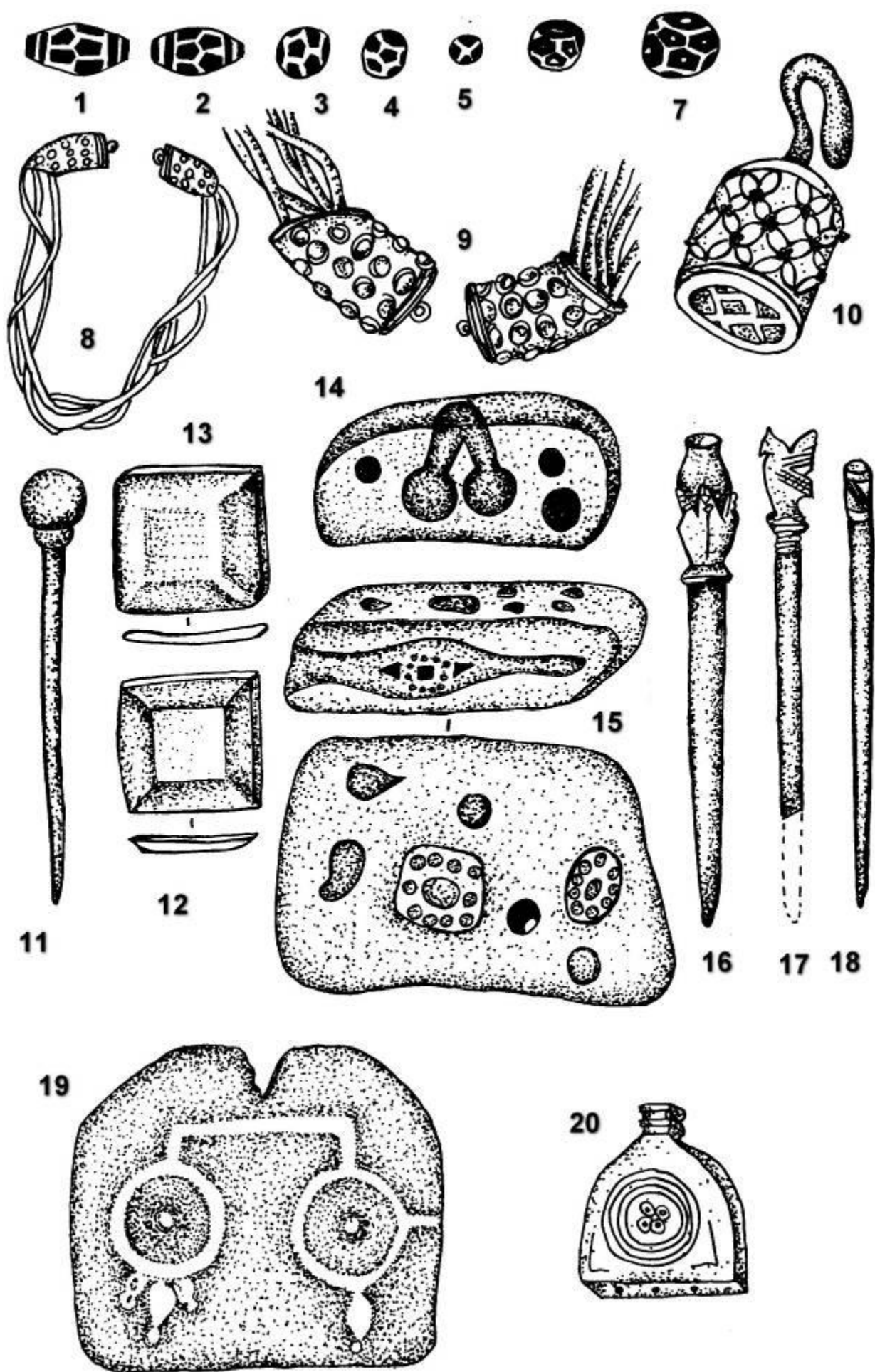
Библиография

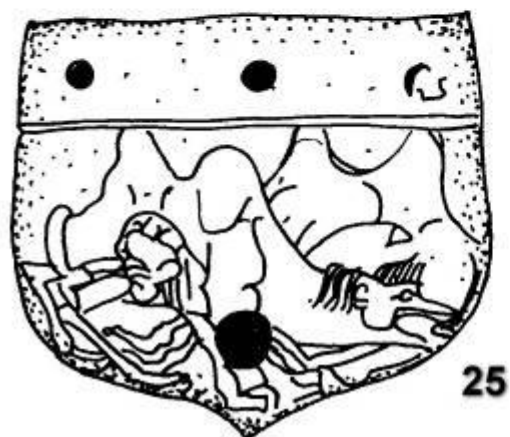
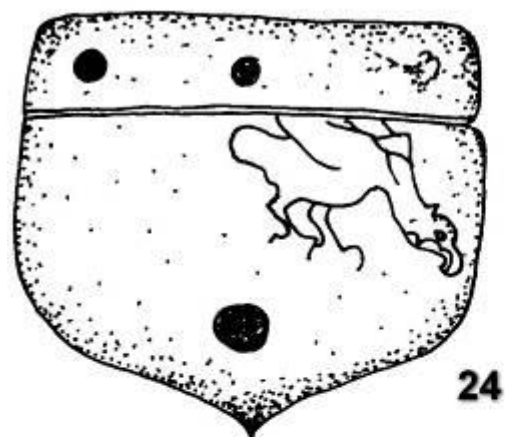
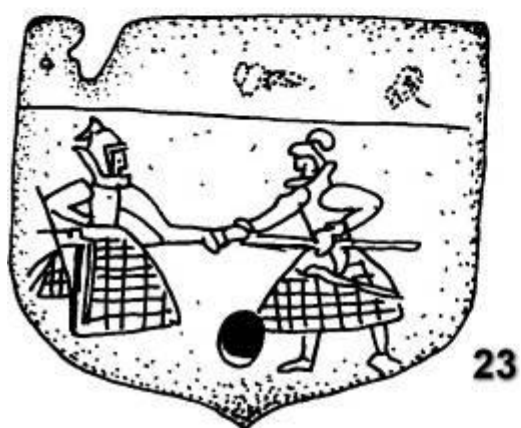
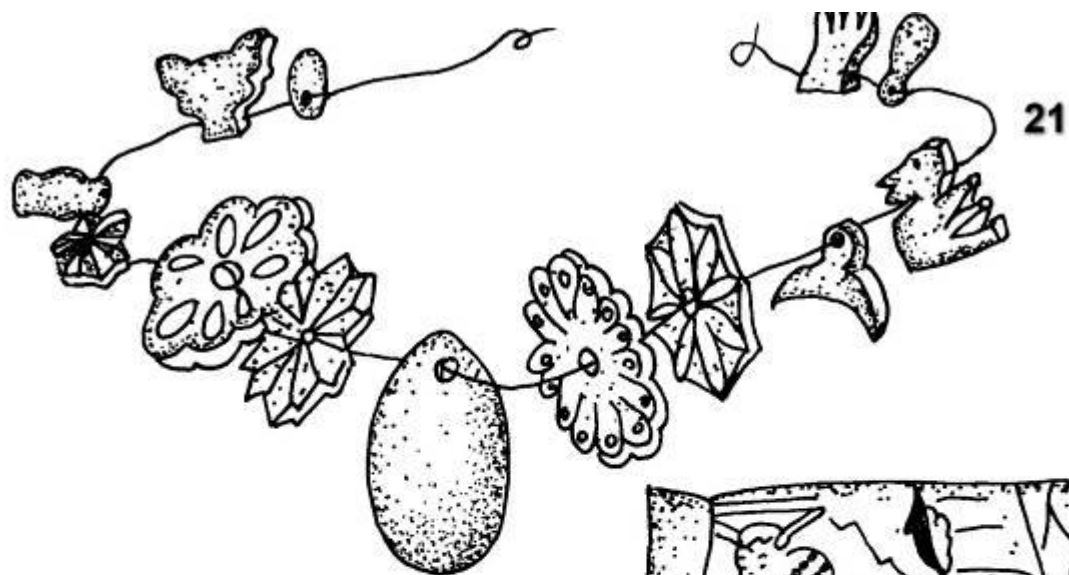
1. Алмазова Н.И. Каменные орудия с городища Афрасиаб, занятые в производстве металлических изделий // ИМКУ. 2002. Вып. 33.
2. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
3. Виноградов А.В. Кызылкумские ювелиры // УСА. Л., 1972.
4. Виноградов А.В., Мамедов Э. Комплексное археолого-географическое исследование во внутренних Кызылкумах // ИМКУ. 1969. Вып. 8.
5. Кой-Крылган-кала. Памятник культуры Древнего Хорезма. IV в. до н.э. - IV в. н.э. // ТХАЭЭ. М., 1967.

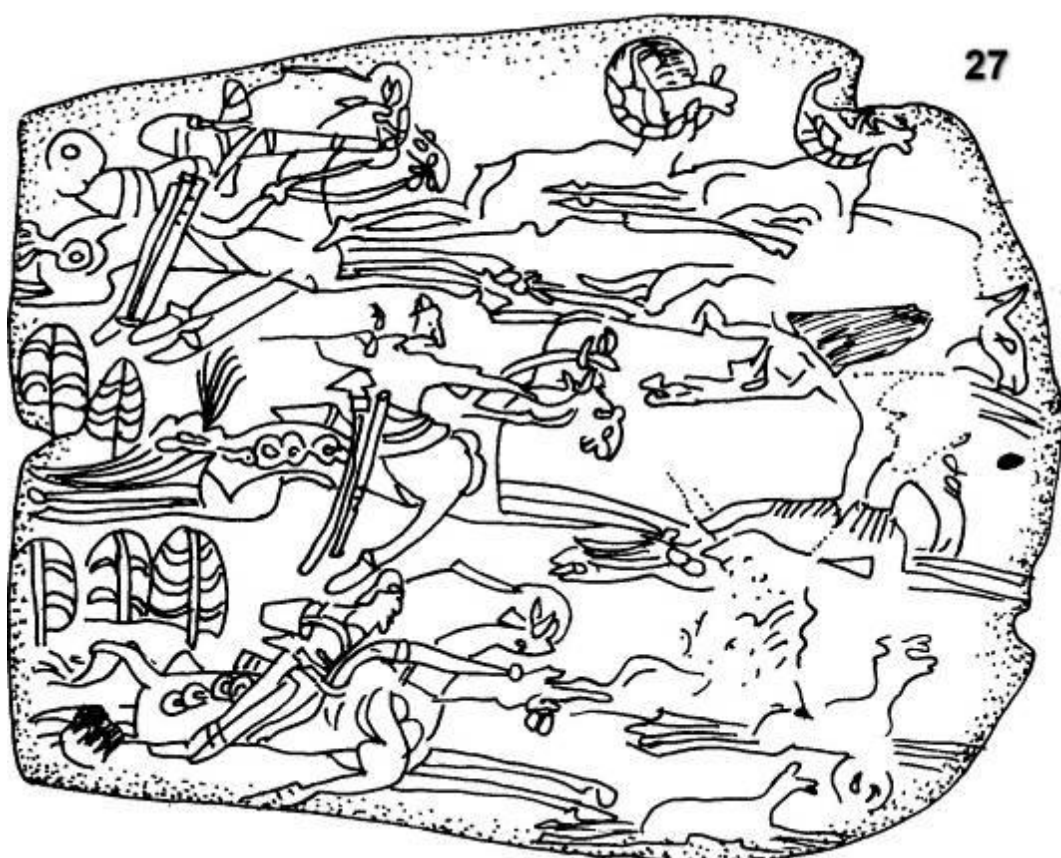
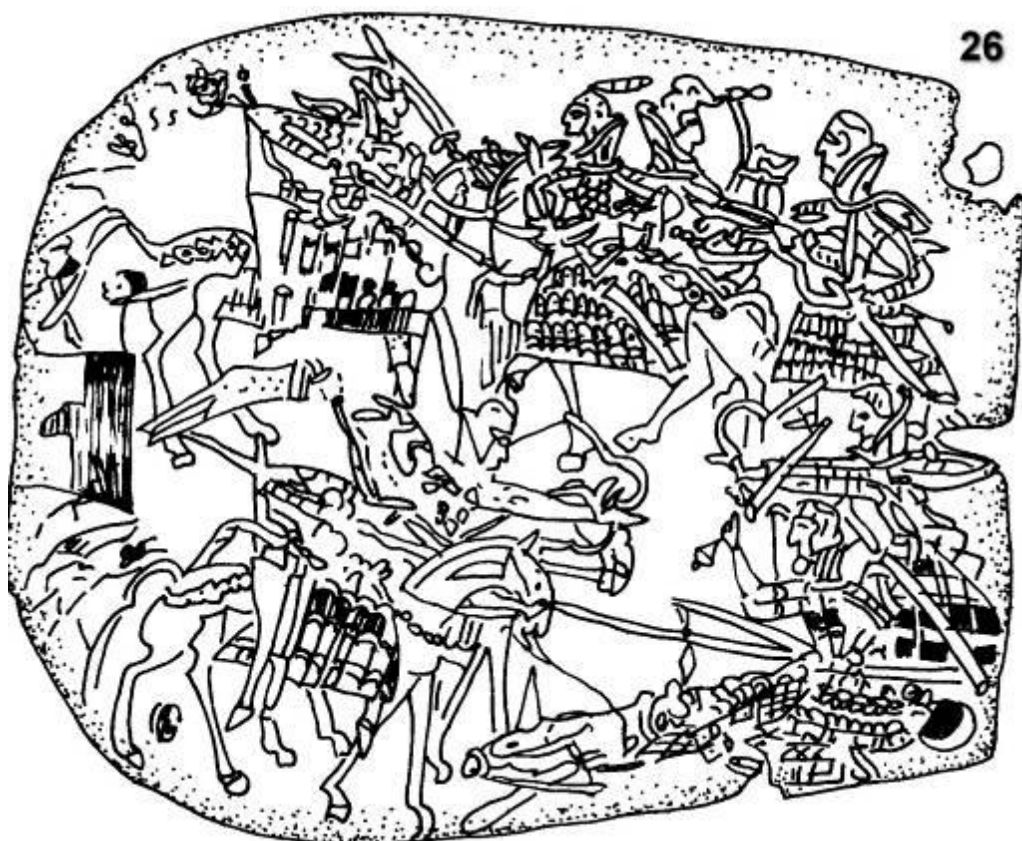
6. Левушкина С.В. Цветной металл Кампыртепа // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 1998.
7. Лунева В.В. Технологическая классификация фаянсовых и стеклянных бус Северной Бактрии // Средняя Азия и мировая цивилизация. Ташкент, 1972.
8. Лунева В.В. О связях Северной Бактрии-Тохаристана с Индией и Ираном (по данным изучения ювелирных изделий) // ОНУ.1999. № 7 – 8.
9. Лунева В.В. Некоторые технологические приемы бактрийско-кушанского ювелирного производства // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2002.
10. Лунева В.В. Ювелирное искусство Северной Бактрии (I в. до н. э. – IV в. н.э.). Ташкент, 2005.
11. Лунева В.В. Формирование и развитие ювелирного искусства в Среднеазиатском Двуречье (III – II тыс. до н.э. – III – IV вв. н.э.): Дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2009.
12. Наумов Д.В. Химический состав металлических украшений Муминабадского могильника // Материалы по истории и археологии Узбекистана. Вып. 218. Самарканд, 1972.
13. Пташникова И.В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма // ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952.
14. Пугаченкова Г.А. Художественные сокровища Дальверзинтепе. Альбом. Л., 1978.
15. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзинтепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
16. Словарь античности. М., 1989.
17. Шемаханская М.С. Некоторые аспекты изучения металла Северной Бактрии // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства и археологии. Тез. докл. Ташкент, 1985.

Подписи к рисункам

Рис. 1-4 – сердолик окрашенный. Хорезм, Туз-гыр (Кочевники на границах Хорезма // ТХАЭЭ. – М., 1979. – Вып. XI); рис. 5-7 – сердолик окрашенный. Хорезм (Трудновская С.А. Украшения позднеантичного Хорезма // ТХАЭЭ. – М. -Л., 1952. – Т. 1); рис. 8 – ожерелье, 9 – фрагмент ожерелья. Золото. Северная Бактрия. Дальверзинтепа (Пугаченкова Г.А. Художественные сокровища Дальверзинтепе. Альбом. – Л., 1978); 10 - серьга. Золото. Северная Бактрия, Дальверзинтепа (Пугаченкова Г.А. Художественные сокровища Дальверзинтепе. Альбом. – Л., 1978); 11 – булавка-шпилька (Цветной металл, шаровидное навершие ювелирных украшений из Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 3. – Ташкент, 2001. – С. 81, рис. 2); 12-13 – пластины. Стекло. Цветной металл обтянутой золотой фольгой. Хорезм, Топрак-кала (Топрак-кала. Дворец // ТХАЭЭ. – М. - Л., 1984); 14-15 – литейные формы. Камень. Резьба. Северная Бактрия, Дальверзинтепа (Лунева В.В. Ювелирное искусство Северной Бактрии. – Ташкент, 2005); 16-18 - булавки-шпильки. Кость. Северная Бактрия) Лунева В.В. Ювелирное искусство Северной Бактрии. – Ташкент, 2005); 19 – литейная форма для серег. Фергана (Литвинский Б.А. Украшения Западной Ферганы. – М., 1973); 20 – нашивка на одежду. Кость. Северная Бактрия, Кампыртепа (Лунева В.В. Ювелирное искусство Северной Бактрии. – Ташкент, 2005); 21 – ожерелье. Кость, раковины. Северная Бактрия (Лунева В.В. Ювелирное искусство Северной Бактрии. – Ташкент, 2005); 22 – гребень. Кость. Северная Бактрия, Дальверзинтепа (Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Дальверзинтепе кушанский город на юге Узбекистана. – Ташкент, 1978); 23-25 – пластины для украшения пояса. Кость. Согд, Орлат (Пугаченкова Г.А. Образы юечжей и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согде // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана в свете новых открытий Узбекистаннской искусствоведческой экспедиции. – Ташкент, 1989); 26-27 – пластины для украшения пояса. Кость. Согд (Маркус Моде. Сцены сражений А.Македонского в древнем искусстве Средней Азии // Санъат. – Ташкент, 2005. – № 3-4).

РОССИЯ – ТУРКЕСТАН: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Научное изучение Средней Азии, которая исключительно богата археологическими памятниками различных периодов, начиная с эпохи камня вплоть до позднего средневековья включительно, началось во второй половине XIX в. после ее завоевания и включения в состав Российской империи. Если сложение классической археологии неотделимо от художественного движения Ренессанса, а средневековой – от характерного для XIX столетия роста национального самосознания, то восточная археология в своих истоках, так или иначе, связана с колониальной политикой. Прошлым Востока в Европе начали интересоваться много позже, чем античностью. Огромное впечатление на весь мир произвел поход Наполеона в Египет. К участию в этой кампании был привлечен целый «генеральный штаб ученых» из 122 человек.

Первые российские исследователи, поставив перед собой определенную цель – историческое изучение края, сразу же обратили внимание на памятники древности. На первый план выдвигались вопросы исторической топографии, географии и архитектуры, повысился интерес к нумизматике и эпиграфике. Как отмечал А.Ю. Якубовский, «начало изучению развалин долины нижнего течения Сыр-Дарьи... положено было еще в 1867 г. одним из талантливых востоковедов XIX столетия П. Лерхом». Период начинается поездкой П. Лерха по Сырдарье и Западному Семиречью по поручению Археологической комиссии. Поездка была вызвана появлением в газетах известия об открытии близ форта № 1 следов древнего города. Он провел пробные раскопки на территории Джанкента, высказав предположение, что имеет дело с остатками города Янгикента, «упоминаемого в исторических повествованиях о завоевании царства хорезмшахов Чингисханом и его сыновьями. Местонахождение развалин соответствует данным Абульфеда». 13 декабря 1867 г. П. Лерх сообщил о своих джанкентских раскопках на общем собрании Русского географического общества с демонстрацией рисунков, найденных предметов древности и топографического плана местности древнего города (Историография общественных наук в Узбекистане, 1974, с. 210).

Позже появляются историко-культурные исследования. Например, статья инспектора народных училищ, титулярного советника Граменицкого «О древних урочищах Средней Азии». Интересно отметить, что в своей докладной записке генерал-губернатору К.П. фон-Кауфману он писал следующее: «Занимаясь в свободное от служебных занятий время собиранием материалов по этнографии и археологии Туркестанского края, я имею иногда возможность посещать и осматривать урочища, заключающие в себе следы бывших поселений. В подобных городищах нередко можно отыскивать разные предметы, относящиеся к минувшему времени и служащий по объяснению существовавших бытовых условий и вопросов, касающиеся истории края. Для беспрепятственного добывания таких предметов имею честь почтительнейшего испрашивания разрешения Вашего Высокопревосходительства на производство мною археологических поисков в городищах, которые окажутся для меня доступными. Правильных раскопок производить я не могу по недостатку времени и средств, но приму все меры, чтобы мои случайные поиски не повели к растрате или порче археологических материалов». В ответ К.П. фон-Кауфман наложил свою резолюцию: «Не могу разрешить и прошу еще раз господ губернаторов не допускать никаких раскопок в местностях, привлекающих охотников до поисков древностей. 2 марта 1879 г.» (ЦГА РУз, л. 1). Более того 28 марта 1879 г. К.П. фон-Кауфман подписал циркуляр для исполнения военным губернаторам и начальникам округа и отдела, которым предписывалось: «...строгое и неуклонное наблюдение в местностях вверенной Вам области, интересных в археологическом отношении не дозволялось ни русским, ни местным жителям производить раскопки без особого каждый раз моего разрешения» (ЦГА РУз, л. 2).

Официально первым объектом археологических исследований стал Афрасиаб (древний Самарканд). Через это городище пролегла трасса Самарканд-Ташкент, в ходе строительства которой было обнаружено большое количество артефактов. Для его исследования и проведения там археологических работ начальником Заравшанского округа генерал-майором А.К. Абрамовым был откомандирован начальник Самаркандского отдела майор Г.А. Борзенков, который летом 1874 г. приступил к первым раскопкам. Производились они не особенно тщательно

и без всякого заранее обдуманного плана двумя крест-накрест прорытыми коридорами. При раскопках обнаружены остатки построек в виде части пола из разноцветных глазурованных кирпичей, а также остатки лестницы из больших кусков дикого камня. Встречены только мелкие предметы: монеты, обломки сережек, перстней и пр. В.А. Шишкин, на протяжении многих лет проводивший сам раскопки на Афрасиабе, предположил на основании доводов М. Ростиславова, что «по-видимому, Г.А. Борзенков копал на северном краю городища, может быть в районе цитадели, где всхлomления наиболее значительны» (Шишкин, 1969, с. 11; Ростиславов, 1875).

Затем раскопки были перенесены на другой участок вдали от Сиаба в сторону новой ташкентской дороги, проложенной перед этим через городище. Здесь открыты «жилые помещения, состоявшие из нескольких комнат, с местом для огня для приготовления пищи». Найдено много кувшинов, гончарных труб и других изделий из глины, что вызвало предположение о существовании здесь «гончарного завода». Интересно сообщение о находке большого количества кирпичей крупного размера – «2S четверти длины и 1S, если не больше, четвертей ширины (44,5x26,7). По мнению А.Ю. Якубовского, при полной неподготовленности майора Г.А. Борзенкова к археологическому исследованию Афрасиаба его работы преследовали в основном цель добычи интересных вещей, однако, как отмечал В.А. Шишкин, его работы и публикации М. Ростиславова показали те большие перспективы, которые могут открыться перед исследователями Афрасиаба. По-видимому, Г.А. Борзенкову не удалось составить никакого отчета об этих работах, так как вскоре после раскопок он скончался (Шишкин, 1969, с. 11-12).

В 1883 г. стратиграфический разрез археологического памятника длиной 42 м. и глубиной до 8 м. был осуществлен в южной части городища Афрасиаба чиновником особых поручений В.В. Крестовским. Задумав изучить древности вверенного ему края, генерал-губернатор М. Черняев счел В.В. Крестовского самым подходящим исполнителем этого сложного задания. 30 сентября 1883 г. старший чиновник особых поручений, подполковник В.В. Крестовский получил предписание: «Предлагаю Вашему Высокоблагородию отправиться в Зеравшанский округ произвести осмотр местности древнего города Афрасиаба и представить мне соображения как о возможности археологиче-

ских раскопок в этой местности, так и о расходах, какие потребуются для этого. Необходимые на предварительные изыскания средства Вам будут отпущены начальником Зеравшанского округа; прогоны же от Ташкента до Самарканда и обратно и суточные на один месяц по положению Вы получите из моей канцелярии. Генерального Штаба Генерал-Лейтенант Черняев» (ЦГА РУз, л. 16). Никаких археологических навыков у В.В. Крестовского не было, но надо отдать ему справедливость, он проявил максимум добросовестности - прочел всю доступную тогда литературу по истории Средней Азии, записал легенды о Самарканде, обратился через М.Г. Черняева к министру А.С. Уварову, возглавлявшего Императорское московское археологическое общество, с просьбой об инструкциях. Вскоре пришел ответ на имя М.Г. Черняева следующего содержания: «Милостивый государь Михаил Григорьевич! На Вашу телеграмму спешу ответить присылкою инструкции для исследования курганов, помещенной в первом выпуске VI тома «Древностей» и моей статьи о признаках народности могильных насыпей. По этой статье Ваши исследователи увидят, на какие подробности надо обращать внимание при раскопках курганов. Из Вашего желания иметь эти инструкции я заключаю, что Вы, наверно, намереваетесь обратить внимание на многочисленные памятники старины, находящиеся в вверенном Вам крае. Наперед радуясь за такое намерение, которое доставит нам много драгоценного материала для нашей отечественной археологии. Позвольте мне присоединить искреннейшую просьбу положить начало к исследованию древностей Туркестанского края. До этого мы почти ничего не знали об этом крае, в отношении его памятников, а между тем, как к пониманию русской истории несомненно лежит в Азиатских поселениях. Научные силы, которые Вам понадобятся, наверно, найдутся. Я убежден также, что многие из наших ученых с радостью отправились бы к Вам для исполнения такой задачи... Граф Уваров» (ЦГА РУз, л. 13).

Археологическая комиссия прислала извлечения из записок Археологического общества, содержащие основные указания по производству археологических раскопок, и «Записку для обозрения древностей», которая могла служить на первых порах руководством для тех, кто пожелал бы заняться изучением и описанием историко-архитектурных памятников в Туркестанском крае, изданной в виде брошюры. В извлечении из первого

тома «Известий Императорского археологического общества» давались определенные инструкции, на основании которых исследователи должны описать формы городища или кургана, указать их внешнее расположение, и только после этого, «чтобы получить результаты для истории и этнографии..., приступить к разрытию их с археологической целью так, чтобы при разрытии ни один факт не остался потерянным для науки. Это требует от исследователя археологического приготовления, без чего разрытие будет грубым землекопательством, не только бесполезным, но и вредным, потому что, раскопавши курган, Вы тем самым безвозвратно истребляете его, варварски уничтожаете памятник древности и может быть ничем не вознагражденный». Кроме того, исследователь должен быть сам рисовальщиком или иметь при себе рисовальщика с целью фиксации найденных предметов на случай их утраты. В инструкции особое внимание уделялось раскрытию курганов, где излагались последовательность в работе, которую археолог должен был строго соблюдать, детально фиксируя раскоп: устройство гробницы или могилы, ритуал захоронения, положение погребенного и вещи при нем. «Только произведя раскопки, таким образом, составив подробный дневник разрытия и тщательно сохранив всё вынутое из земли, исследователь курганов может быть уверен, что труд его не пропащий для науки. Затем остаются классификация и описание вещей, требующих более обширных сведений, книг для справок и музеев под рукою, которыми не всегда может обладать курганограф. Этот кабинетный труд может передать он специальному археологу» (ЦГА РУз, л. 21, 21 об, 22).

На основании предписания М.Г. Черняева от 30 сентября 1883 г. для проведения археологических работ было выделено 1000 руб. (ЦГА РУз, л. 76). В начале октября была создана комиссия по производству раскопок на Афрасиабе, в которую, кроме В.В. Крестовского, вошли коллежский секретарь Брунс, коллежский регистратор Корнилов, подпоручик Султан Бабагалиев в качестве переводчика, инженер-ирригатор Жижемский и полковник Черневский (ЦГА РУз, л. 25; Крестовский, 1884). К счету на получение денег на имя нарядчика рабочих Файзуло Тукуруллина прилагался список необходимых предметов для раскопок: носилки, ступы, щетки, колья, кирки, веники, доски для колодца, кислота, лопаты, маты, веревка, большая миска и

кувшин для воды, стоимость услуг извозчиков – всего на сумму 27 руб. 36 копеек. Рабочих брали в количестве от 20 до 22 человек с оплатой по 30 копеек в день (ЦГА РУз, л. 82 – 85).

8 октября В.В. Крестовский приступил к рекогносцировочным работам на Афрасиабе совместно с З.Э. Жижемским, прокладывавшего в 1871 г. в этом районе трассу. Затем он избрал место будущих раскопок – на возвышенности, к востоку от тракта Самарканд – Ташкент, в 150 саженях от мечети Хазрет-Хызр. Согласно отчета В.В. Крестовского, с 10 по 24 октября членами экспедиции в южной части городища производились топографические и археологические работы, и был заложен стратиграфический разрез размером 42х2,5 м с углублением до 8 м (ЦГА РУз, л. 41). Все культурные слои на раскопе В.В. Крестовским были зафиксированы. Фиксацию находок и слоев он вел через каждый аршин (71 см), благодаря чему ему удалось выделить несколько разновременных культурных слоев. Он оставил подробные описания проведенных работ в своем дневнике, к сожалению, только часть, которого была опубликована. В. Крестовским было «собрано 564 предмета, составлен альбом из 40 снимков, один экземпляр которого он хотел отослать в Археологическую комиссию в Петербург, второй – в Московское археологическое общество» (Шишкин, 1969, с. 22). В. Крестовский также собрал довольно значительную коллекцию для Ташкентского музея. Так, в ноябре 1883 г. в музей была отправлена коллекция древностей, состоящая из артефактов, собранных в окрестностях Самарканда или приобретенных у местных жителей и хранящихся в канцелярии Зеравшанского округа. В коллекции имелось 12 золотых монет, 181 серебряных, 482 медных, 87 предметов разного рода украшений, среди которых находились изделия из золота (перстни) и драгоценных металлов (печати), а также образцы кирпичей, ирригационные трубы и изразцы, различные керамические и металлические предметы (ЦГА РУз, л. 54-56 с об). Два года спустя раскопки на том же городище производил известный востоковед, член Императорской археологической комиссии проф. Н.И. Веселовский. Однако ведению этих работ предшествовала все это время переписка между Ташкентом и Петербургом по поводу приглашения специалиста для научно-археологических исследований края.

Археологические изыскания В.В. Крестовского, который сам не считал себя достаточно компетентным для классифика-

ции древностей, им найденные и собранные в разное время, подтвердили важность в научно-археологическом значении Туркестанского края и стали толчком для направления из С.-Петербурга в Ташкент профессора историка-востоковеда Н.И. Веселовского. Так, 2 февраля 1883 г. на имя Туркестанского генерал-губернатора А.К. Абрамова поступает письмо помощника председателя Археологического общества С.-Петербурга, в котором сообщалось о том, что «Общество может указать на профессора С.-Петербургского университета и на сотрудника Общества Н.И. Веселовского, как на лицо, которому может быть поручено руководство научными археологическими исследованиями в Туркестанском крае» (ЦГА РУз, л. 9).

Практически через год на имя Туркестанского генерал-губернатора из Петербурга пришло сообщение следующего содержания: «Императорская археологическая комиссия имеет в виду командировать члена Императорского русского археологического общества Н.И. Веселовского для систематического расследования городища Афрасиаб близ Самарканда и вообще для археологического изучения Туркестанского края. Придавая высокое научное значение возлагаемой на г. Веселовского миссии, Императорское русское археологическое общество имеет долг обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбой оказать поддержку г. Веселовскому и этим способствовать благоприятному исходу такого предприятия, которое ознакомит ученый мир с археологическими сокровищами Туркестанского края и будет содействовать развитию востоковедения как в России, так и в Западной Европе» (ЦГА РУз, л. 131, 131 об). 24 ноября 1884 г. Н.И. Веселовскому было послано сообщение от Императорской археологической комиссии, в котором говорилось, что «получив согласие Ваше заняться систематическим расследованием Афрасиабого городища близ Самарканда и ближайших его окрестностей, Археологическая комиссия обратилась к Совету Императорского С.-Петербургского университета с просьбой о ходатайствовании Вам с осени текущего года годовые командировки в Туркестанский край с сохранением за это время как получаемого Вами университетского содержания, так и прочих служебных преимуществ Ваших и занимаемой Вами кафедры. На такую командировку последовало разрешение Министерства народного

просвещения опубликованного в Правительственном вестнике от 30 минувшего августа за № 193.

На производство означенных раскопок, равно как на приобретение древностей, которые Вы признаете полезным купить у частных лиц, Вам ассигнованы авансом три тысячи руб., отправленные на Ваше имя в Ташкент... На путевые же издержки Вы получите в безотчетное распоряжение тысячу четыреста руб., которые будут выданы Вам в Санкт-Петербурге. Основною задачею этой командировки Археологическая комиссия считает исследование собственно Афрасиабово городище, представляя ближайший выбор того или другого пункта этой местности собственному Вашему усмотрению по ознакомлению с нею и по соображению с собранными на месте сведениями о находках, сделанных на этом городище в прежнее время... О назначении Вам топографа для снятия подробного плана городища и нанесения на него как прежних, так и Ваших раскопок, я отнесся к г. Туркестанскому генерал-губернатору, который еще в апреле месяце сего года обещал мне всячески содействовать Вам. В случае надобности предоставляется Вам прибегать к помощи фотографа. Независимо от дневника, который Вы будете вести, прошу Вас сообщать Археологической комиссии краткие сведения о ходе исследований. Так, например, Комиссии очень желательны осмотр Вами и приведение в известность главнейших развалин древних городов долины Зеравшана. Вам разрешается на свое усмотрение произвести в других местах, могущих представить археологический или исторический интерес. Было бы интересно собрать сведения с появившимся в Туркестанских ведомостях известием относительно развалин древнего города Ахсы. Археологической комиссии желательно, чтобы Вы произвели разведки и раскопки и в Ферганской области, а если позволят время и средства, то и посетить Бухару для приведения в известность тамошних древностей. На проезд туда Вам необходимо будет предварительно получить согласие г. Туркестанского генерал-губернатора.

Покорнейше прошу Вас также составить краткую опись Археологическому отделу Ташкентского музея и по возможности ознакомиться с содержанием как кладов, открытых в Туркестанском крае, так и местных археологических коллекций частных лиц. Для соображений Ваших на случай покупки (или обмена на дублиеты) восточных монет, находимых в тех местах, Вам

будут сообщены краткие извлечения из каталога Восточного минц-кабинета Императорского Эрмитажа. Особенно желательно пополнение этого минц кабинета монетами бактрийскими, индо-скифскими, индо-сасанидскими, саманидскими (особенно динарами), газневидскими, караханидскими, хорезмийскими и джагатайскими, равно как приобретение древних разных камней и других произведений восточного искусства. Я вполне уверен, что, будучи хорошо знакомы с положением, в каком находится дело изучения среднеазиатских памятников в археологическом отношении, Вы, конечно, не упустите ни одного случая, которые Вам представятся при этой командировке, для того чтобы ознакомиться с местными древнейшими памятниками, насколько возможно полнее и обстоятельнее.

Председатель комиссии, в должности Гофмейстера Васильчиков» (ЦГА РУз, л. 135 – 138 с. об).

В тот же день Васильчиков посылает в Ташкент уведомление Н.А. Розенбаху: «Приношу Вашему Высокопревосходительству искреннейшую благодарность за изъявленную Вами готовность оказать доценту Веселовскому всевозможное с Вашей стороны содействие к наиболее успешному исполнению Археологической комиссией поручения по расследованию Афрасиабова городища близ Самарканда и другим археологическим изысканиям. В прилагаемой инструкции, имею честь сообщить, что г. Веселовский на днях отправляется в путь и в начале будущего года надеется быть в Ташкенте.

Одно из необходимых г. Веселовскому пособий, о котором я в настоящее время позволяю себе утруждать Ваше Высокопревосходительство, заключается в назначении ему в помощь опытного топографа для составления подробнейшего плана на Афрасиабовом городище и нанесения на него как прежних работ, так и тех раскопок, которые будут произведены в настоящее время.

На случай поездки г. Веселовского по окончании раскопок в Бухару, считаю долгом покорнейше просить Вас снабдить его, если Вы не изволите встретить каких-либо особых препятствий, всеми необходимыми для того документами, могущими облегчить ему эту поездку. Примите, Милостивый Государь, уверения в глубочайшем уважении и преданности. Граф Васильчиков» (ЦГА РУз, л. 134, 134 об).

В С.-Петербург на имя А. Васильчикова из Ташкента было отправлено письмо за подписью генерал-губернатора Н.А. Розенбаха, в котором он извещал о том, что, приняв все зависящее от него по оказанию содействия Веселовскому для успешного окончания возложенного на него поручения по исследованию Туркестанского края в археологическом отношении, он вместе с тем распорядился командировать двух топографов для съемки на план Афрасиабово городище и снятий с них копий.

29 декабря 1884 г. на имя Туркестанского генерал-губернатора пришло уведомление от ректора С.-Петербургского университета И. Андреевского о том, что «экстраординарный профессор Императорского С.-Петербургского университета коллежский советник Веселовский с разрешения г. министра Просвещения командирован с ученою целью в Туркестанский край на один год по 15 ноября будущего 1885 года» (ЦГА РУз, л. 132). Сообщая об этом, ректор просил оказать профессору Веселовскому содействие при исполнении возложенных на него С.-Петербургским университетом и Археологической комиссией поручение.

В Ташкент профессор Н.И. Веселовский прибыл в декабре 1884 г., рассчитывая быть в Самарканде к 9 февраля. Главный начальник края приказал лицам, курирующим ученого из С.-Петербурга, оказать ему всяческое содействие (ЦГА РУз, л. 133). Свои первые археологические раскопки Н.И. Веселовский произвел на городищах недалеко от Ташкента, обнаружив здесь остатки средневековых поселений.

В феврале 1885 г. Н.И. Веселовский совершил поездку в Ферганскую область, где посетил северную гористую часть Чустского уезда. Здесь он осмотрел склоны и вершины гор, усеянные «древними могилами, называемыми вообще курумами (т.е. россыпями камней), в частности же мукханэ (дом Муков) или карахатай-ханэ. Огромное впечатление произвели на Н.И. Веселовского археологические и архитектурные памятники Средней Азии: «Всюду я видел, – писал он, следы великих разрушений, следы древней давно исчезнувшей культуры, следы страшных переворотов, испытанных Средней Азией от великих завоевателей, от алчных кочевников и междоусобий мелочных честолюбцев, тех переворотов, которые расстроили ее некогда

замечательное благосостояние...» (Историография общественных наук в Узбекистане, 1974, с. 128).

В конце марта 1885 г. Н.И. Веселовский приступил к осмотру Афрасиаба, а затем и к раскопкам на нем, которые вел на протяжении свыше четырех месяцев. Он дал общее описание городища, привел некоторые исторические данные, заметив, что описание Истахри «дает повод предполагать, что... тут и находился Самарканд и... не только в X веке, но и много раньше, во времена Александра Великого» (Историография общественных наук в Узбекистане, 1974, с. 129).

«Профессор Веселовский произвел свои археологические изыскания в Самарканде, на местности, известной под названием «Кала-и-Афросиаб», в северной части Ферганской области, в Наманганском и Чустском уездах. Раскопки в развалинах древнего Самарканда времен Александра Македонского и в ферганских кишлаках Ахсы и Ашт дали много весьма важных находок из домусульманского и буддийского периодов. В числе весьма интересных находок, следует упомянуть о хорошей и разнообразной коллекции древней стеклянной посуды (как известно, выделка стеклянных изделий совершенно неизвестна современным жителям Средней Азии); найдены также глиняные изображения людей и животных, глиняные саркофаги с рельефными украшениями и надписями, древние сосуды, монеты и т.п.» (Веселовский, 1881; Отчет археологической комиссии, 1890, с. XI – XXX; Лыкошин, 1896, с. 1 – 58).

По инициативе Н.И. Веселовского был составлен первый в своем роде подробный топографический план развалин средневекового шахристана Самарканда, снятый в 1885 г. сотрудниками военно-топографического отдела Туркестанского военного округа в масштабе 25 сажен в одном (английском) дюйме с соответствующим сечением горизонталей (Массон, 1953, с. 135 – 136).

Работы Н.И. Веселовского на Афрасиабе при серьезных недостатках в методике и технике раскопок знаменовали собою весьма важный, принципиальный по тем временам этап в развитии знаний о памятниках древности Средней Азии. В общих чертах исследователь классифицировал находки на Афрасиабе как свидетельство бытования здесь помимо «классически-мусульманской» еще и древнегреческой и других культур. В полном соответствии с фактическим положением дел он отме-

тил интенсивную жизнь на городище в период Саманидов. Н.И. Веселовский отверг бытовавшее в ту пору мнение, что жизнь на Афрасиабе прекратилась в итоге землетрясения или наводнения, и «допустил другую причину, более вероятную: неприятельский разгром», полагая, что наиболее вероятное время такого разгрома – нашествие монголов (Сообщение о раскопках на городище Афрасиаб, 1887, с. XCII – CIV).

В процессе раскопок на Афрасиабе Н.И. Веселовский обнаружил значительное количество «глиняных черепков с головками людей и животных» и по аналогии с головами медуз на саркофагах из южнорусских курганов сделал правильный вывод, что перед ним глиняные «гробы» домусульманского времени. Н.И. Веселовский отчетливо понимал, что найденные предметы древности, «не имеют полного подобия ни в греческом, ни в персидском искусстве» По его мнению, в оссуарных изображениях можно видеть «греческую основу в позднейшей переработке сасанидской эпохи... В данном случае произошло явление, подобно тому, какое было в Гандхаре (Афганистан с северо-западной Индией), где... классическая форма соединилась с буддийским содержанием» (Сообщение о раскопках на городище Афрасиаб, 1887, с. XCII – CIV).

Большое значение приобретали настойчивые попытки Н.И. Веселовского привлечь внимание Всероссийских археологических съездов к прошлому Средней Азии и ее историческим памятникам. В той мере, в какой вопросы истории Средней Азии фигурировали в работах археологических съездов, наука была всецело обязана Н.И. Веселовскому – «пропагандисту Средней Азии» с трибуны археологических съездов и на страницах их трудов. Как отмечал А.В. Арциховский, города Средней Азии «высокоразвитые уже в глубокой древности... драгоценны для археологии, но раскопки там сложны и трудны. Сначала пришлось ограничиваться археологическими разведками. В Средней Азии их удачно провел Н.И. Веселовский. Рассеянные там холмы, так называемые «тепе», иностранными путешественниками, принимавшиеся за курганы, он определил правильно: это холмы, выросшие из строительных остатков древних жилищ» (Арцеховский, 1954, с. 10).

Однако, до 1886 г. в Туркестанском крае систематические археологические исследования не проводились. Н.П. Остроумов не был профессиональным археологом, однако историче-

ская наука обязана ему фиксацией ряда археологических памятников Узбекистана и Казахстана и письменных источников нового времени в этом направлении. Занятия Остроумова археологией обратили на себя внимание Императорской археологической комиссии, которая с 1886 г. предложила ему «принять на себя сношения» с Комиссией в качестве ее представителя (в Туркестане. Остроумов являлся также действительным членом Русского Археологического общества.

Председатель Комиссии А.А. Бобринский обратился к Туркестанскому генерал-губернатору с запросом не встречается ли с его стороны каких-либо препятствий к тому, чтобы директор Ташкентской мужской гимназии Остроумов вступил с Археологической комиссией в непосредственные официальные отношения в качестве сотрудника и представителя Комиссии, для содействия этому учреждению в поиске и сохранении местных древностей. Генерал-адъютант Н.А. Розенбах изъявил согласие и 14 октября 1886 г. сообщил об этом И.П. Остроумову.

С этого времени начинаются непосредственные научные связи Археологической Комиссии со своим сотрудником в Туркестанском крае. Периодически Комиссия обращалась к Н.П. Остроумову с запросом по тому или другому поводу, поручала ему произвести раскопки в намеченных местах нахождения археологических памятников, снабжая его необходимыми денежными средствами для ведения работ. Николай Петрович провел несколько археологических раскопок: на земле Никифорова близ Ташкента в 1887 г. и недалеко от села Мамаевка Чимкентского уезда в 1893 г. и др. (Историография общественных наук в Узбекистане, 1974, с. 262 – 263).

Продолжая переписку с Императорской Археологической Комиссией, Н.П. Остроумов сообщил 3 сентября 1887 г., что весьма многие из Туркестанских памятников старины под всеокрушающим влиянием времени и расширения в крае площади земледельческой культуры, постепенно разрушаются и пропадают для археологии, а, потому, не медля приступить к раскопкам тех курганов, разрушение которых уже началось. Для осуществления этого замысла Н.П. Остроумов, с одобрения Туркестанского генерал-губернатора, обратился к графу А.А. Бобринскому с просьбой об учреждении в Ташкенте отдела или комитета Археологической Комиссии с возложением на это новое учреждение обязанностей по нахождению и расследова-

нию памятников древностей, в таком изобилии находящихся в разных местах Туркестанского края.

11 декабря 1893 г., в заседании Туркестанского отдела императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоявшемся под председательством президента отдела барона А.Б. Вревского, были сделаны Н.П. Остроумовым и В.В. Бартольдом два интересных сообщения по археологии. Доклад Н.П. Остроумова имел предметом своим настоящее положение археологического дела в Туркестанском крае. В нашем крае, говорил докладчик, находится необъятное количество археологических памятников в виде курганов, особого рода насыпей, по-видимому, стратегического значения, городищ и развалин городов, – памятников, оставшихся от различных исторических эпох, начиная с эпохи, современной Геродоту. Все эти памятники, до занятия Туркестанского края Российской империей, оставались неприкосновенными, потому что местное население и по суеверному страху, и по чувству уважение к праху умерших их не трогали. Только время и стихийные силы природы разрушали понемногу эти остатки старины. Со временем возросли площадь возделываемых земель и строительство жилых построек, что способствовало разрушению и исчезновению археологических памятников и много ценного для науки материала было утрачено бесследно. К этому присоединялось и хищническое истребление тех же памятников, проявляющееся в поисках кладов и драгоценностей. Упомянув затем, что до настоящего времени археологических раскопок в край произведено немного, Н.П. Остроумов сообщил при этом о результатах этих раскопок и показал некоторые из добытых предметов. В заключение докладчик высказал мысль о необходимости принятия со стороны администрации мер к охране остатков старины (Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, 1905, с. 1 – 26).

В 1895 г. в Ташкенте Н.П. Остроумов вместе с В.В. Бартольдом на заседании Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии основывают Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА), который становится крупной научно-краеведческой организацией, просуществовавшей четверть века и оставившей прочный след в начальной истории археологического изучения Средней Азии.

Таким образом, до середины 1880-х гг. в Туркестанском крае систематические археологические исследования не производились. Первые исследователи древностей, начав изучение археологических памятников, не ставили себе на первых порах определенных целей. В крае не было ни лица, ни учреждения, которое имело бы с Археологической Комиссией постоянные и притом официальные отношения и представляло бы из себя местный орган этой Комиссии. Русские ученые стремились приобщить древние памятники Среднеазиатского Двуречья к сокровищнице мировой культуры. Однако они были увлечены среднеазиатскими древностями, как экзотикой. Основное русло научного изучения археологических памятников Средней Азии включало их фиксацию, фотографирование, начало проведения раскопок и их изучение историками и любителями. Все это способствовало созданию в дальнейшем фундаментальной базы для дальнейших, уже профессиональных исследований. Подводя итог, можно резюмировать, что рассмотренный выше период - это первые шаги на пути к профессиональному изучению археологических памятников нашего региона.

Библиография

1. Арцеховский А.В. Основы археологии. М., 1954.
2. Веселовский Н.И. Поездка в местность Сусингян. СПб., 1881.
3. Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки / Сост. Б.В. Лунин. Ташкент, 1974.
4. Крестовский В.В. Самаркандские раскопки 1883 г. // Санкт-петербургские ведомости. 1884. № 32.
5. Лыкошин Н.С. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае, до учреждения Туркестанского Кружка любителей археологии. Ташкент, 1896.
6. Массон М.Е. Ахангеран. Ташкент, 1953.
7. Отчет Археологической комиссии за 1882-1888 гг. СПб., 1890.
8. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Год X. Ташкент, 1905.
9. Ростиславов М. Об археологических изысканиях в Зеравшанском округе // Туркестанские ведомости. 1875. № 27.

10. Сообщение о раскопках в городище Афросиаб близ Самарканда в 1885 г. // ЗРАО. Нов. сер. Т. II. СПб., 1887.

11. Шишкин В.А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.

12. ЦГА РУз.

Э.В. Ртвеладзе

МАРШРУТ СЮАНЬ-ЦЗАНА ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ

«Записки о западных странах» китайского паломника Сюань-цзана, совершившего около 630 г. великое путешествие из Китая в Индию через Среднюю Азию, цель которого было поклонение буддийским святыням этой страны – один из замечательных источников не только о состоянии буддизма в Средней Азии в начале VII в. н.э., но и в большей степени об исторической географии этого региона.

Сюань-цзан прошел через всю Среднюю Азию с северо-востока на юго-запад, начиная от современной границы между Китаем и Киргизией и до великой реки Окс в Бактрии-Тохаристане, посетил многие историко-географические области, города и поселения Средней Азии, оставил о них краткие, но достаточно емкие описания с указанием их размеров и названий, сделал особенный акцент на наличии в том или ином городе буддийских сооружений с указанием числа монахов.

Данные, приводимые Сюань-цзаном, стали доступны исследователям после перевода его записок на европейские языки (Александрова, 2008, с. 3 – 12). К этим переводам были составлены исторические комментарии, в которых авторы переводов С. Жюльен (Julien, 1857), С. Бил (Beal, 1884 – 1886), Т. Уоттерс (Watters, 1904 – 1905) попытались определить направление маршрута Сюань-цзана, локализовать упомянутые им области и населенные пункты, в том числе в Семиречье, Согде и в Бактрии-Тохаристане. Эти локализации, а также исследования Э. Шавана (Chavannes, 1903) и Х. Юла (Yule, 1873), с некоторыми поправками до сих пор остаются основной базой, на которую опираются многие ученые в своих исследованиях путешествия Сюань-цзана в Среднюю Азию. Фактически на них же опирается и Н.В. Александрова в своих рассуждениях о ло-

кализации того или иного населенного пункта или области. Но если в пору деятельности вышеуказанных французских и английских комментаторов текста Сюань-цзана археологическое изучение Средней Азии только-только начиналось, то к началу XXI в. был накоплен уже огромный археологический материал. По направлению маршрута Сюань-цзана в Киргизстане, в Южном Казахстане, Узбекистане, Северном Афганистане – открыты и изучены тысячи археологических памятников, на многих из которых проводились раскопки, уточнены границы историко-культурных областей, локализованы населенные пункты, опубликовано множество исследований о раннесредневековой Средней Азии. К сожалению, эта огромная база данных совершенно не использована в книге Н.В. Александровой, что в значительной степени обедняет эту в целом весьма полезную и необходимую для каждого исследователя раннесредневековой Средней Азии книгу.

Это обстоятельство и побудило меня к написанию работы о маршрутах путешествия Сюань-цзана по Средней Азии с тем, чтобы уточнить их направление и локализацию владений, городов и других населенных пунктов, которые он посетил или о которых он писал.

Свое великое путешествие к буддийским святыням Индии Сюань-цзан начал в Гаогане, а затем, пройдя страны Ацини (Карашар), Изюйчжи (Куча), Балуцзя (Гумо), Ледяную гору, прибыл к Большому Чистому Озеру (Иссык-Куль). Далее от города Сушэшуй или Суше Сюань-цзан проследовал по местности Тысячи Родников и прибыл в город Далосы (Талас). Сюань-цзан пишет, что местность Тысячи Родников с юга ограничивают Снежные Горы, а с трех остальных сторон равнина земли (Александрова, 2008, с. 155 – 156).

В город Далосы (Талас) Сюань-цзан шел, вероятнее всего, не только вдоль Киргизского хребта, который, по мнению Н.В. Александровой, соответствует Снежным Горам, но и вдоль Таласского Ала-Тау, так как только часть Киргизского хребта расположена на юге, его же большая часть протянулась в северо-западном направлении, разделяя Таласскую и Чуйскую долины.

От Тысячи Родников до Далосы (Таласа) Сюань-цзан шел 140 – 150 ли, то есть 70 – 75 км (при ли равном 0,5 км). От Киргизского хребта до Тараза (Джамбула) около 180 км. Следовательно, судя по приведенному расстоянию и расположению гор,

местность Тысячи Родников, вероятнее всего, была расположена на востоке Таласской долины.

Прибыв в город Далосы, который без сомнения соответствует средневековому Таразу (Джамбулу) (Байпаков, 2007, с. 38 – 60; Сенигова, 1972), расположенному у границы Казахстана и Киргизии на берегу р. Талас, Сюань-цзан повернул на юг и через 10 ли с лишним (т.е. немногим более 5 км.) прибыл в небольшой город, заселенный китайцами. Вот как он его описывает: «шел на юг 10 ли с лишним – здесь маленький, одиноко стоящий город с населением около 300 дворов [жители] по происхождению китайцы» (Александрова, 2008, с. 157). В отношении его локализации ничего конкретного не предложено, и только В.В. Бартольд локализовал его в Южном Казахстане.

Однако археологические обследования показали, что в 5 км к югу от городища Тараз, расположено небольшое городище Жалпактобе, отождествленное К.М. Байпаковым со средневековым городом Джикилем (Чигилем), который в письменных источниках характеризуется как «маленький город на расстоянии человеческого голоса» от Тараза.

Согласно К.М. Байпакову, городище Жалпактобе представляет собой подпрямоугольный в плане холм размерами в основании 90 – 95 м и высотой 3 – 4 м, со сплошной застройкой помещений. На основании находок тюркешских монет и керамики установлено, что данное городище обживалось в VI – IX вв. н. э. (Байпаков, 1998, с. 90 – 92).

Таким образом, эти данные – расстояние, размеры поселения, время обживания Жалпактобе, в сопоставлении со сведениями Сюань-цзана показывают, что на месте этого городища возможно локализовать безымянный город, населенный китайцами.

От китайского города (Жалпактобе), Сюань-цзан повернул на юго-запад и, пройдя около 200 ли (около 100 км), прибыл в город Байшуй, который, согласно его описанию, занимал в окружности 6 – 7 ли (3 – 3,5 км), т.е. это был сравнительно крупный город. По данным археологических исследований, следующим самым крупным городищем после Далосы (Таласа), является Сайрам, расположенный на юго-западе от него. Б. Байтанаев отождествил Сайрам со средневековым Испиджабом (Белым городом) (Байтанаев, 2008, с. 13 – 14). Весьма

вероятно, что в более раннее время ему соответствовал город Байшуй.

После него Сюань-цзан посетил город Гунь-юй, который был меньше Байшуя, имея 5 – 6 ли в окружности (2,5 – 3 км), и который располагался на расстоянии около 200 ли (около 100 км) от него. Гунь-юй, по-видимому, располагался между Байшуйем (Сайрамом) и Нучицзанем (Нуджикат – Шымкент).

Из города Гунь-юя, пройдя на юг 40 – 50 ли (20 – 25 км), Сюань-цзан прибыл в страну Нучицзань. В своем комментарии Н.В. Александрова приводит мнение Сен-Мартена, еще в середине XIX в. сопоставившего эту страну с Нуджкентом арабских источников. Далее, ссылаясь на описание Сюань-цзана, она пишет, что эта область находилась к востоку от Ташкента, в районе Бостандыка, что якобы не противоречит сведениям арабских авторов, помещавших Нуджкент посередине между Таласом и Ходжентом (Александрова, 2008, с. 276, прим. 272).

Однако подобная локализация невозможна по ряду причин. Во-первых, селение Бостандык находится к северо-востоку от Ташкента в сравнительно узкой в этом месте долине р. Чирчик, в которой никак не могли уместиться сотни городов и селений страны Нучицзань, в каждом из которых имелся свой правитель, как описывал её Сюань-цзан (Александрова, 2008, с. 157). Во-вторых, Сюань-цзан подходил к стране Нучицзань с севера, к западу от неё находилась страна Чжеши, которая давно и основательно отождествлена с Чачем, а район Ташкента и Бостандыка являлись частью территории именно Чача. В-третьих, Чачский Нуджкет находился не в районе Бостандыка, а локализован М.Е. Массоном на месте городища Ханабадтепа, находящемся в 5 км к юго-востоку от Ташкента, у переправы через р. Чирчик (Массон, 1953, с. 41 – 43), что подтверждено последующими археологическими исследованиями на этом городище (Ртвеладзе, Ртвеладзе, 1976, с. 6 – 19).

Границу Чача с севера и северо-запада, то есть с той стороны, с которой шел Сюань-цзан, обозначала длинная так называемая районная стена, простиравшаяся от Сырдарьи до Угамского хребта, вдоль р. Чирчик. Она отделяла Чач от другой историко-культурной области Испиджаб, располагавшейся на территории современной Шымкентской области Казахстана.

Однако, кроме Нуджкета, расположенного на территории Чача, на месте городища Ханабадтепа, был еще один Нуджкет, находившийся на территории области Испиджаб, упоминаемой в арабо-персидских письменных источниках, в частности, ал-Мукаддаси. Согласно его данным, Дех Нуджикет находился к югу от города Испиджаба (Волин, 1960, с. 180 – 182). В настоящее время Нуджикет, бывший центром одноименной округи, Б.А. Байтанаевым надежно локализован на месте городища Шымкент. В своей диссертации Б.А. Байтанаев пришел к выводу, что в эпоху Сюань-цзана главным центром Испиджабского историко-культурного района был город Нуджикет (Байтанаев, 2008, с. 18, 20). Локализация Нуджкета (Нучицзань) на месте Шымкента, как нам представляется, не вызывает сомнения. Она согласуется как с общим направлением маршрута и расстоянием, приведенным Сюань-цзаном, так и с археологическими данными.

Из Нучицзаня (Нуджикет – Шымкент) Сюань-цзан, преодолев расстояние около 200 ли (100 км), пришел в страну Чжеши. В комментарии Н.В. Александровой со ссылкой на Т. Уоттерса написано, что Чжеши обычно отождествляют с Даджем (Ташкент) (Александрова, 2008, с. 276, прим. 273). Однако такого названия – Дадж вовсе не существовало, а Чжеши – это древнее и средневековое название области Чач, тогда как Ташкент – Бинкат – один из городов Чача. Причем на территории Ташкента расположено несколько городищ и поселений времени Сюань-цзана, основным из которых являлось городище Минг-Урюк, рядом исследователей отождествленное с раннесредневековой столицей Чача. Истории и археологии этой области посвящены сотни статей и отдельные монографии, в которых, в частности, с учетом современных археологических данных, дана подробная характеристика исторической топографии этой области в древности и средневековье с локализацией всех упомянутых в арабо-персидских и китайских письменных источниках населенных пунктов (Массон, 1953; Буряков, 1975; Буряков, 1982; Буряков, Касымов, Ростовцев, 1973; Филанович, 1982; Ртвеладзе, 2006). В последнее время издано немало работ по нумизматике раннесредневекового Чача, в которых показано чрезвычайное обилие монетных чеканов в этой области, отражающих самостоятельность различных чачских владений, что совпадает с характеристикой, данной Сюань-цзаном о том,

что в области Чжеши «городов и селений несколько десятков. В каждом – отдельный правитель».

Из Чжеши (Чача) Сюань-цзан, пройдя около 1000 ли на юго-восток, прибыл в страну Фейхань (Фергану). Из Чача в Фергану ведут две основные дороги: одна – на восток по долине Ангрена через перевал Камчик в Кураминском хребте, вторая – на юго-восток по долине Сырдарьи к Ходженту и далее в Фергану. Н.В. Александрова полагает, что Сюань-цзан не был в Фергане, а описал её по опросным данным, на том только основании, что из Ферганы, идя на юг, Сюань-цзан не мог выйти в область Судулисэна, находившуюся, по мнению Н.В. Александровой, к западу от Сырдарьи «в том районе, где река поворачивает от г. Бекабада на север». Так при выпадении Ферганы из маршрута, слова «отсюда шел на юг» приобретают смысл «от Ташкента шел на юг».

Однако это мнение Н.В. Александровой ошибочно. Основная часть области Судулисэна, то есть Уструшаны, с её столицей Бунджикетом, согласно Н.Н. Негматову – автору специальной монографии и множества статей об археологии и истории этой области, находилась к юго-западу и югу от Ферганы, тогда как на указанную Н.В. Александровой локализацию Судулисэна (Уструшаны) приходится лишь самая крайняя северная часть этой области (Негматов, 1957, с. 24 – 29, карта; Грицина, 1992). Согласно Истахри (X в.), границы Уструшаны – с севера Шаш и часть Ферганы (Материалы по истории киргизов и Киргизии, 1973, с. 18).

Таким образом, можно полагать, что Сюань-цзан сам был в Фергане, оставив о ней, как и об Уструшане, достаточно подробное и правдивое описание. Весьма интересно, что Сюань-цзан, характеризуя политическую обстановку в Судулисэне (Уструшане), в отличие от Чача пишет, что в ней один правитель, что подтверждается нумизматическими данными – в Чаче установлено большое разнообразие монетных чеканов (Ртвеладзе, 2006; Babayarov, 2007), тогда как в Уструшане того времени монеты чеканились только от имени верховного правителя области из одной и той же династии (Смирнова, 1971, с. 59 – 65).

Далее маршрут следования Сюань-цзана шел в страну Самоцзань (Согд, Самарканд). Из Судулисэны (Уструшаны) он двинулся на северо-запад, вошел в Большую Песчаную Пусты-

ню, «где дороги теряются, и неведомо, где пределы этой пустыни: только завидев Большую Гору и кости, разбросанные [по пути следования караванов], смог определить направление, руководствуясь этими признаками» (Сюань-цзан).

По территории Уструшаны из Чача в Самарканд вели две основные дороги: южная – через Хавас, Заамин, вдоль Мальгузарского хребта выходила к воротам Темура и далее в Самарканд, северная – от переправы через Сырдарью в район Чиначекта (Чиназа) следовала через всю Голодную Степь к Джизаку, а далее обе дороги сливались. Северная дорога, значительно более сложная, соответствует описанию Сюань-цзана, так как проходила через прежде безлюдную и безводную Голодную Степь. В средневековье вдоль дороги были построены сардоба (водохранилища) (Массон, 1935). Сюань-цзан шел в Самарканд северным путем, ориентируясь на Большую Гору, которой, скорее всего, является Туркестанский хребет, так как только он хорошо различим в ясную погоду, в чем я сам убедился во время своих неоднократных проездов через Голодную Степь по пути в Согд и далее в Бактрию.

Из Судулисэны (Уструшаны) Сюань-цзан, пройдя этой дорогой 500 ли с лишним, прибыл в страну Самоцзань, отождествление которой с Самаркандским Согдом не вызывает сомнения. Он прибыл в эту страну незадолго до воцарения в ней династии согдийских ихшидов, правившей здесь с 642 г. (?) до 750 г. н.э. (?).

Следующей страной, которую описывает Сюань-цзан, была Мимохэ – расположенной вдоль реки. Н.В. Александрова локализует Мимохэ в горах Зеравшанского хребта в районе Ургута, однако, это не совсем так. Страну Мимохэ еще Х. Абель-Ремюза сопоставлял со средневековым Маймургом, неоднократно упоминаемым в арабо-персидских письменных источниках, расположенным в непосредственной близости от Самарканда, к юго-востоку от него (Александрова, 2008, с. 276 – 277, прим. 280). Согласно мнению Б.Я. Ставиского, Мимохэ-Маймург во времена Сюань-цзана представлял собой небольшое владение, протянувшееся от Гисарского хребта до Зеравшана. Оно как-бы отсекало согдийские владения, расположенные в среднем течении Зеравшана от согдийских владений в верховьях реки (Ставиский, 1959, с. 84 – 85). Одно время в состав Маймурга входили Пенджикент и Варагсар, откуда начинались ка-

налы, орошавшие Самаркандскую область (Ставиский, 1959, с. 84 – 85; Смирнова, 1950, с. 66). Столица Маймурга – Ривдат локализована Г.В. Григорьевым на городище Тали-Барзу, расположенном в 8 км к югу от Самарканда (Григорьев, 1940, с. 99 – 100), а Б.Я. Стависким – на городище Кульдортёпа в 15 км на юго-востоке от него (Ставиский, 1959, с. 82).

Следующей страной, описанной Сюань-цзаном, была Цзебудана, в отношении которой сказано, что «она расположена к северу отсюда (от Мимохэ?), занимает в окружности 1400 – 1500 ли, с востока на запад вытянута, с юга на север узкая». Н.В. Александрова полагает, что точка отсчета направления у Сюань-цзана приводится не от Мимохэ (Маймурга), а от Самарканда (Самоцзань). Она не предлагает локализацию Цзебуданы, а ссылается на мнение Сен-Мартена и С. Била, сопоставивших Цзебудану с Кебудом арабских источников, хотя Т. Уоттерс полагал, что Цзебудана находилась в районе Митана (Александрова, 2008, с. 271 – 277). Судя, однако, по местоположению, более правильным будет полагать сопоставление Цзебуданы с Кебудом, (Кебуданджикент). Согласно арабо-персидским источникам, этот рустак, наряду с другими пятью рустакми, находился к северу от Самарканда по большой дороге к Сырдарье, где его, в частности, помещает О.Г. Большаков (Беленицкий, Большаков, Бентович, 1973, с. 183). По его мнению, он находился перед городом Баркетом – главным городом другого северного рустака Бузмаджен. Х. Ахунбабаев, на основе подробных археологических обследований в сопоставлении их с данными письменных источников, локализовал Баркет на месте городища Актепа, расположенного у селения Актепа-Митан, в 28 – 29 км к северу от Самарканда, что совпадает с расстоянием в 4 фарсаха, приведенным в письменных источниках (Ахунбабаев, 1983, с. 155 – 156, карта).

Далее в западном направлении от Цзебуданы до владения Бухэ (Бухара) Сюань-цзан упоминает две страны, находившиеся также в долине Зеравшана – Цзюйшуанницзя в 300 ли с лишним и Хэхань в 200 ли с лишним.

Еще исследователи XIX в. восстанавливали название Цзюйшуанницзя как Кошания – Кушания и помещали в долине Зеравшана к западу от Самарканда. Поскольку Н.В. Александрова считает, что отсчет расстояния к ней велся от Самоцзань (Самарканда), то владение Хэхань, следовательно, находилось

ближе к Самарканду, а не дальше, как это предполагает Н.В. Александрова (Александрова, 2008, с. 277, прим. 283), помещая Хэхань, в соответствие с мнением Т. Уоттерса, на месте г. Кагана. Однако название Каган позднего происхождения, в средневековых арабо-персидских источниках не упоминаемое.

Если следовать данным Сюань-цзана, то Хэхань – это, вероятнее всего, средневековый город и владение – Иштыхан (Согд. ‘štyγ’n), неоднократно упоминаемый в арабо-персидских письменных источниках, как один из главных городов Мианкаля (Смирнова, 1963, с. 31; Смирнова, 1973; Бартольд, 1963). отождествление его с конкретным археологическим памятником было предпринято в начале 60-х гг. прошлого столетия Узбекистанской Искусствоведческой Экспедицией (УзИскЭ) под руководством Г.А. Пугаченковой, в которой автор данной статьи принимал непосредственное участие (Пугаченкова, 1989, с. 151 – 176; Пугаченкова, 1983, с. 259 – 270). В результате широких маршрутных обследований и раскопок Б.А. Тургунов локализовал средневековый Иштыхан на месте городища Арктепа (Тургунов, 1963), а Г.А. Пугаченкова на месте Иштыхантепа, обосновав эту локализацию данными стратиграфии и археологических раскопок (Пугаченкова, 1989, с. 156). Оба эти городища расположены на границе современных Иштыханского и Пайарыкского районов Самаркандской области.

Что же касается Цзюйшуанницзя (Кушании), то все исследователи, занимавшиеся её локализацией, помещали Кушанию к западу от современного города Катта-Кургана на территории Мианкаля, и, соответственно, после Иштыхана и перед Кала-и Дабусией, расположенной неподалеку от ж/с Зияддин. Конкретной локализации Кушании на определенном археологическом памятнике, однако, не предложено, хотя поиск Кушании был одной из основных задач Зеравшанской экспедиции А.Ю. Якубовского (Якубовский, 1940; Бартольд, 1963; Беленицкий, Большаков, Бентович, 1973) и УзИскЭ Г.А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1965, с. 127 – 128).

Далее, Сюань-цзан описывает страны Бухэ (Бухара), Фади (локализация не ясна) и Холисимицзя (Хорезм), в которых, однако он сам не был.

Непосредственно из Самоцзяня (Самарканда) Сюань-цзан отправился на юго-запад и, пройдя 300 ли с лишним, прибыл в страну Цзешуанна (Кеш).

Локализация Цзешуанны на месте древней и раннесредневековой области Кеш (Киш), занимавшей восточную часть современной Кашкадарьинской области, а в определенное время и почти всю её территорию, не вызывает сомнения. Из Самарканда в Киш ведут две основные дороги – одна прямо на юг через перевал Тахта-Карача выходит к г. Китабу, где, согласно М.Е. Массону, находился главный город этой области эпохи античности (Массон, 1977, с. 12 – 17). Вторая – следует на юго-запад через легкодоступный перевал Джам, а затем поворачивает на юго-восток и через к. Бугоджиль выходит опять же к Китабу и Узункыру – главному городу Киша ахеменидской и предахеменидской поры (Шахрисябз – наследие тысячелетий, 2002). Эта дорога была наиболее древним путем, соединявшим Самарканд с Кишем, и именно по ней шел Сюань-цзан, судя по его описанию, а до него греко-македонская армия Александра Великого (Ртвеладзе, 2002, с. 71 – 73).

Из Цзешуанны он отправился на юг в страну Тухоло. Пройдя 200 с лишним ли (более 100 км), он вступил в горы, где «горные дороги труднопроходимы, узкие проходы опасны. Здесь уже нет людей, мало воды и травы. Шли по горам на юго-восток более 300 ли (более 150 км). Подошли к Железным Воротам» (Александрова, 2008, с. 159).

Кеш (восток Кашкадарьи) и Северный Тохаристан (Тухоло) – современная Сурхандарьинская область, разделяющая горные системы так называемого Западного Гиссара, общей шириной от г. Гузара до г. Шерабада немногим более 150 км. Примерно посередине расположено ущелье Бузгалахана (буквально Дом Лани, а не Бухганхон, как у Н.В. Александровой) (Александрова, 2008, с. 278, прим. 289). Из Кеша в страну Тухоло в древности и средневековье вели две основные дороги: одна так называемая Кальтаминорская, другая шла через Гузар и Танги-Хорам (Дехканабад), которые я неоднократно исследовал в археологическом отношении. Обе эти дороги выводили к ущелью Бузгала-хана, которое уже первыми русскими путешественниками отождествлено с Железными Воротами.

Кальтаминорская дорога начиналась в 40 км к югу от Китаба, у кишлака Якабаг, затем шла через ущелье Кам-дарваза прямо на юг, пересекала долины рек Кичи и Катта-Урядарью и через кишлак Карахаваль выходила к старому кишлаку Акрабат (средневековый Кендек). От него дорога поворачивала на вос-

ток и по долине небольшой речки Чак-Чак выводила к ущелью Бузгалахана (Железные Ворота) (Маев, 1879, с. 241 – 249; Rtvelladze, 1990, р. 7 – 9; Ртвеладзе, 2002, с. 109 – 110). Вторая дорога из Кеша шла на юг с некоторым отклонением к западу до Гузара. После Гузара дорога поворачивала на юго-восток, вступала в безводные и безлесные холмы и горы Западного Гиссара и достигала Танги-Хорама (совр. Дехканабад), пересекала Катта-Урядарью и далее выходила также к Акрабату и к ущелью Бузгалахана (Железные Ворота) (Бартольд, 1963, с. 132).

Судя по описанию дороги из Цзешуанны к Железным Воротам, Сюань-цзан, который вначале шел на юго-запад, а затем на юго-восток, где «нет людей, мало воды и травы», воспользовался второй дорогой. Действительно, после Гузара, где КАТЭ исследовало Урду старого города, обживавшуюся в древности и средневековье и контролирующую дорогу в горы, на всем пространстве от Гузара до Дехканабада (Массон, 1977, с. 40 – 47), как и далее до Акрабата, отсутствуют археологические памятники, мало водных источников, а растительность весьма скудная. По этой дороге в XX в. был проложен Большой Узбекский тракт, начало строительства, которого от Самарканда до Термеза относится к 1902 г. (Аршавская, 1995, с. 29 – 30).

Обе эти дороги сходились в Акрабате, а затем основная дорога выходила к ущелью Бузгалахана, которое уже в 1875 г. начальник Гиссарской экспедиции Н.А. Маев предложил отождествить с Железными Воротами (Маев, 1879, с. 146), что было поддержано Н.Н. Мушкетовым и В.В. Бартольдом, а затем это ущелье открыла и описала географ О.И. Пославская.

Впервые с археологической целью Железные Ворота были обследованы автором этой работы в 1969 г. и 1985 г. (Ртвеладзе, Сагдуллаев, 1985; Ртвеладзе, 1986; Ртвеладзе, 2002, с. 111 – 115), и на основании этих исследований было составлено подробное их описание, совпадающее с характеристикой, данной Сюань-цзаном. При этом в 7 км от выхода из ущелья была открыта мощная пограничная стена, перегораживающая долину Шуроб-сая и служившая рубежом между Бактрией и Согдом, Кушанским государством и Кангюем. Дара-и Бузгала-хана («Ущелье Дома Лани») расположено с южной стороны в 3 км к северо-западу от кишлака Шуроб.

Это узкое ущелье протяженностью более 2 км прорезает обширную куэсту Сар-и Маск с севера на юг. По дну ущелья

протекает небольшая речка Гур-и Ходжа сай (река могилы Ходжы), большую часть года безводная. По обеим сторонам ущелья возвышаются отвесные скалы куэсты Сар-и Маск, высотой до 150 – 160 м. Ширина ущелья с севера, у его начала, немногим более 10 м, так что перегородить это пространство оборонительной стеной с воротами, о которых писал Сюань-цзан не представляет особого труда. Здесь у входа в ущелье зафиксированы остатки фундаментов из рваного камня и стены из сырцового кирпича, датировка которых неясна.

Далее к югу ущелье то расширяется, то сужается – у выхода из него с южной стороны ширина ущелья достигает 40 – 50 м. Здесь, в его центре, расположен холм высотой 2 – 3 м, сложенный из каменных глыб, также созданных для укрепления входа в ущелье (Ртвеладзе, 2002, с. 11 – 114; Ртвеладзе, 1986, с. 34 – 39; Ртвеладзе, 1996, с. 135 – 140).

Дорога из ущелья Дара-и Бузгалахана выходит в широкую долину Шуробсая и, следуя вдоль неё, пересекает вышеназванную пограничную стену (Рахманов, 1994, с. 53; Rakhmanov, Rapin, 1999, p. 18 – 20; Ртвеладзе, 2003, с. 13 – 22; Рахманов, Рапен, 2003, с. 22 – 33) и спускается к развилке двух дорог у Шурабсая, где расположен средневековый караван-сарай. Одна из них следует через Байсун (средневековый Басанд) на восток в Чаганиан, а другая поворачивает резко на юг и вдоль долины Шерабаддарьи, мимо раннесредневековой крепости Тавка в местности Нон-Дахана и Кафир-калы (Ртвеладзе, 2002, с. 65; Рахманов, 2001; Ртвеладзе, 1986, с. 39, прим. 14), выводит в долину реки Фочу (Окс-Амударья) и владению Дами (Термез). Этой дорогой от Железных Ворот к Термезу, по-видимому, и воспользовался Сюань-цзан, так как другая дорога на юг к Термезу, которой шел, в частности, в апреле 1222 г. знаменитый китаец, врач и философ Чань-Чунь, шла в обход Железных Ворот на юг через Акрабат, Мадун, рудник соли Хамкан, а затем через Панджаб и Шерабад к Термезу (Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов, 1983).

Описание владения Дами и имеющихся в нем буддийских памятников соответствует городищу Старого Термеза, (в 5 км к северо-западу от современного города), где расположены выдающиеся буддийские памятники – пещерный монастырь Каратепа и наземный монастырь Фаязтепа, а также другие буддийские сооружения. Систематические археологические исследо-

вания этих памятников, начатые в 60-х годах экспедицией под руководством Б.Я. Ставиского (Кара-тепе – буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе, 1964; Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе, 1969; Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе, 1972; Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе, 1975; Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе, 1982.), а затем на Фаязтепа Л.И. Альбаумом (Альбаум, 1976; Альбаум, 1974, 53 – 58), продолжают до сих пор узбекско-японской экспедицией под руководством К. Като и Ш.Р. Пидаева, о чем опубликовано значительное число статей и научных сборников (Пидаев, 2000, с. 193 – 197).

Далее Сюань-цзан приводит описание других раннесредневековых владений Северного Тохаристана, составленное им по опросным данным. Первым из них он называет владение Чи-о-янь-на, отождествление которого со средневековой областью Чаганиан, расположенной в среднем и частично верхнем течении долины Сурхандарьи, не вызывает сомнения. По его описанию, это владение занимало с востока на запад около 400 ли, с юга на север около 500 ли; столица в окружности около 10 ли; монастырей – 5, монахов – совсем мало.

История и археология Чаганиана, благодаря множеству работ УзИскЭ, сейчас достаточно хорошо известны. Установлены границы этой области, локализованы основные средневековые города и селения, что отражено в большом числе публикаций (Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов, 1982; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990; Пугаченкова, 1963). Отметим, что размеры владений Дами и Чи-о-янь-на, приведенные Сюань-цзаном, показывают, что он давал расстояние в ли равном 0,2 или 0,3 км, так как при ли равном 0,5 км размеры этих владений явно не соответствуют действительности.

Нет надобности повторять местоположение других северотохаристанских владений, так как они достаточно хорошо увязаны археологами с соответствующими историко-культурными областями, расположенными на территории современного Таджикистана (История таджикского народа, 1963; Гафуров, 1972; Соловьев, 1997, с. 8 – 40; Литвинский, Соловьев, 1985, с. 119 – 140; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 123 – 127).

Из Северного Тохаристана Сюань-цзан, перейдя реку Фочу (Амударья) переправился в Южный Тохаристан, где, посетив некоторые из его владений, он из страны Хулинь, отождествляемой с Хульмом, прибыл во владение Фохэ, которое сопоставляется с областью Балха – Бактр, древней столицей Бактрии-Тохаристана, в котором находилось большое число буддийских сооружений, в том числе знаменитый монастырь Навасангхарана – Наубихар (Александрова, 2008, с. 161 – 162).

Помимо Балха, Сюань-цзан побывал в ряде городов этой области, в которых также находились буддийские сооружения, которые сейчас, благодаря работам Советско-афганской экспедиции под руководством И.Т. Кругликовой, возможно, сопоставить с определенными археологическими памятниками.

Из столицы страны Фохэ города Балха – Бактр, которую местные жители называли «Малой Раджагрихой», Сюань-цзан отправился на север и, пройдя 50 ли, пришел в город Тивей, в 40 ли от которого находился город Боли. Характеризуя эти города, Сюань-цзан пишет, что в каждом из них имелась ступа высотой 3 чжана. Ниже он также упоминает, что в городе Тивей имеется еще одна ступа высотой 2 чжана, построенная во времена Кашьяпы Будды.

Где же находились эти города? Переводчики сочинения Сюань-цзана на европейские языки, также как Н.В. Александрова и другие ученые, фактически не занимались их локализацией. Так, Н.В. Александрова, вслед за Т. Уоттерсом, полагает, что под этими названиями скрываются имена Трикуши и Бхаллики, положивших начало культу почитания ступы. Она считает, что Сюань-цзан перенес название ступы на город, в котором она находилась – «город [где находится] ступа Трикуши» (Александрова, 2008, с. 163, 280, прим. 321). Однако, опираясь на ориентиры Сюань-цзана и сопоставляя их с современными археологическими данными, полученными при маршрутных и стационарных исследованиях Советско-афганской экспедиции в 70-х гг. XX в., эти города можно локализовать. Ныне данные материалы опубликованы И.Т. Кругликовой и Г.А. Пугаченковой, установившей наличие на ряде городищ буддийских памятников. При этом меня весьма удивляет тот факт, что современные переводчики текста Сюань-цзана не пользуются этими материалами, а в своих локализациях опираются на мнение ученых XIX – начала XX вв., без учета последних данных. При-

ведем эти данные. Так, к северу от Балха (Фохэ), всего лишь в 30 км от него, по дороге из Балха в Термез у кишлака Хайрабад расположено городище Топрак-кала (310х230 м). Согласно Г.А. Пугаченковой, составившей план городища и описавшей его, в западной части пригорода Топрак-калы был обнаружен большой буддийский монастырь и ступа, сохранившаяся частично (Пугаченкова, 1976, с. 149). Ступа возведена на квадратной платформе (7х7 м), на которой возвышался цилиндрический массив, диаметром 5 м, с куполом, сохранившимся в высоту на 2 м.

Учитывая расстояние и направление, приведенное Сюань-цзаном, и эти последние данные, не исключено, что на месте городища Топрак-кала можно локализовать город Тивей.

В 30 км к западу от Топрак-калы и в 40 км к северо-западу от Балха расположено известное городище Дильберджин, на котором в течение нескольких лет проводились археологические раскопки Советско-афганской экспедицией. Здесь были найдены остатки буддийского святилища со ступой и определенное число буддийской скульптуры (Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 61 – 91). Судя по расстоянию и направлению маршрута Сюань-цзана, возможно локализовать на месте городища Дильберджин, упомянутый им город Боли.

Обращает на себя внимание, что селение, расположенное неподалеку от Дильберджина, носит название Дали-Чор-Булак, а древнее поселение на его окраине – Талитепа. В названиях Дали, Тали и города Боли имеется определенное звуковое сходство, что, наряду с местонахождением и расстоянием, а также наличием буддийских сооружений, может быть весомым аргументом в пользу локализации города Боли на месте городища Дильберджин. Буддийские сооружения на этом городище датируются кушанским временем (I – III вв. н.э.), а ступа в городе Боли, согласно Сюань-цзану, построена во времена Будды Кашьяпы, чем он подчеркивает весьма отдаленную от него древность существования этой ступы, восходящей, если эти сведения точны, ко второй половине I тыс. до н.э. (Кругликова, 2005, с. 310 – 437).

После пребывания в городах Тивей и Боли, Сюань-цзан вернулся в Балх, а отсюда отправился на юго-запад и вступил в пределы Снежных Гор, в страну Жуймито (Александрова, 2008, с. 163). Согласно его описанию, эта страна занимала неболь-

шую территорию с востока на запад 50 – 60 ли (10 – 12 или 25 – 30 км при ли равном 0,2 км или 0,5 км) и 100 ли с севера на юг (20 или 50 км).

Важнейшие ориентиры для локализации этой страны – направление от Балха (юго-запад) и Снежные Горы. Поскольку маршруты Сюань-цзана проходили в пределах Тохаристана, то страна Жуймито должна была находиться к югу от Меймене в верховьях Ширин-Тагао или Сефид Руда, в пределах горного хребта Банд-и – Туркестан. Самые высокие вершины гор здесь достигают 2000 – 3000 м над уровнем моря, где снежный покров исчезает лишь летом.

Э. Шаванн отождествил эту страну с селением Joumathan, находящимся к востоку от Джаузджана (Chavannes, 1903, p. 278; Александрова, 2008, прим. 331), но это никак не возможно по географическим особенностям, поскольку к востоку от Джаузджана расположены степи и пески, а не горы.

Далее указывается, что из Жуймито, следуя на юго-запад, он прибыл в страну Хушицзань, то есть маршрут Сюань-цзана из Балха все время следовал на юго-запад: на юго-западе от Балха находилась страна Жуймито, опять же на юго-западе от Жуймито располагалась страна Хушицзань.

Сюань-цзан описывает её как достаточно большую страну, достигающую с востока на запад 500 ли (100/250 км), с севера на юг 1000 ли (200/500 км), со столицей, имеющей в окружности 10 ли (2/5 км). Указывается, что в горах этой страны много долин. Э. Шаванн, как и многие другие исследователи, локализовали эту страну в Гузгане (Chavannes, 1903, p. 278). Средневековый Гузган – провинция Джузджан расположен на северо-западе Афганистана, в основном в низовьях Аб-и Кайсара, Ширин Тагао и Балхаба, в районе современных городов Андхой и Шиберган и частично в горах. Согласно же Сюань-цзану, страна Хушицзань охватывала горы со многими долинами. По этой причине отождествление этой страны со всей Гузганой сомнительно.

Возможно, однако, локализовать область Хушицзань в Гурзиване – горной области в верховьях Аб-и Меймене, расположенной к юго-западу от Балха и в IX в. входившей в область Гузган и где, в частности, было местопребывание местного правителя (Бартольд, 1971, с. 60).

После страны Хушицзань, Сюань-цзан повернул на северо-запад и прибыл в страну Далацзань, простирающуюся с востока на запад на 500 ли, с юга на север на 300 ли. Особо указывается, что на западе эта страна граничит с Поласы (Александрова, 2008, с. 163), то есть с Сасанидским Ираном. Э. Шаванн отождествил Далацзань с Талуканом в Восточном Тохаристане, а А.Г. Малявкин с Тальканом в Хорасане. На неточность этой локализации указала Н.В. Александрова, но сама она отождествила Далацзань с каким-то Даладжаном, якобы находящимся к западу от Бактрии(?) (Александрова, 2008, с. 281, прим. 333). Что имеет ввиду под Даладжаном Н.В. Александрова непонятно, так как город или область в средневековых письменных источниках с подобным названием отсутствует.

Судя по направлению следования Сюань-цзана, он прибыл в область верховьев Мургаба, которая в средневековье носила название Гарчистан, в которой вплоть до X в. сохранялось правление местных владетелей, носивших титул шаров. Одним из городов этой области был Тилькан (Бартольд, 1971, с. 61 – 64). Отметим, что дорога из Балха в Маргиану шла через Шабурган, Меймане и Гарчистан, а в месте выхода Мургаба из гор поворачивала на северо-запад к оазису Пенджде, и затем шла на север в Мерв. Вероятно, в месте стыка оазиса Пенджде и Гарчистана находилось владение Далацзань.

Из Далацзаня Сюань-цзан вернулся в Балх, а затем через Цзечжи, пройдя 600 ли из столицы Тухоло, прибыл в страну Фаньяньна (Бамиан) (Александрова, 2008, с. 164), на чем и завершился маршрут Сюань-цзана по Средней Азии.

Библиография

1. Александрова Н.В. Путь и текст. Китайские паломники в Индии. М., 2008.
2. Альбаум Л.И. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (по материалам 1968 – 1972 гг.) // Древняя Бактрия. Л., 1974.
3. Альбаум Л.И. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г. // Бактрийские древности. Л., 1976.
4. Аршавская З.А. К истории строительства Самарканд-Термезского тракта // Архитектура и строительство Узбекистана. 1995. № 2.

5. Аршавская З.А., Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1983.
6. Ахунбабаев Х.Г. Археологическое изучение Булунгурского района в 1979 – 1980 гг. // ИМКУ. 1983. Вып. 18.
7. Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алма-Ата, 1998.
8. Байпаков К.М. Великий шелковый путь на территории Казахстана. Алма-Ата, 2007.
9. Байтанаев Б.А. Древний и средневековый Испиджаб // АДД. Алма-Ата, 2008.
10. Беленицкий А.М., Большаков О.Г., Бентович И.Б. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
11. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского завоевания. Соч. Т. I. М., 1963.
12. Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана. Соч. Т. VII. М., 1971.
13. Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.
14. Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972.
15. Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982.
16. Буряков Ю.Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975.
17. Буряков Ю.Ф., Касымов М.М., Ростовцев О.М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1973.
18. Волин С. Сведения арабских, персидских и тюркских источников IX – XVI вв. о долине р. Талас и смежных районов // ТИИАЭ АН КазССР. Т. VIII. Алма-Ата, 1960.
19. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
20. Григорьев Г.В. Городище Тали-Барзу // ТОВЭ. Т. II. Л., 1940.
21. Грицина А.А. Археологические памятники Сырдарьинской области. Ташкент, 1992.
22. История таджикского народа. Т. II. М., 1963.
23. Кара-тепе – буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964.
24. Кругликова И.Т. Разведка археологических памятников, проводившаяся сотрудниками Советско-Афганской Археологической экспедиции. М., 1964.

логической Экспедицией (САЭ) на севере и северо-западе Афганистана в 1969 – 1976 гг. // ПИФК. 2005. Вып. 15.

25. Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А. Дильберджин. Часть 2. М., 1977.

26. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.

27. Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 5. СПб., 1879.

28. Массон М.Е. Проблема изучения цистерн сардоба // Материалы Узкомстариса. Вып. 8. Ташкент, 1935.

29. Массон М.Е. Ахангаран. Историко-топографический очерк. Ташкент, 1953.

30. Массон М.Е. Работы Кешской Археолого-Топографической Экспедиции ТашГУ (КАТЭ) по изучению восточной половины Кашкадарьинской области УзССР // Археология Средней Азии. Труды ТашГУ. № 533. Ташкент, 1977.

31. Массон М.Е. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.

32. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.

33. Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957.

34. Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975.

35. Пидаев Ш.Р., Като К. Новое в изучении буддийского центра Кара-тепе в Старом Термезе // Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000.

36. Пугаченкова Г.А. К исторической географии Чаганиана // Труды ТашГУ. Вып. 200. Археология Средней Азии. Ташкент, 1963.

37. Пугаченкова Г.А. К иконографии «Герая» // ВДИ. 1965. № 1.

38. Пугаченкова Г.А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // Древняя Бактрия. М., 1976.

39. Пугаченкова Г.А. Иштыханские древности // СА. 1983. № 1.

40. Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.

41. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990.

42. Ртвеладзе Э.В. Из недавних открытий Узбекистанской искусствоведческой экспедиции // ВДИ. 1990. № 4.
43. Рахманов Ш. Новые данные о стене на Железных Воротах // ОНУ. 1994. № 12.
44. Рахманов Ш. Тавка. Ташкент, 2001.
45. Рахманов Ш., Рапэн К. Железные Ворота // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 1. Ташкент, 2003.
46. Ртвеладзе Э.В. Стена Дарбанда Бактрийского // ОНУ. 1986. № 12.
47. Ртвеладзе Э.В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002.
48. Ртвеладзе Э.В. Дар-и Аханин – Дарбанд // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 1. Ташкент, 2003.
49. Ртвеладзе Э.В. История и нумизматика Чача. Ташкент, 2006.
50. Ртвеладзе Э.В., Ртвеладзе Л.Л. Городище Ханабад // Древности Ташкента. 1976.
51. Ртвеладзе Э.В., Сагдуллаев А.С. В стране золотого огня. Ташкент, 1985.
52. Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
53. Смирнова О.И. Археологические разведки в бассейне Зеравшана в 1947 г. // МИА. 1950. № 15.
54. Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.
55. Смирнова О.И. Первые монеты из Уструшаны // ЭВ. XX. Л., 1971.
56. Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1973.
57. Соловьев В.Н. Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец, 1997.
58. Ставиский Б.Я. Исторические сведения о верхней части Зеравшанской долины (до арабского завоевания) // ИМКУ. 1959. Вып.1.
59. Тургунов Б.А. О местонахождении Иштыхана // ОНУ. 1963. № 11.
60. Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие городской культуры. Ташкент, 1982.
61. Шахриябз – наследие тысячелетий / Под ред. Э.В. Ртвеладзе и А.С. Сагдуллаева. Ташкент, 2002.
62. Якубовский А.Ю. Археологическая экспедиция в Зеравшанскую долину в 1934 году // ТОВЭ. Т. II. Л., 1940

63. Babayarov G. The cataloguc of the coins of the Turkic Kaganate. Ankara, 2007.
64. Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) Occidentaux. St Petersburg, 1903.
65. Hiouen-thsang. Memoires sur les contrées occidenttales, traduit du sanskrit en chinoise, en l'an 648 par Hiouen-thsang et du chinoise en francais Paris. Julien. Vol. I – II. Paris, 1857.
66. Rakhmanov Sh., Rapin Cl. Les «Portes de Fer», pres de Derbend // DA. 1999. № 243.
67. Rtveladze E.V. On the Historical Geography of Bactria-Tokharistan // SRAA. 1990. I.
68. Si-yu-Ki. Buddhist Records of the Western Wold. Transl. by S. Beal. Vol. I – II. L., 1884 – 1886.
69. Watters T. On Yuan Chwang's Travels in India (629-645 A.D.). Vol. I – II. L., 1904 – 1905 (Oriental Translation Fund. New Series. Vol. XIV – XV).
70. Yule H. Notes on Hwen Thsans. Account of the Principalities of Tokharistan // JRAS. 1873. VI.

В.С. Соловьёв

ФРАГМЕНТ САБЛИ ИЗ ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА

Фрагмент сабли был найден в 1984 г. в 12 км северо-восточнее райцентра Таджикабад в Южном Таджикистане при сооружении ирригационного канала⁸. Вероятно, сабля являлась частью погребального инвентаря древнего захоронения, разрушенного в ходе этих работ. Общая длина фрагмента – 33,5 см. Длина сохранившейся части лезвия равна 22 см, ширина у перекрестия – 4,8 см, ниже, в месте облома, – 4 см. В середине лезвия с двух сторон сделаны продольные бороздки шириной 3 мм. Ширина спинки лезвия равна 2,5 мм. Длина рукояти – 11,5 см, ширина – 1,3 – 2,8 см; она изогнута в сторону лезвия. Деревянные накладки крепились к рукояти двумя заклёпками, диаметр сделанных для этого отверстий равен 2,5 мм. Длина перекрестия 12,5 см, оно имеет бабочковидную форму.

⁸ Фрагмент сабли был передан его находчиком И. Шарифовым в Республиканский краеведческий музей им. К. Бехзода.

Сохранилась также верхняя серебряная с позолотой обойма для крепления сабли к портуpee. Нижняя часть перекрестия входила в обойму с помощью выреза в ней, сделанного в виде «галочки». Обойма состоит из двух поперечных и одной продольной пластин, соединённых между собой двумя серебряными заклёпками, шляпки которых оформлены в виде четырёхлепестковых цветков. В центре продольной пластины – высокорельефная фигурка лежащего льва, изготовленная отдельно и припаянная к ней. По обе стороны от неё – четыре стилизованные фигурки лежащих львов с кисточками на концах хвостов, обращённых вправо. Их изображения оттиснуты на пластине штампом.

Верхняя поперечная пластина согнута пополам, она охватывает лезвие сабли, длина её лицевой части – 4,8 см, ширина – 3,3 см. На ней штампом оттиснуты два рельефных изображения человеческой головы, увенчанной короной с тремя овальными зубцами. Лицо персонажа дано в фас, чеканом на его щеки нанесены по три точки и зрачки глаз, по одной точке на подбородке. Верхний и нижний края пластины украшены двумя параллельными рядами прочеканенных с внутренней стороны полусфер. Длина нижней пластины – 4,3 см, ширина – 2,2 см. Тем же штампом на ней оттиснуты две человеческие головы, обращённые влево. В отличие от изображений на верхней пластине, на лице персонажа точки не прочеканены. Продольные края пластин оконтурены двумя параллельными рядами полусфер (рис. 1 – 2; фото 1).

Фрагмент сабли – редкая находка для Тохаристана. Ранее, при раскопках вахшской Кафиркалы, в слое первой половины VIII в., было найдено перекрестие, принадлежащее, видимо, сабле (Соловьёв, 1997. Рис. 8 (15)). Представляется, что фрагмент сабли из Таджикибада датируется IX в. – отчасти об этом свидетельствует манера изображения львов на серебряных пластинах. В это время сабля широко распространилась на огромном пространстве от Южной Сибири до Казахстана (Худяков, 1987. С. 192 – 195; Плотников, 1981. С. 162 – 167; Иванов, 1987. С. 172 – 189). В Тохаристане сабля пришла на смену мечу, образец одного из них найден в кургане 28 могильника Ляхш II. Общая длина меча – 85 см, ширина лезвия – 4,8 см. Он массивный и тяжёлый (Древности Таджикистана. С. 161, № 430).

Время распространения сабли у степняков совпало с временем её распространения в Тохаристане. На связь со степью указывает форма головного убора персонажа, изображённого на серебряных пластинах. Он очень похож на головной убор коленопреклонённой женщины, чьё изображение вырезано на каменном валуне из могильника Кудыргэ на Алтае (Гаврилова, 1965. Табл. VI).

Библиография

1. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М. - Л., 1965.
2. Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII – XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987.
3. Плотников Ю.А. Рубящее оружие прииртышских кимаков // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
4. Соловьёв В.С. Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец, 1997.
5. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

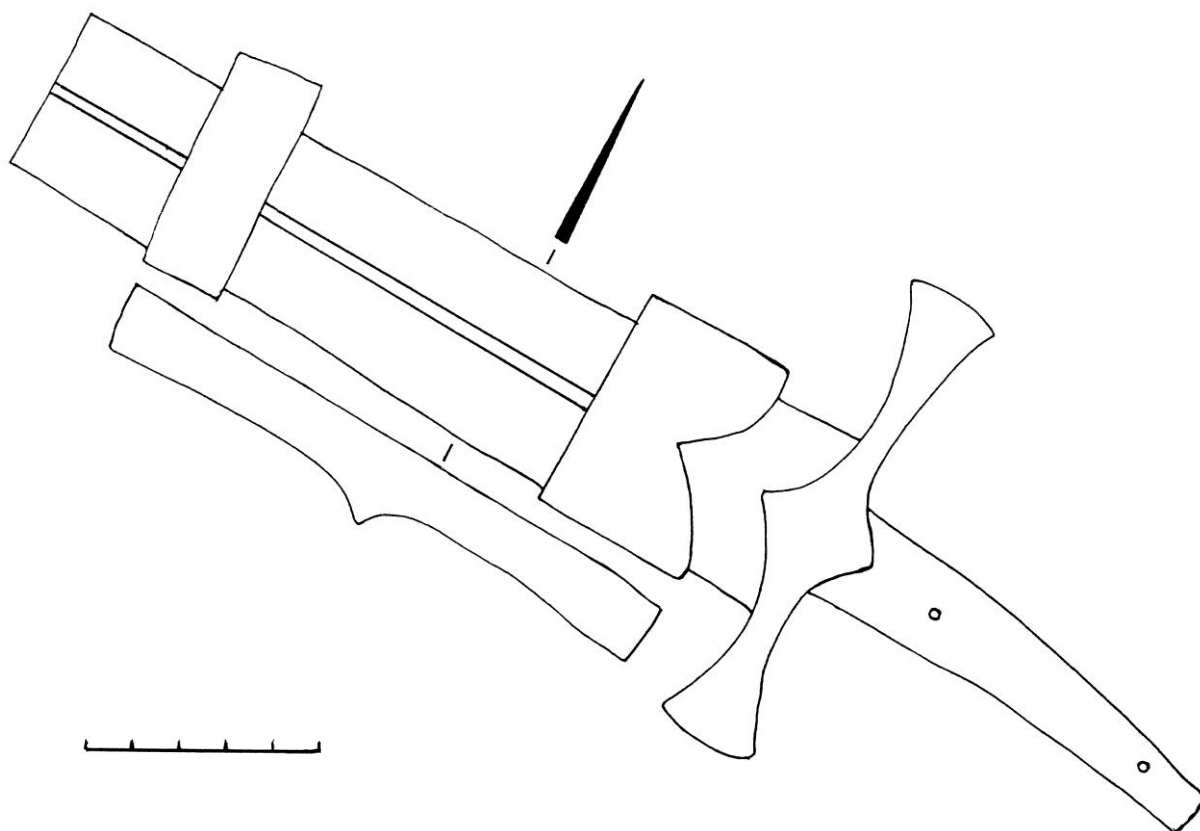

Рис. 1. Южный Таджикистан. Фрагмент сабли

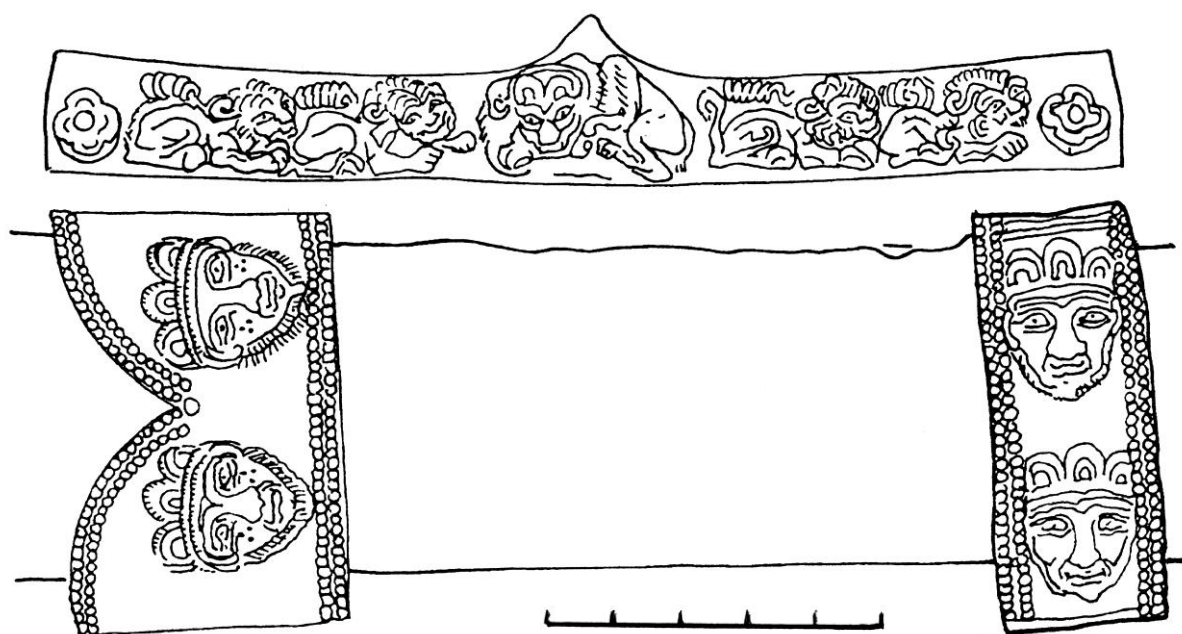

Рис. 2. Южный Таджикистан. Верхняя серебряная обойма для крепления сабли к портуpee

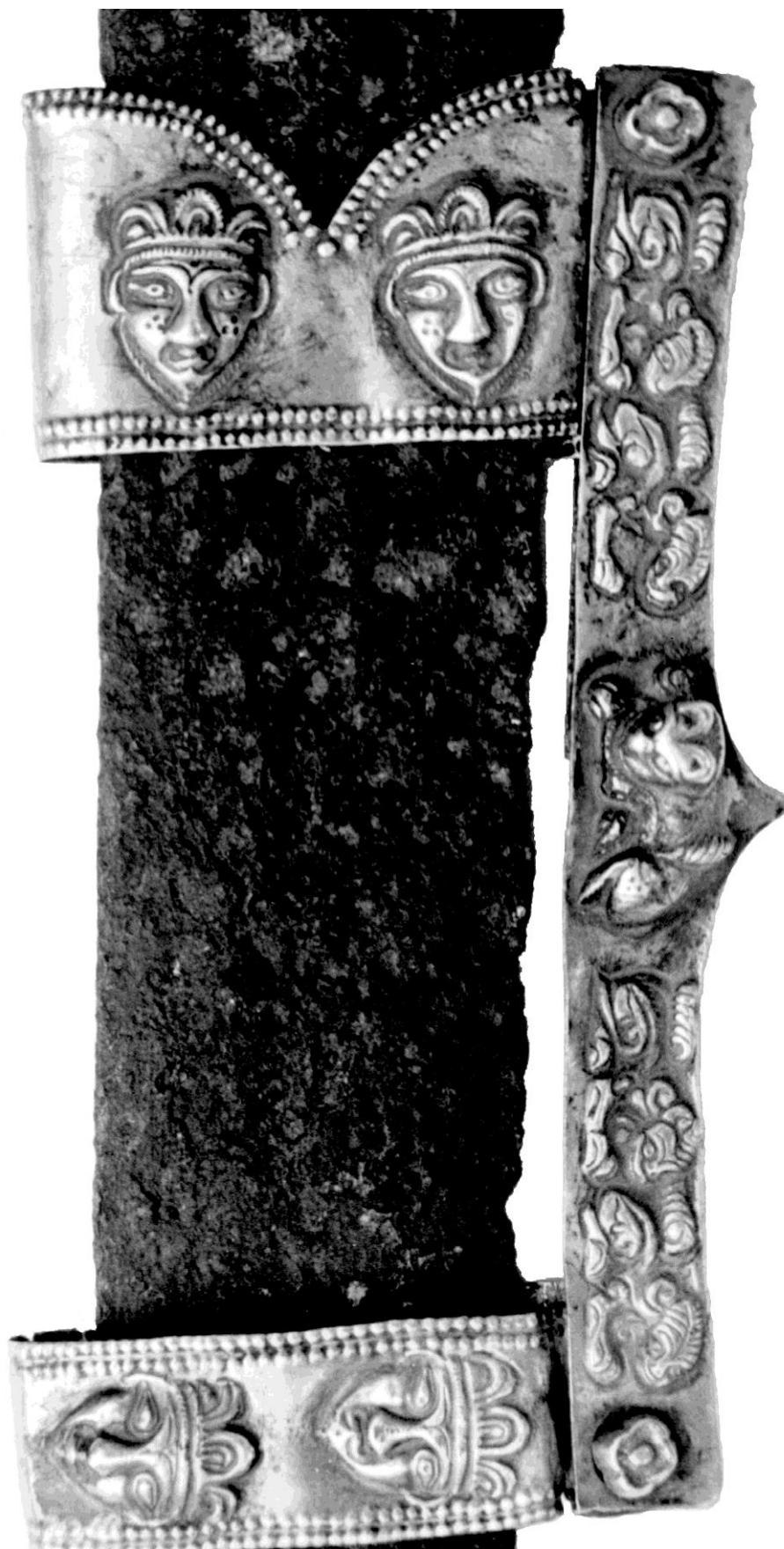

Фото 1. Южный Таджикистан. Верхняя серебряная обойма для крепления сабли к портупее

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ БАКТРИИ⁹

Характерной особенностью эллинистических комплексов керамики Бактрии является наличие в них сосудов баночной формы с подкосом в придонной части (рис. 1, 1) (Дьяконов, 1953, с. 280; Зеймаль, 1971, с. 84 – 93; Абдуллаев, 1976, с. 119 – 120). В этот период времени они были распространены и в других регионах Средней Азии (Сайко, 1982, с. 102 – 106; Лушпенко, 2000, с. 81 – 83; Пилипко, 2000, с. 95 – 98).

Прототипы этих сосудов были найдены на поселениях бронзового века и имели раздутое тулово и плоское дно (Аскаров, 1973, с. 77; Аскаров, Абдуллаев, 1983, с. 17).

Археологические комплексы Бактрии конца VII – IV вв. до н.э. демонстрируют дальнейшее развитие сосудов цилиндрикоконической формы. На Пшактепа подавляющее большинство подобных сосудов имеет широкий неровный манжетовидный венчик со следами рифления и глубоким желобком ниже манжеты. Встречаются также формы со слегка отогнутым наружу плоским венчиком. Диаметр устья варьируется от 17 до 46 см. У большинства экземпляров стенки слегка изогнуты до ребра и имеют плоское дно. Вся керамика изготовлена на гончарном круге быстрого вращения, имеет равномерный обжиг и датируется А.А. Аскаровым концом VII – VI вв. до н. э. (Аскаров, 1982, с. 39).

Значительное место среди памятников Бактрии доэллинистической эпохи принадлежит поселениям Кучуктепа и Кызылтепа, которые наиболее полно изучены в стратиграфическом отношении. Значительный интерес представляет материал периода Кучук IV, относящийся к концу VI – V вв. до н.э. К данному времени исчезает лепная посуда, за исключением кухонной. Керамика лишена всяких украшений и представлена, главным образом, различными формами цилиндрикоконического профиля (рис. 1, 4). Её большую часть составляют кубкообразные сосуды с тонкими стенками и заостренным краем венчика. Крупные банкообразные сосуды с округлым или плоским дном состав-

⁹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект № 10-01-18044е

ляют другую группу керамики цилиндроконического профиля. По оформлению венчика они подразделяются на несколько вариантов: с овально-отогнутым краем, клювовидным, манжетовидным. Среди гончарной керамики нередко встречаются и другие типы сосудов (рис. 1, 2-3), как вазообразные тарелочки с широко открытым резервуаром и на низком кольцевом поддоне, крупные миски, а также чаши подбиконической формы (Аскаров, Альбаум, 1979, с. 40).

Для второго строительного этапа Кызылтапа также характерно уменьшение количества лепной керамики до 15%. В данном комплексе ведущую роль начинают играть сосуды высотой до 24 см, с цилиндроконическим туловом, приостренным краем венчика и приплюснутым коническим дном. Они имели сравнительно тонкие стенки, которые были слегка вогнутыми до ребра или имели почти вертикальный профиль (Сагдуллаев, Хакимов, 1976, с. 27).

На Талашкантепа, основной период обживания которого, Ш.Х. Заппаров и Э.В. Ртвеладзе предварительно отнесли к V – IV вв. до н. э. основную массу находок составляет керамика цилиндроконических форм (рис. 1, 5 – 9). Снаружи до перегиба практически все сосуды покрыты светло-желтым ангобом, а в придонной части как снаружи, так и изнутри имеют красноватый цвет. По функциональному назначению посуда была разделена на тарную и столовую. К тарной посуде относятся хумы и хумчи со следующими размерами: диаметр 29 – 42 см, диаметр венчика 26 – 40 см, диаметр дна 7 – 14 см. Цилиндроконические сосуды столовой группы отличаются прямым венчиком, более вогнутыми стенками верхней части, резким перегибом к придонной части. Их основные размеры соответственно несколько меньше: высота 12 – 21 см, диаметр венчика 12 – 15 см, диаметр дна 5,5 – 6,5 см (Заппаров, Ртвеладзе, 1976, с. 20 – 22).

Достаточно интересными выглядят результаты археологических исследований древнебактрийской усадьбы Кызылча 6, расположенной в Миршадинском оазисе и находящейся вблизи города раннежелезного века – Кызылтапа. Здесь, в частности, были получены керамические комплексы верхнего и нижнего слоя, которые достаточно существенно отличаются друг от друга. В верхнем слое наряду с цилиндроконическими сосудами, характерными для VI – IV вв. до н.э. обнаружена керамика совершенно иного типа (рис. 1, 10 – 15). В большинстве своем она

изготовлена на гончарном круге, покрыта светло-желтым или сероватым ангобом. В её составе встречаются котлы, некоторые формы столовой посуды, а также фрагменты венчиков хумов и хумча различной конфигурации – клювовидный, закругленно-утолщенный или сильно отогнутый наружу. А.С. Сагдуллаев считает, что «керамический комплекс верхнего слоя усадьбы дает переходные формы от цилиндроконической («ахеменидской») керамике к сосудам раннеантичных типов» (Сагдуллаев, 1980, с. 234).

В Байсунском районе Бактрии трудами одноименной археологической экспедиции в последнее время открыта целая серия памятников ахеменидской эпохи. Для генезиса цилиндроконической формы особенно важны материалы, полученные в ходе исследований на территории Бектепа и Кандыктепа. Керамический материал с полов вышеуказанных памятников обнаруживает сходство с посудой позднеахеменидского периода. Однако здесь присутствуют формы не характерные для VI – первой половины IV вв. до н.э. (рис. 2, 1). Речь, прежде всего, идет о наличии в комплексе Бектепа горшков с рельефным валиком в нижней части горловины (Сверчков, Бороффка, 2007, с. 126).

Для изучения дальнейшей эволюции бактрийской керамики цилиндроконической формы обратимся, прежде всего, к материалам, полученным в Вахшской долине. Здесь было обнаружено и изучалось древнеземледельческое поселение Болдайтепа. Т.И. Зеймаль выделила в его истории два основных строительных периода (НБ I – II). Период «Нижний Болдай-I» был датирован на основе сопоставления керамики и бронзовых наконечников стрел IV – III вв. до н.э. (Зеймаль, 1971, с. 98). В керамическом комплексе присутствуют как крупные цилиндроконические сосуды (диаметр устья 42 – 58 см), так и более мелкие (диаметр устья 24 – 35 см). Встречаются также кубки с большим числом вариантов: кубки повторяющие форму малых тарных сосудов, с резким перегибом между цилиндрической и коническими частями, с почти вертикальными стенками и большой приземистостью тулова, а также цилиндрические плоскодонные кубки. Среди других форм были отмечены плоскодонные котлы с шаровидным туловом, сковороды-жаровни с невысоким бортиком, у тагора стенки прямые или чуть изогнутые, а край утолщен бортиком, приостренным вверху, средние

миски с вертикальными краями. По мнению Т.И. Зеймаль, «наибольшее (хотя и не полное) сходство обнаруживается с керамикой комплекса Яз-III. Керамика НБ-I, вместе с тем, отличается от Яз-III, настолько можно судить по опубликованным материалам, большим числом разновидностей по каждой форме, что не позволяет принять для периода НБ-I дату Яз-III – 450 – 350 гг. до н. э. без некоторого его омоложения» (Зеймаль, 1971, с. 98).

Цилиндроконические сосуды представлены также и в керамике раннего периода городища Тамошотепа (рис. 2, 2). К таковым относятся толстостенные хумы с сильно выступающим ребром и различным в сечении венчиком (в том числе и с манжетовидным). Кроме того, встречается достаточное количество вариантов, чаш, тарелок, кубков. Среди наиболее значимых особенностей керамического комплекса раннего этапа Тамошотепа следует отметить появление кувшинов, которые изготавливались не только на гончарном круге, но и ручной формовкой (Абдуллаев, 1976, с. 122 – 123). Гончарные кувшины имеются, главным образом, во фрагментах. Единственный целый сосуд имел грушевидную форму тулова, плоское дно, переход от горла к тулову выделен валиком с покатым плечиком и следующие размеры: высота 9 см, диаметр 15 см, диаметр диагонали 6,7 см. Керамика раннего периода Тамошотепа была датирована А. Абдуллаевым концом V – началом IV в. до н.э. Однако, на наш взгляд, есть все основания отнести ее к более позднему времени, а именно к концу IV – III вв. до н.э., так как ассортимент посуды представлен не только цилиндроконическими сосудами, но и другими формами, характерными для более позднего времени (кувшины, рыбные блюда, чаши, кубки).

В храме Диоскуров на городище Дильберджин также была обнаружена керамика баночной формы (рис. 3, 8 – 17). Она представлена образцами из шурфа 5 в айване под самым нижним полом (Г-Д) храма. Тарелки имели сильно отогнутый наружу край, врезную линию вокруг внутренней части дна и покрыты красным ангобом. Найдена также стенка крупного закрытого сосуда, покрытая черным лощением с наружной стороны. В шурфе 6 обнаружено несколько стенок больших хумов с белым ангобом и изломом в нижней части. Кроме того, в комплексе имеются сосуды, которые на основании ряда аналогий датируются греко-бактрийским временем (рис. 3, 1 – 7, 12). Т.И. Кругликова

отметила, что «к ахеменидскому и греко-бактрийскому времени, т.е. ко времени, предшествующему либо одновременному возведению храма, относится керамика, найденная в шурфе 5 в айване под самым нижнем (Г-Д) полом храма» (Кругликова, 1986, с. 21). Наличие цилиндроконических сосудов с изгибом в придонной части, а также ряда эллинистических типов позволяет, на наш взгляд, датировать данный комплекс IV – III вв. до н.э.

Бытование сосудов цилиндроконической формы на протяжении IV – III вв. до н. э. может пролить свет на датировку раннего строительного периода городища Калаимир, а, следовательно, и этапа Кобадиян I. М.М. Дьяконовым еще в начале 50-х гг. XX в. была предложена стратиграфическая колонка для датировки памятников Кобадиянского оазиса (КБ I-V). Согласно ей, Кобадиян I был отнесен к ахеменидскому времени (VI – IV вв. до н. э.), хотя исследователь не исключал и более ранней датировки (Дьяконов, 1953, с. 279 – 280). Большое значение для установления хронологии этапов Кобадиян I – V имеет анализ и сопоставление керамического комплекса, полученного при раскопках памятника. Для VI – IV вв. до н.э. он насчитывал незначительное количество форм, но достаточно выразительных (рис. 2, 7 – 11). Вначале обратим внимание на цилиндроконический сосуд (рис. 2, 7). Как было отмечено выше, сосуды этого типа становятся определяющими в керамическом ассортименте Бактрии эпохи Ахеменидов. Однако калаимирский сосуд имеет ряд черт, которые отличают его от подобных сосудов. Он имеет слегка вогнутые внутрь стенки, ярко выраженное ребро в нижней части, а диаметр дна приближается к диаметру устья. Подобные сосуды раннего времени имели более выраженный перегиб, а у крупных сосудов почти прямые стенки и диаметр устья всегда несколько больше диаметра дна.

Еще одна форма из Калаимира, на которую стоит обратить наше внимание, – плоскодонный кубок (рис. 2, 11), который по выражению М.М. Дьяконова напоминает «русский печной горшок» (Дьяконов, 1953, с. 279). Видимо, подобную форму следует называть кубкообразным горшком, как это предлагает Ш.Р. Пидаев (Пидаев, 1984, с. 112).

Для Джигатепа, Ш.Р. Пидаев выделил керамический комплекс так называемого «переходного периода» и датировал его второй половиной IV – началом III вв. до н.э. (Пидаев, 1984, с. 114). Доминирующее положение в нем занимают кубкообраз-

ные горшки (рис. 2 – 12). Они имели плоское дно, стенки, плавно поднимающиеся вверх, заканчивающиеся загибающимся внутрь венчиком. Кубкообразные горшки покрыты красным, а иногда и черным ангобом до середины сосуда, а его нижняя часть сохранила цвет черепка. Чаши представлены тремя типами (рис. 2, 16 – 18). У чаш первого типа плоское дно, стенки плавно поднимаются вверх и заканчиваются слегка загибающимся внутрь венчиком. У чаш второго типа стенки более толстые, а венчик отогнут наружу. Характерная особенность чаш третьего типа – Т-образный профиль венчика. Кувшины были найдены только лишь во фрагментах, которые позволяют сделать несколько наблюдений относительно их морфологии (рис. 2, 13 – 15). Они имели сравнительно небольшие размеры, плоское дно, узкое горло и слегка утолщенный или отогнутый наружу венчик.

Кроме вышеуказанных типов керамики на Джигатепа, были найдены и другие, однако в единичных экземплярах. Это, главным образом, котлы, хумы и хумчи. Котлы изготовлены лепкой, имели достаточно тонкие стенки, широкие открытые устья, венчик или слегка отогнут наружу, или загнут внутрь.

Еще более узкой датировки керамического комплекса раннеэллинистического времени придерживается А. Восковский. По его мнению, набор керамических сосудов из нижнего слоя городища Кампыртепа (КТ-1) может быть отнесен к последней четверти IV в. до н.э. (Восковский, 2003, с. 48 – 50). Здесь также встречаются кубки, близкие по своим морфологическим признакам к кубкообразным горшкам Джигатепа. Чаши, найденные во фрагментах, имеют тонкие стенки, плоские донца. Кувшины характеризует низкая зауженная в средней части горловина и валикообразный в сечении венчик. Среди кухонной посуды преобладают толстостенные лепные котлы с горизонтальными ручками-налепами. К тарной керамике относятся хумы, у которых сравнительно небольшой диаметр устья, валикообразные венчики, а на одном экземпляре присутствует желобок, расположенный под венчиком. В керамическом комплексе из слоя КТ-1 А. Восковским были выделены следующие особенности: отсутствие ангобного покрытия (имеется только лишь один фрагмент, покрытый черным ангобом), рыбных блюд и столовых лепных чаш, которые по форме и пропорциям аналогичны станковым.

Главным критерием для Ш.Р. Пидаева в датировке керамического комплекса переходного этапа явилось отсутствие таких классических форм для VI – IV вв. до н.э., как цилиндроконические сосуды, хумы и хумчи с манжетовидным в сечении венчиком, а также наличие чаш с отогнутым, вогнутым, Т-образным венчиком, кувшинов и их единичность, сосудов покрытых красным, реже черным ангобом.

По нашему мнению, немаловажным критерием для выделения комплекса переходного периода и датировки его концом IV – первой половиной III в. до н.э. является наличие в нем цилиндроконических сосудов с подкосом в придонной части. Трудно себе представить, чтобы страна с глубокими культурными традициями за несколько десятилетий греко-македонского господства и распространения эллинистической культуры полностью отказалась от них. Тем более, нельзя не учесть того факта, что в керамике нескольких бактрийских городищ наблюдается сосуществование цилиндроконических форм с другими типами посуды, появившимися благодаря воздействию греческой гончарной традиции. Подобные примеры имеются в Калаимир, Тамошотепа, Кызылчи 6, Дильберджине.

А.С. Сагдуллаев, И.Т. Кругликова, руководившие археологическими раскопками некоторых из этих памятников, считают возможным, что в раннеэллинистический период наряду с новыми типами, продолжают бытовать и цилиндроконические сосуды, характерные для более раннего времени.

По мнению Ш.Б. Шайдуллаева, керамические комплексы переходного периода наиболее показательны представлены в материалах Безымянного поселения г. Термеза, Хаитабадтепа, Бабуртепа, Ханакатепа и Кызылчи 6. В данное время широко распространяется посуда с красным и розовым ангобом, появляются такие формы, как кубки, горшки с шаровидным туловом, а «одной из наиболее показательных форм комплексов переходного периода являются цилиндроконические «банки»» (Шайдуллаев, 2000, с. 143).

В дальнейшем подобные сосуды полностью исчезают, однако цилиндроконическая форма остается достаточно популярной среди тарной посуды. Возможно, это следует рассматривать как поступательное развитие местной гончарной школы, которая сохранила уже традиционную для себя цилиндроконическую форму и в процессе эволюции выработала новые мор-

фологические детали, тем самым обогатив ассортимент бактрийской посуды. Т.И. Зеймаль считала, что «подобная форма продолжала сохраняться в кухонно-хозяйственном ассортименте посуды вплоть до I в. до н.э. (во всяком случае, в правобережье Амударьи), а затухающие её признаки улавливаются в формах котлов и позднее» (Зеймаль, Зеймаль, 1981, с. 280).

Бытование цилиндроконических форм на протяжении раннеэллинистического периода характерно не только для Бактрии. Так, например, в Маргиане на городище Эрккала в стратиграфическом шурфе (XXIII – XXX горизонты) наряду с керамикой типа Яз-III имеется значительное количество фрагментов раннеэллинистических типов. В.А. Гаилов констатирует, что «на протяжении всего IV в. до н.э. для Мервского оазиса оставалась характерной только керамика типа Яз III, для большей части III в. до н. э. (может быть, начиная примерно с 280 гг. до н.э.) – керамический комплекс, сочетавший в себе черты Яз III и раннеэллинистической керамики» (Гаилов, 2004, с. 606).

Результаты исследования раскопа «Бухарские ворота» на Афрасиабе показывают подобные процессы в становлении новых традиций в гончарстве и Согдианы. Керамический комплекс раннего периода, датированный концом IV в. до н.э. включает в себя подавляющее большинство цилиндроконических сосудов и только лишь незначительный процесс посуды демонстрирует греческое влияние (Исамиддинов, 2002, с. 143 – 145).

Следующий по времени керамический комплекс получен из заполнения караульного помещения. Здесь было собрано несколько десятков фрагментов керамики, из которых только четыре представлены горшками и хумчей цилиндроконической формы. Остальные же являются сосудами столового и кухонного назначения. Среди эллинистических новаций М.Х. Исамиддинов отметил не только появление новых форм, но и прочерченных знаков, расположенных возле донца кувшинов, горшков, хумов и хумчей (Исамиддинов, 2002, с. 145 – 146).

Аналогическая ситуация прослеживается на материалах ряда других памятников и, в частности, Коктепа. Период Коктепа IV отмечен сооружением внутренней крепостной стены и отдельно стоящих зданий. При стратиграфическом изучении одного из домов были выделены три уровня полов. С первого уровня собраны фрагменты цилиндроконической керамики (хумчи, горшки, кубковидные чаши, банкообразные котлы). Со

второго и третьего уровня появляется тонкостенная керамика, изготовленная на гончарном круге. К такой посуде относятся: тарелки, кубки со слегка отогнутыми бортиками, кувшины. Несмотря на достаточное разнообразие новых форм, встречаются еще цилиндроконические сосуды.

Обращает на себя внимание практически полное отсутствие таких характерных эллинистических форм, как рыбные блюда и мегарские чаши. По мнению М. Исамиддинова, стратиграфические данные верхних слоев Коктепа соответствуют приходу сюда «войск Александра Македонского и гибели древнего города через некоторое время» (Исамиддинов, 2010, с. 136).

Эллинистические традиции в керамическом производстве Еркургана (ЕК 5) подтверждаются только лишь со второй половины III в. до н.э. Ведущими формами столовой посуды являются кубки и рыбные блюда. Немногочисленны тарелки, чаши, кувшины. В единичном экземпляре представлена сероглиняная тарелка и широкая чаша с загибающимся внутрь краем (Сулейманов, 2000, с. 163 – 165). На некоторых типах керамики отмечен дисковидный поддон, который, видимо, появился в Средней Азии под влиянием греков не раньше конца IV – первой половины III в. до н.э. (Болелов, 2004, с. 124).

Также следует отметить, что греческие традиции, привнесенные в ходе завоевания Бактрии Александром Македонским, внедрялись в регионах страны неравномерно. Б.А. Литвинский отметил, что в Бактрии эллинистического времени существовало несколько зон эллинизации: «зона компактного расселения эллинов в полисах и военных колониях, где вся культура была однотипна ай-ханумской, другая зона – ареалы тесных эллино-бактрийских этнокультурных и религиозных контактов» (Литвинский, 2000, с. 218).

В крупных городах в большинстве своем проживало греческое или достаточно «эллинизированное население», которое уже к концу IV в. до н.э. восприняло культуру греко-македонских завоевателей. Подобная ситуация не исключена и для небольших, но важных в стратегическом отношении памятников. Яркий тому пример крепость Курганзол, расположенная на северной границе Бактрии и исследованная под руководством Л.М. Сверчкова в 2002 – 2010 гг. (Сверчков, 2007, с. 31 – 64; Sverchkov, 2008, p. 123 – 191).

На данном памятнике получен керамический комплекс, который с определенной долей вероятности можно отнести к концу IV в. до н.э. Он включает в себя такие формы, как кубки или чаши вытянутых пропорций, полусферические чаши, одну из которых характеризует подрезка придонной части, чаши, кувшины, хумы. Его отличительные черты: безыскусность форм, выветленность, отсутствие ангобного покрытия и какого-либо поддона (Сверчков, 2010, с. 87 – 88). В пользу данной датировки свидетельствует и проведенный радиоуглеродный анализ нескольких образцов. Так, например, возраст деревянной балки из дверного проема в башне 2 был определен в пределах 520 – 370 гг. до н.э. (Garsdorf, 2007, с. 65 – 66).

Именно по причине неравномерности внедрения эллинистических традиций, видимо, можно объяснить отсутствие в Курганзоле в конце IV в. до н.э. цилиндроконических сосудов. В свою очередь, очевидно, что последующие археологические исследования в той или иной степени будут способствовать не только нашему представлению о керамическом комплексе того или иного региона Бактрии, но и позволят разработать более детальную датировку.

Библиография

1. Абдуллаев А. Основные типы керамики Тамошо-тепе раннего периода // Материалы юбилейных конференций ученых АН Таджикской ССР. Душанбе, 1976.
2. Аскарлов А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
3. Аскарлов А.А. Раскопки Пшактепа на юге Узбекистана // ИМКУ. 1982. Вып. 17.
4. Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент, 1983.
5. Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
6. Болелов С.Б. Керамика // Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме IV – II вв. до н.э. М., 2004
7. Восковский А.А. Комплекс керамических сосудов из нижнего слоя городища Кампыртепа // Археологические исследования в Узбекистане. Ташкент, 2003.
8. Гаиров В.Г. Раннеэллинистическая керамика Маргианы // ПИФК. 2004. Вып. XIV.

9. Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950 – 1951 гг.) // МИА. 1953. № 37.
10. Заппаров Ш.Х., Ртвеладзе Э.В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I // Бактрийские древности. Л., 1976.
11. Зеймаль Т.И. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе // МКТ. Вып. 2. Душанбе, 1971.
12. Зеймаль Т.И., Зеймаль Е.В. Археологические работы в Гиссаре в 1981 г. // АРТ. 1988. Вып. XXI.
13. Исамиддинов М.Х. История городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002.
14. Исамиддинов М. Стратиграфия городища Коктепа и некоторые стороны истории и культуры Согдианы эллинистического периода // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Ташкент, 2010.
15. Кругликова И.Т. Дильберджин: Храм Диоскуров. М., 1986.
16. Литвинский Б.А. Бактрийский храм Окса и восточно-иранский эллинизм. Проблемы и гипотезы // ВДИ. 2000. № 2.
17. Лушпенко О.Н. Керамические комплексы раннежелезного века Южного Согда (по материалам памятников Сангиртепа и Узункыр) // Средняя Азия. Археология. История. Культура. М., 2000.
18. Пидаев Ш.Р. Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.) // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 3. М., 1984.
19. Пилипко В.Н. Комплекс керамики ахеменидского времени с поселения Оюклы в Серахском оазисе (Южный Туркменистан) // Средняя Азия. Археология. История. Культура. М., 2000.
20. Сагдуллаев А.С. Раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылча 6 (по итогам работ 1974 – 1976 гг.) // СА. 1980. № 3.
21. Сагдуллаев Т., Хакимов З. Археологическое изучение городища Кызыл-тепе // Бактрийские древности. Л., 1976.
22. Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.
23. Сверчков Л.М. Эллинистическая крепость Курганзол. Раскопки 2004 г. // ТБНЭ. Вып. 3. Ташкент, 2007.

24. Сверчков Л.М. Некоторые особенности археологического комплекса конца IV в. до н.э. (крепость Курганзол) // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Г.В. Шишкиной. М., 2010.

25. Сверчков Л.М., Бороффка Н. Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // ТБНЭ. Вып. 3. Ташкент, 2007.

26. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Ташкент; Самарканд, 2000.

27. Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент, 2000.

28. Gorsdorf J. Datierungsergebnisse // ТБНЭ. Вып. 3. Ташкент, 2007.

29. Sverchkov L.M. The Kurganzol Fortress (on the History of Central Asia in the Hellenistic Era) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2008. 14.

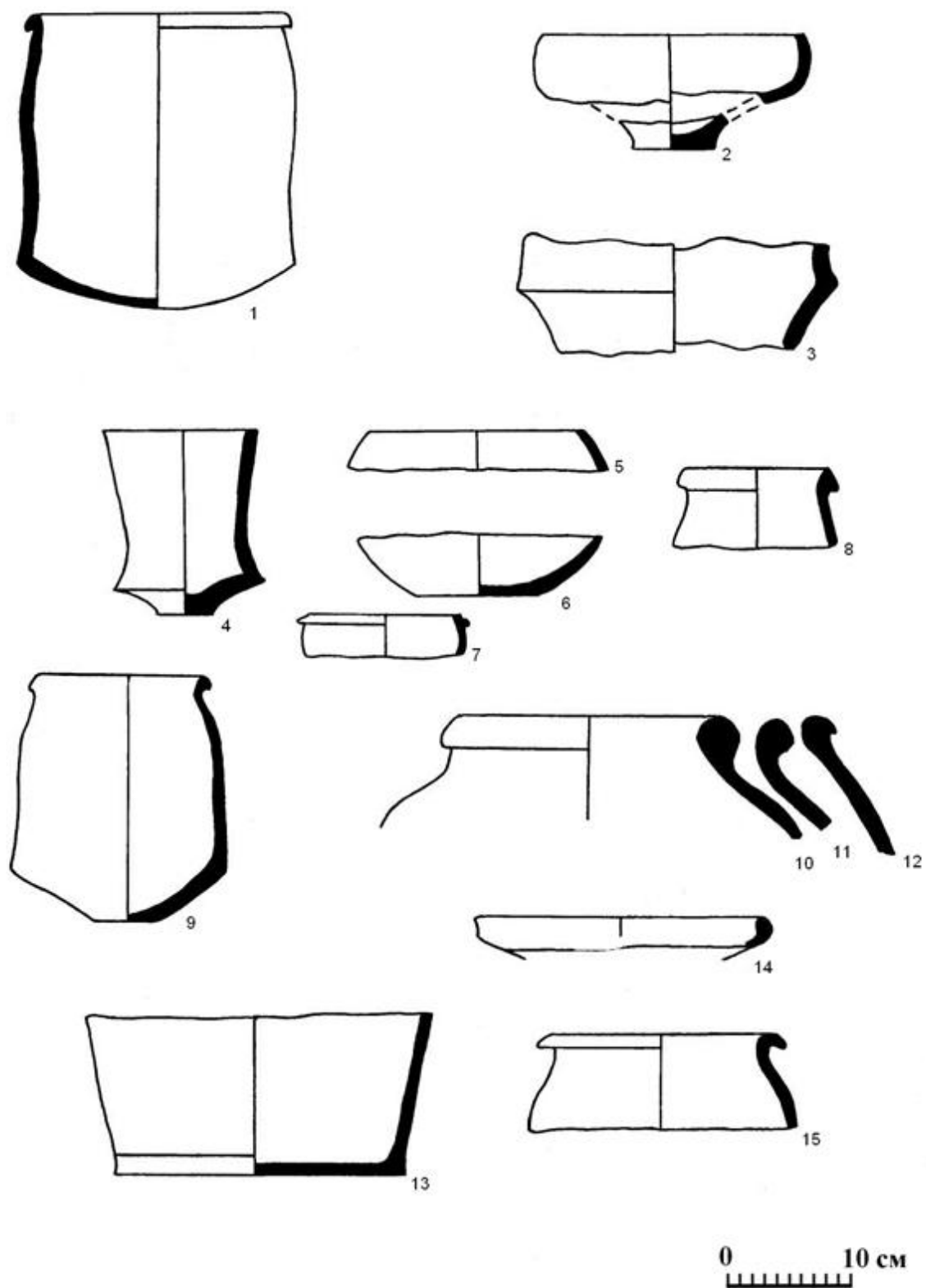

Рис. 1.

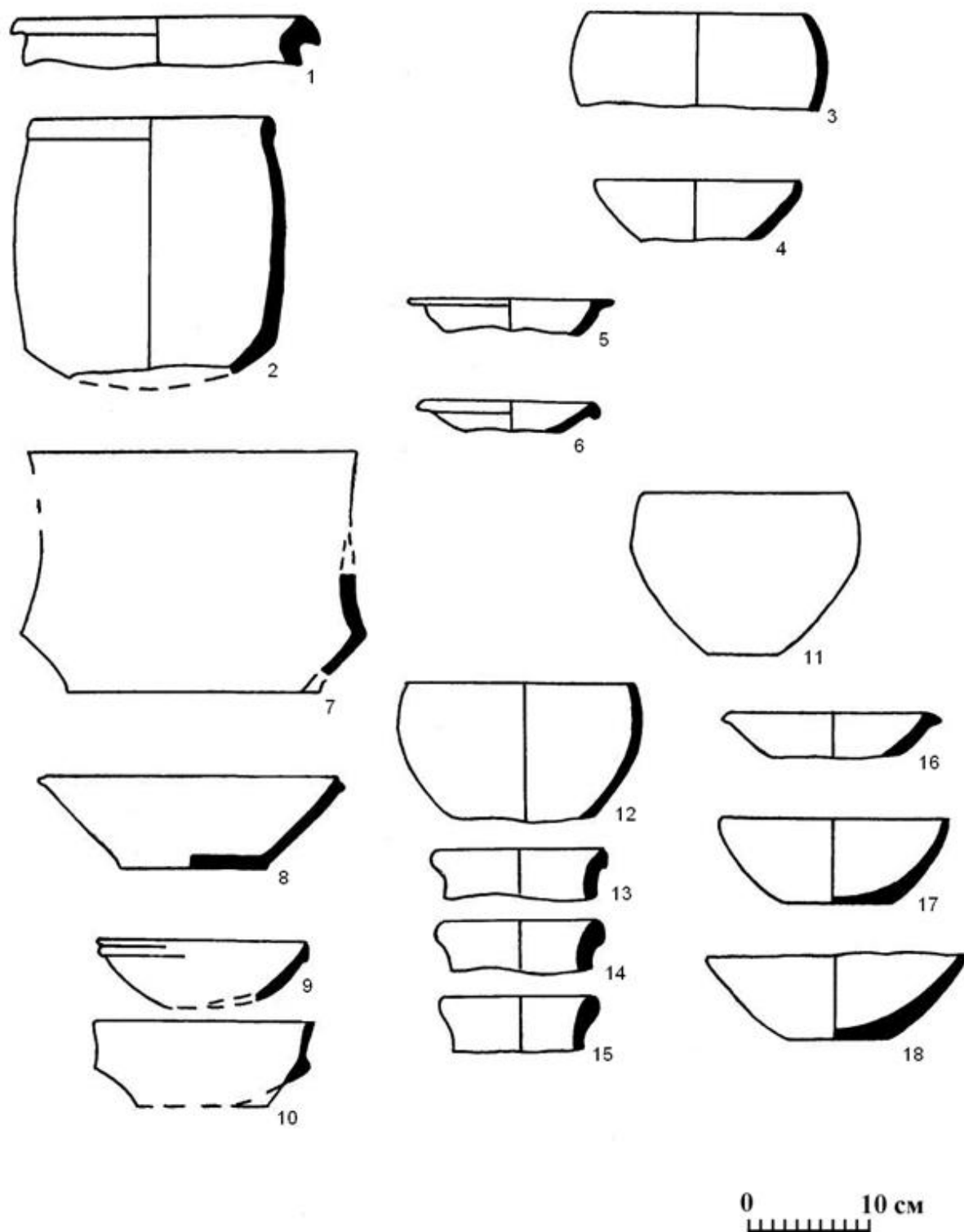

Рис. 2.

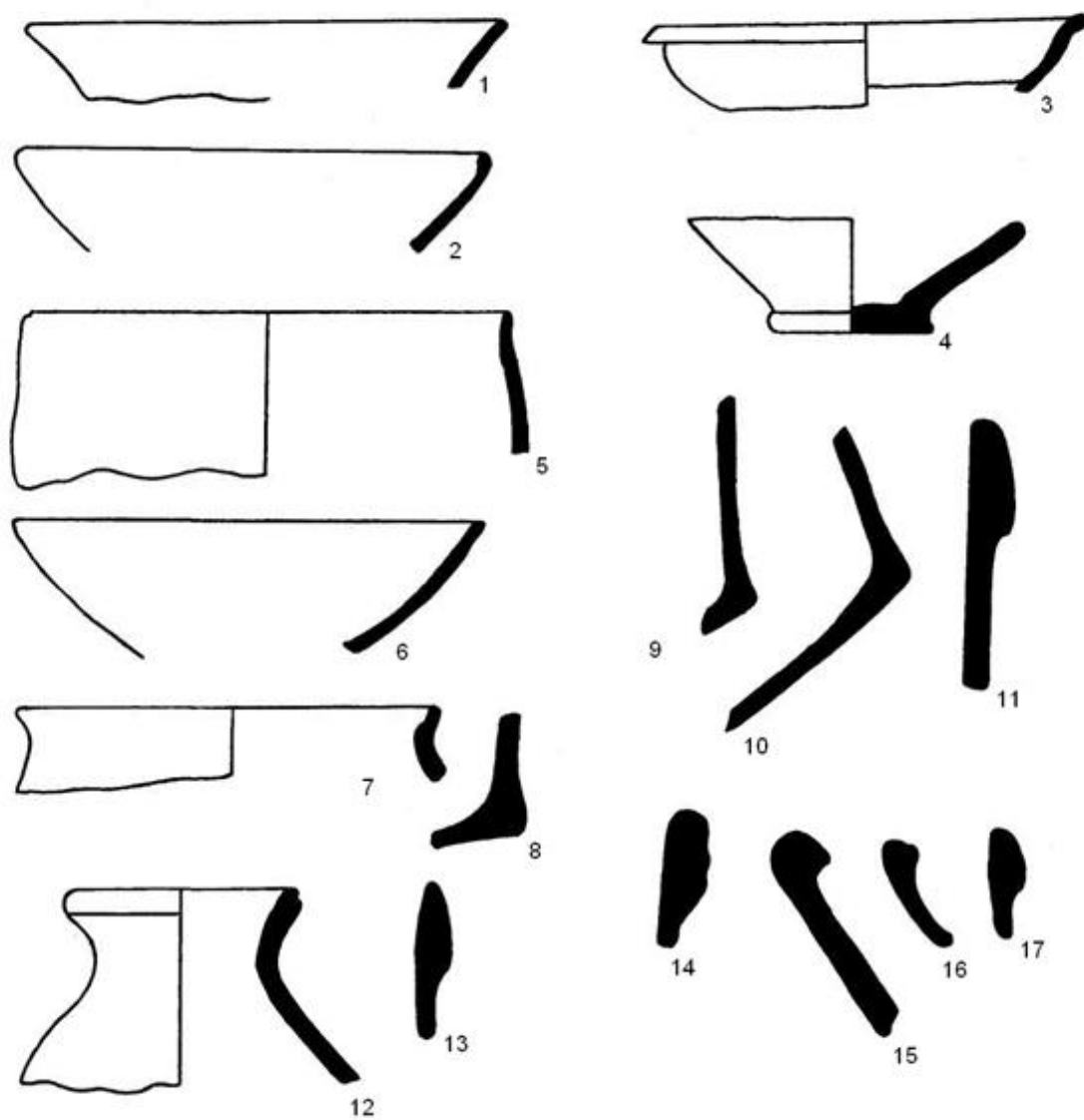

Рис. 3.

БОЖЕСТВА УМИРАЮЩЕЙ И ВОЗРОЖДАЮЩЕЙСЯ ПРИРОДЫ В КОРОПЛАСТИКЕ БАКТРИИ

На Востоке с глубокой древности почитались силы и объекты природы, универсальной составной частью цикла которой являлось почитание божеств умирающей и вновь рождающейся природы, облакавшиеся в самые разнообразные формы. «Божества Востока страдают и умирают, чтобы затем воскреснуть. Как человека оплакивает Осириса, Аттиса или Адониса супруга или возлюбленная, которая зовется Исидой, Кибелой или Астартой. Вместе с ними на своих погребальных службах мисты рыдают над мертвыми богами, а потом, когда они оживают, с ликованием празднуют возрождение новой жизни» (Кюмон, 2002, с. 56). Празднества сопровождались большими шумными процессиями, в которых музыка, пение, танцы вносили определенный ритм, где большую роль в них играл экстаз опьянения. При этом их празднование соотносилось с цикличностью земледельческих работ.

В Средней Азии культы, связанные с темой извечного круговорота природы, застали греки во время походов Александра Македонского (Пугаченкова, Ремпель, 1965, с. 78). Признаки отправления этого культа в Бактрии отражены в многочисленных артефактах, найденных здесь при археологических раскопках, – настенных росписях, керамике, торевтике, но более всего в терракотовой пластике. Это многочисленные находки статуэток силенов-панов, образы, похожие на бородатого Геракла, Диониса и музыкантов, связанные со среднеазиатскими «вакхическими» культами умирания и воскресения божества. Статуэтки с их изображением найдены в Старом Термезе (Мешкерис, Вызго, 1983, с. 32-34; с. 32, рис. 2.1), Аккургане (Пидаев, 1978, с. 74, рис. 24.1), Зартепа (Древности южного Узбекистана, 1991, с. 290, № 179), Дильберджине (Кругликова, 1999, с. 10; рис. 33.9; рис. 42.4; Кругликова, 2001, с. 359, рис. 51.5, рис. 52.1, 35.5), Кампыртепа (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 118, № 5; Завьялов, Мешкерис, 1985, с. 52 – 55) и датируются III в. до н.э. – II. н.э.

Важная роль в проявлении этого культа отводилась женским божествам: они давали жизнь и оберегали ее, приносили

смерть и обеспечивали возрождение. Богиня олицетворяла собой все формы и проявления постоянно обновляющегося жизненного цикла. Многообразие способов репрезентации женского божества в эпоху античности в Бактрии также можно проследить на примере терракот Великих богинь, функции которых отражаются в их атрибутах.

В этой связи обращает внимание фрагмент терракотовой статуэтки из Кампыртепа (сохранилась только нижняя ее часть), на которой представлена богиня в длинном платье с козленком в руках (I в. до н.э. – I в. н.э.) (Древности южного Узбекистана, 1991, с. 292, № 190).

Образы диких и домашних животных занимали большое место в представлениях древних земледельцев. В понимании значения их образов в основном играли жертвенные ритуалы, поскольку у земледельцев с их четким сезонным делением времени обряды с животными имели временную определенность. В роли жертвенного животного часто выступал козел. Объясняется это тем, что по преимуществу мелкий рогатый скот связывался с хлебом и хлебными злаками, намекая на его многочисленность и плодovitость. К примеру, у шумеров существовало сравнение: «многочисленны, как овцы». Помимо этого имели значение и особенности поведения козлов, которое толковалось как проявление необыкновенной фертильности. Все это приводило к представлениям о влиянии козла на изобилие хлебных злаков, на образ духа хлебного поля в виде козла (Антонова, 1984, с. 107). В старовавилонский период во время весеннего равноденствия (март-апрель), когда шумеры встречали новый год, в том же месяце они отмечали праздник «Съедения непорочного козленка». В это время, считавшееся первой трети года, шла уборка урожая ячменя. В этом же полугодии поминались умершие. Функционально это полугодие соответствовало нашей зиме, так как было полугодием мертвой растительности (Дьяконов, 1990, с. 292).

В этом отношении весьма близко, на наш взгляд, празднество, проводившееся на р. Бартанг в Сипандже (Афганистан), праздновавшийся по случаю встречи весны. В этот день пекли фигурные хлебцы в виде горного козла-кийка. Женщины оставались в селении, а мужчины собирались около местного мазара, где закалывали предназначенных в жертву козлов. Их мясо варили в котле, а головы складывали в кучу. Совершив покло-

нение перед котлом, охотники шли к головам козлов, где говорили: «Охота была удачной». После коллективной трапезы мужчины проходили под аркой из скрещенных палок, которые держали два шейха. Проходившие держали в руках фигурные хлебцы и, встречаясь друг с другом, шепотом спрашивали: «Кийков много?», получая в ответ: «Много, полным-полно». Хлебцы уносили домой и клали у очага. Ритуал завершался призывами к пари и бегом к селению, где стояли наблюдавшие за действиями мужчин женщины. Жители Сипанджа говорили, что этот ритуал возник в память об охотнике, который, женившись на пари, проводил часть времени с ней и ее подругами – пастушками горных коз.

«В описанном ритуале, – указывает Е.В. Антонова, – образы и действия охотничьего промыслового культа сочетаются с мотивом растительной, мучной пищи, присущим производящему хозяйству. Их функциональное сходство, как и близость символического значения мясной и растительной пищи, выражается в изготовлении фигурных хлебцев в виде кийков. Однако в этом ритуале обнаруживается и еще один момент, характерный для действий подобного рода и связанных с ними представлений: оппозиция мужского и женского начала. Эта оппозиция многозначна и весьма типична для носителей примитивного производящего хозяйства» (Антонова, 1984, с. 106).

Что касается бактрийской статуэтки богини с козленком, то она напоминает дрезденскую статуэтку, которая, по интерпретации В.В. Иванова, представляет «Артемиду с виноградными гроздьями в обвитых митрою волосах и с жертвенным козленком». Эту статуэтку исследователь находит «показательной для уяснения соответствий между служительницами мужской и женской ипостаси двуединого оргиастического божества», что нашло отражение во взаимоотношении двух божеств – Диониса и его сопредстольницы Артемиды. «Они кажутся силами, ищущими одна другую и вместе взаимно противоборствующими: в них воплощается половая полярность древнейшего оргазма. Икарийское обрядовое предание, с его контаминацией оргиастических элементов Дионисова культа и Артемидина, знаменательно обнаруживает эту культовую слиянность, запечатленную стародавним обменом человеческих жертв... Оргии женщин в Алее на ежегодном празднике *Skieria heortê* в честь Диониса соотносительны, хотя и разделены географически. В

обоих обрядах прежнее жертвенное человекоубиение заменено смягченной формой жертвы: это – первичное в них, магизм же растительного культа – черта привходящая. Миф об очищении Пройтид Мелампом показывает, что оба божества – Дионис и Артемида – вместе ведают область исступлений и умиротворяют оргиастическую борьбу полов. Что при обмене жертв мужские типически назначались богине, а женские богу... В бэотийских Потниях сам Дионис подставляет в замен человеческой жертвы козу. Эта подстановка козы характерна для культа Артемиды... Объясняется же эта встреча двух культов и обменом жертв между Дионисом и Артемидой» (Иванов, 1923, с. 87).

Возможно, бактрийский вариант статуэтки несет ту же идею взаимоотношения мужского и женского начал. Однако более всего она связывалась у местного населения с культом плодородия. При этом животное выступает в первую очередь как оплодотворяющее существо, отражая представления древних людей мотива священного брака, зарождения новой жизни, возрождения природы, которое, как надеялись люди, принесет изобилие и общее благополучие. Интересно, что до настоящего времени у народов Центральной Азии остается популярным такой вид массовой игры, как «козлодранье». При утрате ритуального смысла эти состязания превратились в площадные зрелища. Они приурочиваются к крупным национальным торжествам – Наврузу или празднику урожая, но могут проводиться по случаю семейных торжеств – свадьбы или рождения наследника. Самая массовая игра – свадебная. Традиционно свадьбы проходят в основном поздней осенью (после сбора урожая), зимой или ранней весной (перед основными сельхозработами).

Примечательны, на наш взгляд, терракоты с изображением богини, держащей в руке гроздь винограда и сосуд, которые также представляют культ плодородия. Они найдены на Дильберджине (Южная Бактрия) (Кругликова, 1977, с. 96, рис. 68), Чоплидепе, Мирзабеккала (Северо-Западная Бактрия) (Пилипко, 1985, с. 197 – 199; 203 – 206; с. 145, табл. XXIX. 9 – 12, 57 – 59; с. 146, табл. XXX. 2), и датируются I в. до н.э. – II в. н.э. В местности, расположения Дильберджина, подобные терракоты богинь оставались популярными вплоть до III – IV вв. н.э., однако в их облике произошли некоторые изменения – пропорции тела стали более тяжеловесными, а лицо – округлым и массив-

ным (Кругликова, 1977, с. 80 – 81; с. 81, рис. 77,1, рис. 77,3; с. 97; с. 96, рис. 68,1). Наличие у богини в руках именно виноградной лозы свидетельствует о том, что на территории Бактрии, особенно в районах расположения городищ Дильберджина, Чоплидепе, Мирзабеккала местными жителями большое внимание уделялось виноградарству, которое было достаточно хорошо развито.

Богиня с виноградной гроздью была более почитаемой на территории Малой Азии в I – III вв. н.э., о чем свидетельствуют многочисленные рельефы с их изображением, олицетворяющие, как утверждают исследователи, Матерь богов - сельскохозяйственное божество, богиня плодородия и урожая, считающаяся покровительницей общины. Она имела различные имена и этниконы, получая их от названий деревень. В отличие от бактрийской богини, малоазийская восседает на троне, между которым располагались один или два льва. Чаще всего она изображалась во фригийском колпаке, что подчеркивало местный характер этого культа (Голубцова, 1977, с. 204).

Еще задолго до греков, как в Малой, так и в Передней Азии виноград, виноградная лоза или гроздь считались священными. Так, к примеру, у хеттов существовал поминальный обряд, где виноградная лоза несла сакральный смысл. Этот обряд совершался в «Каменном доме», куда вносили статую умершего: «Затем человек из рода его (умершего) берет серебряный топор весом в 20 сиклей и рубит виноградную лозу. Кравчий (один из хеттских придворных) же втыкает исгарух (сосуд) в землю и голосит, а женщина таптара начинает оплакивать умершего». Поскольку с этим сосудом обычно совершали действие, которое передается хеттским глаголом со значением «бить», «ударять», а также «вбивать, втыкать», такой сосуд, видимо, мог иметь форму, заостренную книзу. Он устанавливался острым днищем в землю, и в него совершали возлияние (Ардзинба, 1982, с. 71).

Другой атрибут богини – сосуд также имел древний сакральный смысл, символизируя образ женщины – богини-матери. Сосуд – этоместилище-чрево, дающее жизнь. Наличие у богини атрибута – сосуда как бы усиливает эту идею. Сосуд в руках богини в сочетании с виноградной гроздью в другой также, возможно, показывает, что он полон молодым вином, из-

готовленного из нового осеннего урожая, или полон новой жизнью, которую богиня дарит людям.

В Средней Азии в период древности и средневековье также были установлены все сроки пахоты, посева и сбора урожая. Так, к примеру, Бируни в своем сочинении указывает, что хорезмшах Абу-Саид ибн Мухаммад в 959 г. провел календарную реформу, по которой начало хорезмийских месяцев было приурочено к определенным дням месяцев румов и сирийцев. В соответствии с этим было установлено время земледельческих работ таких, как сбора винограда, для выделки изюма – время для этого наступает в промежуток от сорока до пятидесяти дней после Аджгара (середины лета) – или сбора его для подвешивания, а также время сбора груш, которое наступает в промежутке от пятидесяти до шестидесяти пяти дней после Аджгара» (Бируни, 1957, с. 263). Это время, по-видимому, соответствует первому дню осени у персов. «...Это второе равенство по зиджу Синдхинда – большой праздник у индийцев, подобно Михриджану у персов. Они дарят друг другу в этот день всякие дорогие вещи и высокоценные камни и собираются в храмах и молельнях до полудня. Потом они выходят в места прогулок, сходятся на собрания, где поклоняются (богу) времени и проявляют смирение перед Аллахом» (Бируни, 1957, с. 301).

На основании всего вышесказанного можно предположить, что наличие у статуэтки богини таких атрибутов, как виноградная лоза и сосуд олицетворяет ее как покровительницу плодородия и связана праздником умирающей и воскрешающей природы, который мог праздноваться бактрийцами осенью по случаю сбора урожая и подготовки к зиме.

Характерной для культа плодородия является также терракота, найденная на Кампыртепа, датируемая I в. до н.э. – I в. н.э. Она изображает сидящую богиню-мать. В левой руке – птица, а правой она придерживает на своих ногах младенца (Савчук, 1989, рис. на с. 72; 5. Древности южного Узбекистана, 1991, с. 292, № 188; Абдуллаев, 2002, с. 27, рис. 1; с. 29 – 30).

Богиня на троне с младенцем и окруженной птицами и животными, является несомненно Великой Матерью. Культ Великой Богини или Великой Матери засвидетельствован в самых разнообразных археологических проявлениях в различных регионах Древнего Востока.

Начало культу богини-матери положили неолитические культуры Анатолии. На Хаджиларе были найдены множество глиняных статуэток, изображающих древнюю богиню, олицетворяющую плодородие, Мать-Землю, покровительницу зверей и охоты. Среди них имеются статуэтки богинь, представленные стоящими, сидящими и отдыхающими, одной или с ребенком (Mellaart, 1961, с. 86). По мнению Дж. Мелларта, статуэтки являются изображением одной из богинь-матерей – прямых предшественниц Кибелы (Мелларт, 1982, с. 79).

Кибела связана с полным циклом жизни – она дает жизнь, присматривает за своими детьми, пока они живы, и забирает жизнь, когда приходит время, и именно поэтому одна из проявленных в доэллинский период, но позже почти забытых ее функций – охрана могил. Изначально Кибела покровительствует только плодородию животных и людей. Тем не менее, культ Кибелы был в более поздние периоды связан с годовым растительным циклом.

Один из типов образа богини Кибелы представляют, по мнению отдельных ученых, бронзовые статуэтки обнаженной женщины с ребенком, датированные первой половиной раннего железного века и найденные на территории в различных регионах Колхиды. Центром их изготовления, по-видимому, является святилище Геры в Самосе в Колхиде, чье появление связывается с греческими переселенцами (Микеладзе, 1990, с. 65). Уникальной находкой изображения этой богини считается бронзовая скульптура женщины на троне с младенцем в руках и расположенных рядом миниатюрными скульптурами птиц, быка, пантеры и серны. Эта скульптура найдена в комплексе захоронений в деревне Нигвзиани (25 км к юго-востоку от Поти – прежнего Фасис) (Lordkipanidze, 2000, р. 91 – 92).

Тема матери с ребенком довольно была популярной для большей части Востока эллинистического периода. Этот образ получил распространение и в искусстве Средней Азии (особенно Бактрии). По мнению В.А. Мешкерис, такая особенность иконографии среднеазиатских терракот, как изображение ребенка, располагающегося или у ног богини, или охватывающего широко расставленными ногами левое бедро женщины, протягивая вверх руку и цепляясь за ее платье, типична для западнопарфянской скульптуры I – III вв. н.э. (Мешкерис, 1977, с. 25).

Изображения цветка граната, павлина и голубя, небесных светил, ребенка – символы характерные для иконографии любой Великой богини. Другой атрибут в руках бактрийской богини на плакетке – птица (голубь?). Голубь считался священным в культах Астарты, Кибелы, Исиды, Венеры, Юноны, Афродиты. Из-за мягкого поведения и преданности потомству голубь считается воплощением материнского инстинкта. Птица эта считается эмблемой мудрости и олицетворяет силу и порядок, которыми утвердились низшие миры. Ребенок в руках богини мог символизировать возрождение и обновление жизни.

В Бактрии, возможно, был известен культ Кибелы, о чем свидетельствует, к примеру, находка серебряного диска в Ай-Ханум. Однако в этом регионе наиболее почитаемой богиней, соответствующей Кибеле, была Нана, которая также являлась богиней животного и растительного мира, а судя по проведенному учеными исследованию на основании сохранившихся фрагментов настенной росписи и скульптуры Дальверзина, могла быть покровительницей материнства (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1978, с. 79 – 90).

Интересно, что наиболее близко бактрийской статуэтке является, на наш взгляд, судя по описанию, изображение богини с ребенком и птицей на сосуде, найденном случайно в 1750 г. у дер. Слудка Пермской области, исследованном В.Г. Лукониным, которое представляет более полную композицию.

На кувшине изображены два(?) овальных медальона, образованных аркой с колоннами. На арке – ряды птиц, ствол колоны орнаментирован виноградной лозой, капители – в виде обнаженных младенцев, стоящих на одном колене и поддерживающих руками арку. В медальоне была представлена женская фигура в фас, в инсигниях царицы царик с нимбом и царскими лентами. На ней узорчатое («звездное») облегающее платье и плащ. Под обнаженными ногами, на которых надеты браслеты, – орнаментированное подножие, под которым – два павлина, расположенные встречно друг к другу. В одной руке женщины – птица (напоминающая попугая), другой она держит обнаженного ребенка. Слева от центральной фигуры – еще один обнаженный ребенок с овцой на плечах («мосхофор»), под базами колонн – обращенные вправо и влево фигурки обнаженных детей. В.Г. Луконин датирует данный сосуд V – VII или даже VI – VII вв. и считает, что он имеет сасанидское происхождение.

«Памятник этот принадлежит к обширной группе сосудов для вина или воды, в основном бутылкам с высоким горлом и небольшим круглым поддоном. Однако, отличие данного кувшина от всех остальных сосудов этой серии заключается в том, что на каждой стороне имеется лишь одно изображение женской фигуры в одежде, а также голого ребенка в руке богини. Горло и высокая ножка сосуда орнаментированы гравировкой волнистыми линиями». Исследователь соотносит образ женщины на сосуде с Анахитой (Луконин, 1987, с. 195 – 197).

Находка бактрийской терракоты и сасанидского кувшина с аналогичными изображениями может стать очередным подтверждением, выдвинутого Ф. Грене и Б.И. Маршаком предположения о том, что Сасаниды после завоевания ими Кушан в свою очередь также трансформировали созданную на землях Бактрии иконографию Наны в Анахиту (Grenet, Marshak, 1998, с. 5 – 18).

Все сказанное выше свидетельствует о том, что образ Великой богини-матери на терракотовой плитке из Кампыртепа, находит параллели и связь с образами иконографией Великих богинь матери Передней и Малой Азии, Кавказа с древности и до раннего средневековья, при этом воспроизводя образ своей богини-матери, вероятно, Наны.

Все вышесказанное может являться очередным свидетельством о большом почитании на всем древнем Востоке, в том числе и Бактрии, культа возрождения природы, что нашло отражение в представленных нами терракотах. Эти предметы искусства свидетельствуют не только о вполне сложившемся мифотворчестве, с ее художественным назначением, но в первую очередь и о вполне оформленном так называемом институционализированном земледельческом культе, олицетворяющие, видимо, Великую богиню-мать богов, найденной на территории Бактрии, в образе которой сочетались древнейшие представления хтонического, всепроизводящего божества земли.

Таким образом, рассмотренные выше терракотовые статуэтки в данном случае, оказались чрезвычайно важным археологическим материалом, в исследовании истоков культа, ибо именно он и позволяет предположительно реконструировать древнейшие религиозно-мифологические представления народов Средней Азии. Религиозный синкретизм, бесспорно, задавал основной тон на всем протяжении от древности до раннего

средневековья. Это явление, существующее с незапамятных времен и широко засвидетельствованное, сыграло важную роль в формировании культовых образов в искусстве всего древнего Востока. Наличие в женских образах терракот гроздей винограда, птицы, козленка явно отражают символику плодоносящих сил природы, связанных с почитанием божеств умирающей и возрождающейся природы того времени. Однако поклонение этим культам не исчезло полностью в последующие времена. Их отголоски отражались в календарях, празднествах раннего средневековья, а отдельные их атрибуты бытуют и в наши дни, которые проявляются в праздновании Навруза, Хаита, в традициях и обычаях народов Центральной Азии.

Библиография

1. Абурейхан Бируни (973 – 1048). Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957.
2. Абдуллаев К. Трансформация греческих образов в терракотовой пластике Кампыртепа // МТЭ. Вып. 3. Ташкент, 2002.
3. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.
4. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
5. Голубцова Е.С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии I-III вв. М., 1977.
6. Древности южного Узбекистана. Каталог. Сока-Ташкент, 1991.
7. Дьяконов И.М. Люди города Ура. М., 1990.
8. Завьялов В.А., Мешкерис В.А. Бактрийский музыкант с флейтой Пана // ОНУ. 1985. № 1.
9. Иванов В.В. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.
10. Кругликова И.Т. Идолы из Дильберджина // История и культура античного мира. М., 1977.
11. Кругликова И.Т. Раскопки Западного храма Кругликова И.Т. Раскопки Западного храма в Дильберджине (Афганистан в 1974 – 1977 гг.) // ПИФК. 1999. Вып. VII.
12. Кругликова И.Т. Цитадель Дильберджина // ПИФК. 2001. Вып. X.

13. Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве. СПб., 2002.
14. Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987.
15. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока / Пер. с англ. и комментарий Е.В. Антоновой. М., 1982.
16. Мешкерис В.А. Киропластика Согда. Душанбе, 1977.
17. Мешкерис В.А., Вызго Т.С. Терракотовые фигурки музыкантов // ОНУ. 1983. № 2.
18. Микеладзе Т. К археологии Колхиды. Тбилиси, 1990.
19. Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.
20. Пилипко В.Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад, 1985.
21. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана. М., 1965.
22. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзинтепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
23. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры: древность и средневековье. Ташкент, 1990.
24. Савчук С.А. У Оксийской переправы // Вехи времен. Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана. Альманах'89. Ташкент, 1989.
25. Grenet F., Marshak B. Le myth de Nana l' art de la Sogdiane // AA. 1998. Vol. 53.
26. Lordkipanidze O. Phasis the River of Colchis // GH. 2000. Vol. 15.
27. Mellaart J. Hacilar: A Neolithic Village Site // SA. August 1961.

К. Шейко

КРЕПОСТЬ МУНЧАК-ТЕПА В САЙРОБЕ

В 1987 г. во время маршрутного обследования Узбекстанской искусствоведческой экспедицией (УзИскЭ) под руководством Э.В. Ртвеладзе в горной части Сурхандарьинского вилоята в Байсунском тумане, в 6 км на восток от населенного пункта Сайроб, было обнаружено горное поселение Мунчакте-

па, предварительно датированное I – XIII вв. Тогда же, на этом памятнике силами археологического отряда Сурхандарьинского областного краеведческого музея, который входил в состав УзИскЭ, а в последствии и ТАЭ (Тохаристанская Археологическая Экспедиция) были проведены первые археологические раскопки.

Однако по ряду причин результаты этих работ опубликованы не были.

В 2002 г. работы на объекте были возобновлены, а их результаты, как и исследования конца 80-х годов прошлого века публикуются в данной статье.

Поселение расположено на землях одноименного кишлака Мунчак и находится на правом берегу Шерабаддарьи (фото 1). В плане памятник имеет подквадратную форму и ориентирован по странам света. Его размеры 60х60 м.

Северная часть тепа выше южной, такое же понижение наблюдается и в западную сторону. Крепость расположена на берегу Шерабаддарьи и её северная часть находится непосредственно на крутом берегу сая, что делало её неприступной с этой стороны. Южная, восточная и западная части крепости находились под защитой мощных крепостных стен, толщиной до 3 м. Пространство территории с восточной стороны от крепости могло использоваться в хозяйственных целях или для размещения на отдых проходящих караванов.

Раскоп 1 был заложен в северо-западной части Мунчактепа. За три полевых сезона на этом участке вскрыто по верхнему строительному горизонту восемь помещений полностью и два частично. Функционирование этих помещений по найденному материалу относится к концу XI – нач. XIII вв. Основным материалом для возведения стен помещений служили пахса, нарезанная на блоки размером 0,4х0,7 м, 0,5х0,8 м и жженный кирпич 0,45х0,45х0,04 м, 0,45х0,12х0,04 м. В ряде помещений в кладке стен использовался камень и куски плоского песчаника. Стены вскрытых помещений сохранились на высоту от 0,5 до 1,45 м.

Помещение 1.

Расположено в западной части Мунчактепа, имеет подквадратную форму. Его размеры: северная стена – 2,80 м, западная – 2,10 м, восточная – 2,40 м, южная – 2,60 м. Стены сложены из пахсы и обмазаны штукатуркой зеленоватого цвета.

Дверной проем в данном помещении отсутствует. В связи с этим можно сделать предположение, что оно функционировало как складское. Заполнение помещения состояло из плотной земли с включением кусков пахсы, угольков и костей животных. На отметке 0,6 м от дневной поверхности (1,65 м от общего репера) в помещении зафиксирован пол, который представлял из себя глиняную промазку зеленоватого цвета. Её общая мощность 0,13 – 0,15 м. В юго-восточном углу обнаружен хум. Из других находок отметим раскрашенную керамическую свистульку в виде стилизованной птицы.

Помещение 2.

Находится с южной стороны помещения 1 и имеет с ним общую стену. В плане помещение имеет подквадратную форму. Его размеры: северная и южная стены имеют длину по 3 м, восточная – 3,70 м и западная – 2,70 м. В ходе раскопок данное помещение получило условное название «конюшня» из-за нахождения здесь у северной стены кормушки, которая выложена из пахсы и имеет размеры 1,9х0,5 м по внутренней части и предназначалась для засыпки корма. В южной стене имеется проход, который соединяет его с помещением под № 3. Ширина прохода 0,95 – 1,0 м. Пол в помещении зачищен на отметке 0,7 м от дневной поверхности. Стены помещения покрыты мягкой штукатуркой зеленоватого цвета, которая дает выкружку на пол, где её толщина достигает десяти сантиметров. Западная стена помещения в своей южной части сохранилась плохо. Здесь имеется еще одно сооружение в виде кормушки, но меньших размеров. Оно отходит от западной стены на расстояние 0,9 м и из-за разрушения сходит на нет.

В процессе вскрытия помещения было установлено, что на последнем этапе его функционирования произошел сильный пожар. На наш взгляд это было связано с военными действиями. В пользу этого говорят найденные на полу помещения два каменных ядра диаметром 10 и 14 см. Между западной стеной и разрушенной кормушкой найден железный кинжал, а выше пола в завале рухнувшего свода найдена медная обшивка от щита. Целых сосудов в ходе раскопок в этом помещении найдено не было. В основном встречались фрагменты от крупных сосудов.

Помещение 3.

Расположено с восточной стороны от помещения 2 имея с ним общую стену, которая для помещения 3 является западной. Её толщина 1 м. В плане имеет квадратную форму. Его размеры: северная стена – 3,90 м, западная стена – 3,20 м, восточная стена – 3,20 м и южная – 3,90 м. Заполнение помещения состояло из рыхлой земли, в которой встречалось большое количество фрагментов как поливной, так и не поливной керамики. Пол в помещении зафиксирован на отметке 0,7 м / 1,75 м от общего репера. Он промазан глино-саманным раствором зеленоватого цвета и имеет мощность до 0,12 м. В северо-восточном углу найден целый керамический кувшин, стенки которого расписаны красной краской.

Помещение 4.

В ходе работ установлено, что помещение имеет прямоугольную форму и вытянуто с востока на запад. Его размеры 6х2 м. С южной стороны оно примыкает к южным помещениям 1 и 5. Восточная стена сильно разрушена и, по всей вероятности, в ней находился дверной проем. В западной части, на южной и северной стенах имеются выступы, имитирующие дверной проем, ведущий в расположенное здесь маленькое помещение. Его размеры: северная стена – 2 м, западная стена – 2,5 м, южная стена 1,3 м, и восточная стена – 1,2 м. В центре северной стены имеется ниша шириной 0,7 м, и глубиной 0,6 м. При зачистке в ней найдена монета, которая по определению Э.В. Ртвеладзе принадлежит к чекану «Бухар-худатов». Стенки ниши имеют красно-коричневый цвет, вероятно от длительного воздействия огня (что позволяет предположить наличие сандала). Под северным дверным выступом ниже уровня пола следы кострища с остатками пепла и угольков. Стены коридора сложены комбинированной кладкой из обломков сырцового кирпича (формат 15х30х3,5 см и пахса). Северная стена коридора возведена на остатках более ранних стен. В ней имеется дверной проем шириной 1,10 м, соединяющий с помещением № 6.

Помещение 5.

В плане имеет квадратную форму. Его размеры – 3,75х2,9 м. С северной стороны примыкает к помещению 4, а с западной стороны их разделяет восточная стена помещения 1. Стены помещения сложены комбинированной кладкой из кирпича (формат 45х12х? см) и пахсовых блоков (50х60 см). Они сохра-

нились на высоту 0,65 – 0,75 м. Пол помещения зафиксирован на отметке 1,7 м от общего репера, его мощность 0,07 – 0,09 м. В центре помещения на полу найдено большое количество фрагментов от поливной керамики. Керамическая крышка имеет вогнутую форму с грибовидной ручкой. Верхняя часть раскрашена. Диаметр 12,2 см. На расстоянии 1,3 м от западной стены найдена медная монета (неопределенная). На уровне 0,9 – 1,10 м от репера по всему помещению проходит рыхлый слой земли, а выше его на отметке 0,7 – 0,90 м завал из обломков кирпичей.

Помещение 6.

Расположено к северу от помещения 4, в юго-восточной части соединено с ним дверным проходом шириной 1,10 м. Имеет размеры 4,10-4,30х3,85 м. Стены помещения оштукатурены глино-саманным раствором толщиной до 10 см. В северо-восточном углу помещения выявлен выступ, сложенный из камня. В восточной стене, в её серединной части имеется керамический сандал, вмазанный непосредственно в неё. Южная стена помещения возведена на более ранней стене, которая служит ей фундаментом. Уровень пола на отметке 1,75 м от общего репера. Представляет собой выкладку из сырцового кирпича, по которой произведена обмазка из глиняного раствора зеленоватого цвета, мощностью 10-12 см.

Помещение 7.

Прямоугольное в плане помещение находится с восточной стороны от помещения 6 и имеет с ним общую стену. Для данного помещения эта стена является западной. Её длина 3,90 м. Восточная стена имеет длину 3,80 м, и сохранилась на высоту 0,7 м. Северная и южная стены имеют длину 3,30 м.

Стены помещения выложены комбинированной кладкой: нижняя часть – каменная кладка, верхняя часть из сырцового кирпича или пахсы (встречаются комбинации из всех трех компонентов).

Заполнение помещения включало в себя очень плотный слой земли мощность которого составляла 0,20 – 0,30 м. Далее до самого пола проходит мягкий слой земли в котором найдено большое количество неполивной керамики. Это стенки и венчики хумов, тагора и кувшинов. Пол в помещении зафиксирован на отметке 1,69 м от общего репера. Так же как и в других помещениях, он промазан глино-саманным раствором. В южной части помещения отчетливо виден его переход на южную сте-

ну. В юго-западном углу на полу найден кусок от каменной зернотерки, вдоль южной стены обнаружена керамика. В основной своей массе она поливная. Это донца и стенки тарелок, мисок, чаш и светильников.

В северо-восточном углу помещения прямо на полу расчищен большой кусок песчаника 90х75 см, который, по всей видимости, служил как разделочный стол. В северо-западном углу найдено большое скопление костей животных, которые находились в слое из золы и угольков. Между т.н. столом и свалкой костей у южной стены расчищен очаг, выложенный из пахсы и фрагментов жженого кирпича толщиной 4 – 4,5 см. Он имеет подквадратную форму и сохранился на высоту 14 – 16 см. В южной его части имеется место для выгреба золы. Внутренние стенки имеют красный цвет. Посередине помещения на полу найдено несколько железных предметов из которых три подаются определению. Это лезвие ножа, скоба и кольцо от двери.

Из поливной керамики отметим донце тарелки с кольцевидным поддоном. Диаметр донца 7 см. Черепок в изломе красно-коричневого цвета. На внутренней стороне, в её середине имеется круг из бирюзовых пятен. Общий фон тарелки белый.

Неполивная керамика из этого помещения представлена двумя сосудами, один из которых изготовлен из глины серого цвета и по форме мог являться горшком. Его размеры высота – 18 см, диаметр венчика – 20 см и диаметр дна – 9,5 см. Он имеет две ручки, которые крепятся и к венчику и к тулову сосуда. Второй сосуд – казан небольшого размера с двумя ручками. Дно отсутствует, боковые стенки сильно закопчены. Под копотью просматривается орнамент, выполненный красной краской в виде закругленных завитушек и сетчатой штриховкой.

Помещение 8.

Расположено к югу от помещения 2 и в северо-восточном углу соединяется с ним проходом, ширина которого 1,10 м. В плане оно прямоугольное. Размеры 2,80-2,50х5,65-5,60 м. Стены помещения, так же как и в других помещениях оштукатурены глино-саманой штукатуркой в несколько слоёв, мощность которых доходит до 10 см.

Помещение 9.

Расположено к югу от помещения 8 и в северо-восточном углу соединено с ним дверным проемом шириной 1,20 м. В

плане имеет трапециевидную форму. Его размеры: 2,80-1,40х2,90-3,75 м. На стенках зафиксированы остатки штукатурки толщиной до 3 см. Найдено большое количество фрагментов керамики: котлов, горшков, хумов.

Помещение 10.

Находится к востоку от помещения 8. Полностью не вскрыто. В плане подквадратное.

Раскоп 2.

Выбор места для производства археологических работ был связан с тем, что в юго-западной части Мунчактепа местными жителями при строительстве жилого дома была снесена юго-восточная часть памятника, откуда в дальнейшем производилась выемка грунта для хозяйственных нужд. Вследствие этих действий были уничтожены слои относящиеся ко времени раннего и развитого средневековья. В ходе произведенных зачисток на этом участке было вскрыто помещение размером 3-5х3-4 м. Стены помещения выложены из сырцового кирпича размером 0,32х0,32х0,12 м, 0,34х0,34х0,12-0,14 м. На стенах находилась глино-саманная штукатурка толщиной 0,03 м. Вход в помещение находился в северно-западном углу и связывал это помещение с длинным коридором, который по всей вероятности являлся стрелковой галереей. Само же помещение выполняло роль оборонительной башни, о чем свидетельствуют две бойницы в западной, одна в южной и три в восточной стене. Непосредственно на полу найдено пять медных монет относящихся к чекану кушанских царей.

По всей вероятности в раннем средневековье в этой части помещения происходит реконструкция, в частности закладывается и забутовывается стрелковая галерея и кушанское помещение с бойницами (башня). К северу от них возводится помещение с суфой, из которого по коридору (длина 5,50 м) можно попасть на крепостную стену (рис. 2).

В 2002 г., после тринадцатилетнего перерыва, раскопки на Мунчактепа были возобновлены. Раскоп был заложен к востоку от предыдущих раскопок (Р-1, Р-2) с дальнейшей перспективой их объединения и получил наименование Р-3 (рис. 3).

Помещение 1.

Находится с восточной стороны от раскопа 1 и имеет размеры 3,15х2,15 м. Стены помещения выложены из сырцового кирпича размером 35-36х18-19х5-6 см и пахсы. Вертикальные

швы между кирпичами имеют зазор в 1-2 см, горизонтальные 2 – 3 см. Кирпич клался в перевязку тычком и ложком. Расстояние между кирпичами зависело от толщины раствора, который клался в одном месте больше, в другом меньше. Стены помещения покрыты глино-саманной штукатуркой зеленоватого цвета, толщина которой достигает 5 – 6 см. Южная и северная стены в своей верхней части имеют слабо выраженный переход к эллипсу, что наводит на мысль о сводчатом перекрытии данного помещения.

Заполнение помещения включало в себя дерновый слой толщиной 0,1 – 0,15 м. Непосредственно под ним находился слой рыхлой земли светло-коричневого цвета, в котором встречались кусочки извести, угольков и гальки. Его мощность составляла 0,4 – 0,5 м. С отметки 0,65 м и до отметки 1,35 – 1,40 м проходит слой твёрдой земли, по всей вероятности это оплывшие остатки кирпичей рухнувших стен и свода помещения. В западной части к южной и западной стене пристроена суфа размерами 2,05x1,45 м, сложенная из сырцового кирпича, размер которого 0,35x0,18x0,06 м. На расстоянии 1,70 м от юго-западного угла в южной стене на уровне первого пола встроен сандал. Его размер: высота 0,3 м, ширина 0,45 м, глубина топочной камеры 0,25 м. Заполнение внутри сандала состояло из пепла и золы, а так же из обгоревших веточек какого-то дерева. Рядом с сандалом найдено лезвие ножа. Его общая длина 9,30 см, наибольшая ширина лезвия – 1,5 см. Черенок сохранился длиной в 1 см, остальная часть утрачена. Лезвие в сечении имеет треугольную форму. Здесь найдено еще несколько железных предметов. Это железный штырь, по форме напоминающий гвоздь. Железное кольцо диаметром 4 мм, которое могло использоваться для укрепления конской упряжи или как замочное ушко. Внутренний диаметр кольца 2 см. Бронзовый бубенчик найден в середине помещения. Имеет шаровидную закрытую форму, сверху имеет ушко с отверстием для продевания нитки. Диаметр тулова 2,5 см, толщина стенок 0,2 см. У западной стены на первом полу найдены глазурованный светильник и крышка от чернильницы по форме напоминающая медальон. Медальон-крышка имеет округлую, полусферическую форму. Наверху имеется навершие в виде шестигранника. Сбоку крышки, у её основания имеется петля – ушко для крепления её к резервуару самой чернильницы. Светильник покрыт свет-

ло-зеленой поливой и имеет граненый резервуар. К резервуару крепится ручка, на которой в верхней части имеется щиток-пятка, украшенный растительным орнаментом.

Остальной керамический материал из этого помещения представлен немногочисленными фрагментами поливной керамики. Всего найдено 17 фрагментов, из которых три донца от тарелок. Полива на фрагментах мутно-белая, бирюзовая и зеленая.

Помещение 2.

Расположено с западной стороны от помещения 1 и имеет общую стену. В плане имеет подквадратную форму – 3х2,5 м. Стены сложены комбинированной кладкой: с применением пахсы, сырцового кирпича и камня. Последний выкладывался вместо фундамента и в свою очередь предохранял от воздействия влаги. Непосредственно на фундамент ложился сырцовый кирпич размером 39-42х19х7-8 см, в два три ряда. Далее шел ряд пахсовых блоков размером 0,60х0,7-0,8 м, на которые снова выкладывался сырцовый кирпич в три ряда.

В отличие от помещения 1 штукатурка на стенах не сохранилась, за исключением юго-западного и северо-западного углов. Также в помещении 1, верхние слои помещения состояли из дернового слоя мощностью 0,1-0,15 м. С отметки 0,15 м и до отметки 0,4 м, проходит слой земли средней рыхлости, в котором встречаются мелкая галька, вкрапления извести и угольков. Керамический материал в этом слое представлен фрагментами неполивной толстостенной от хумов, горшков и тагора и поливной керамики от чаш, тарелок и светильников. В западной части помещения мощность этого слоя увеличивается и доходит до отметки 0,6 м от дневной поверхности.

От отметки 0,4 м у восточной стены и 0,60 м у западной начинается слой очень твердой земли, которая из-за сильного воздействия огня приобрела красно-желтый цвет и имеет свойство обожженной глины среднего качества. Этот слой перекрывает всю площадь помещения и по всей вероятности является остатками перекрытия данного помещения. В пользу этого говорят находки обгоревших балок, и следы камыша на кусках глины. Здесь же найдены фрагменты сырцовых кирпичей, которые из-за большой температуры приобрели качество жженого кирпича. Мощность этого завала составляет 0,3 – 0,4 м. Далее с отметки 0,75 – 0,80 м по всей площади проходит мощный го-

релый слой черного цвета, толщиной 0,18 – 0,20 м. Он лежит непосредственно на полу, который функционировал на последнем этапе жизни в данном помещении. Пол зафиксирован на отметке 1,68 м и представляет собой глиняную промазку, которая покрыта тем же раствором, что имеется на стенках помещения. Этот переход штукатурки – выкружка со стен на пол отчетливо фиксируется на всех стенах помещения. При зачистке этого слоя в нем были найдены фрагменты лепной керамики от кувшинов, тагора, крышек, горшков и хумов. Большая часть этой посуды разукрашена красной и черной краской и относится к так называемой «псевдотрипольской керамике».

У восточной стены расчищен лепной котел, горло которого было закрыто глазурованной тарелкой на кольцевидном поддоне. Рядом с ним находился еще один котел, но меньших размеров. На его стенках следы сильного закопчения, под которым имеется орнамент выполненный красной краской. Возле этих сосудов найдены две пары железных конских стремян и фрагмент лезвия ножа.

Вдоль северной стены и в северно-западном углу помещения на полу обнаружено скопление злаковых семян, по всей вероятности пшеницы и кунжута. Мощность этого слоя зерен достигает 0,3 – 0,4 м. В нем же обнаружено несколько фрагментов обуглившихся плодов яблок или груш. На самом полу найдены плоды фисташки, джиды и косточки урюка. Большое скопление керамического материала зафиксировано у северной и западной стен. В юго-западном углу стоял хум, который был раздавлен упавшей кровлей. Рядом с ним находился очаг, на котором стоял котел.

Помещение 3.

Расположено с западной стороны от помещения 2 и имеет с ним общую стену, которая для помещения 2 является восточной. Имеет размеры: длина – 3,2 м, ширина – 2,5 м. Стены сложены комбинированной кладкой: пахса и кладка из сырцового кирпича, размер которого 27х27х5 см, 39х19х6 см. Размеры пахсовых блоков 0,5х0,6 м, зазор между швами от 2 до 5 см. Все стены помещения в своей нижней части выложены из рваного камня выполняющего роль фундамента. Нужно отметить, что использование камня под фундамент продолжается местными жителями горных кишлаков и в настоящее время. На всех четырех стенах имеются следы сильного пожара. Штукатурка

на стенах не сохранилась, но в ходе раскопок она зафиксирована в завалах из кирпича и пахсы. Пол в помещении зафиксирован на отметке 0,8 м (1,85 м) и представляет собой глиняную промазку мощностью 0,06 – 0,08 м. Заполнение помещения почти аналогично заполнению из помещения 2. Первый пол зафиксирован на отметке 0,8 м от дневной поверхности (1,85 м). Его мощность колеблется от 5 до 8 см. Под первым полом на отметке 1,25 м расчищен второй пол. Заполнение между 1 и 2 полом включало в себя фрагментов сырцовых кирпичей и кусков обгоревших балок. Третий пол обнаружен на отметке 1,25 (2,55 м). Он представляет собой утрамбованный слой земли, который лежит на выкладке из сырцового кирпича (35x27x7-8 см), проходящий по всей площади помещения.

В северо-восточном углу находилось сооружение в виде очага сложенное из фрагментов сырцового кирпича. Его размер 0,6x0,5x0,2 м. На дне очага уложен кусок песчаника, размером 0,48x0,35 м, который выполнял роль жаровни и на которой, по всей вероятности пекли хлеб и жарили мясо. Огонь разводили под жаровней. Очаг использовался во время функционирования 1 и 2 пола. В последний период, на уровне первого пола топочная камера заметно уменьшилась, за счет забутовки между 1 и 2 полом. В южной стене имеется вертикальный дымоход диаметром 0,16 м. Его стенки сильно прокалены из-за воздействия высокой температуры и имеют красноватый оттенок.

На уровне первого пола найдено несколько сосудов целой археологической формы. Это чайник с очень широкой горловиной и одной ручкой. На его боковых стенках нанесена орнаментация из красной краски в виде растительных побегов. Рядом с очагом найден лепной котел. Его тулово имеет полусферическую форму, с двух сторон имеются наклепные ручки с отверстием посередине. Венчик подтреугольной формы. Тесто грубое с примесью шамота. Стенки сильно закопченные, под копотью имеется раскраска красной краской. Рядом с котлом лежали обломки раздавленного хума, который способствовал сохранению котла, т.к. принял удар, обрушившийся кровли на себя.

Помещение 4.

Расположено с южной стороны от помещения 1 и имеет с ним общую стену, которая для помещения 4 является северной. В ходе работ выявлено только три стены помещения: се-

верная имеет длину 2,40 м, восточная и западная раскопаны на длину 3,20 м.

Как и в помещениях 2 и 3 нижняя часть стен выложена из камней, которые посажены на глиняный раствор. На северной стене сохранились следы ремонтных работ, которые относятся к последнему периоду жизни в помещении. Выражены тем, что к существующей стене подведена подводка из камней, что-то типа контрфорса по всему периметру стены. Штукатурка на стенах сохранилась только в нижних частях, но отчетливо виден её переход со стен на пол.

Общая глубина вскрытого помещения составляет 1,80 м от дневной поверхности. После снятия плотного дернового слоя с отметки 0,35 м пошел рыхлый слой с включением угольков и кусков обожженной земли красноватого цвета. В северной части помещения он опускается до отметки 1 м и в западной части помещения его мощность увеличивается до 1,20 м. Этот слой лежит непосредственно на последнем по времени функционирования полу. Сам пол представляет собой глиняную промазку толщиной 3-5 см. С отметки 1,05 м в северной части и до отметки 1,45 м между первым и вторым полами проходит забутовка, в которой встречено большое количество костей животных, извести и фрагменты поливной и неполивной керамики. Пол 2 зафиксирован на отметке 1,45 м в северной части и понижается в западной части помещения на 0,20 м. Он промазан мягким глиняным раствором имеющий зеленоватый цвет.

Помещение 5.

Находится к востоку от помещения 4, а с северной стороны примыкает к помещению 2. Толщина стены разделяющей это помещение достигает 1,05 м. В помещении 5 северная стена имеет длину 3 м. Строительная техника возведения стен такая же, как и в остальных описанных помещениях.

В полевой сезон 2002 г. на Мунчактепа было вскрыто 4 помещения и 2 помещения частично. По археологическому материалу из этих помещений можно говорить об их функциональном назначении. Так, на наш взгляд, помещения 2,3 и 5 являлись хозяйственными. Из них второе и третье были кухнями, о чем свидетельствуют очаги для приготовления пищи, жаровня для выпечки хлеба и разделочный «стол» в помещении 2. В пользу этого говорят и находки тарной и кухонной посуды: хумов, хумчей, котлов, горшков и кувшинов. Здесь же находил-

ся и запас продовольствия, используемый для приготовления пищи (зерно, кунжут, фисташки, фрукты).

Помещения 1 и 4, по всей вероятности являлись жилыми. Об этом свидетельствует отсутствие керамического материала в этих помещениях и наличие суфы и внутривенного сандала в помещении 1.

Полученный археологический материал характеризует различные аспекты материальной культуры горных поселений. В основном это весьма разнообразная по форме и оформлению керамическая посуда, которая в свою очередь делится на столовую, кухонную, тарную и хозяйственную (табл. 1). К столовой посуде относятся чаши, блюда, кувшины и горшки. Данный вид посуды изготовлен из глины хорошего качества с хорошим обжигом. В свою очередь она делится на поливную и неполивную. Поливная керамика представлена чашами, ляганами и светильниками. Основную часть этой группы составляют чаши.

По форме венчика и тулова они делятся на следующие типы. Чаши с прямыми конически расходящимися стенками. Венчик чуть отогнут наружу. Диаметр венчика 14 – 23 см, донца 5,5 – 8 см. Чаши полусферические со слегка заостренным, прямым венчиком. Чаши с широким бортиком высотой 3 – 4 см слегка оттянутым наружу. Диаметр устья 20 – 24 см. Внутренняя поверхность чаш покрывалась белой, бело-мутной, светло-зеленой поливой.

Кувшины подразделяются на две группы – узкогорлые (диаметр венчика 6 – 8 см) с яйцевидной формой тулова. У кувшинов этого типа одна ручка крепится верхним концом к венчику, а нижним к тулову сосуда. Орнаментированы рисунками из красной краски, которые наносились по всей внешней стороне сосуда.

К тарной посуде относятся хумы, хумчи, тагора. Тагора представляют собой открытые усеченно-конической формы глубокие тазы, стенки которых вертикальные с небольшим отклонением в наружную сторону. На некоторых экземплярах венчики утолщены за счет валика, который проходит с внешней стороны. Встречаются экземпляры с подквадратной формой венчика с загибом наружу. Диаметр венчиков от 22 до 43 см. Высота от 10 до 16 см. Диаметр днищ от 17 до 30 см. Все сосуды изготовлены на гончарном круге с последующей доработкой ручным способом.

Котлы представлены фрагментами небольших, средних и больших форм. Встречаются котлы тонкостенные (0,5 см) и толстостенные (1,5 см) с ручками и без них. Наиболее значительную группу составляют котлы с загнутым вовнутрь, подтреугольным венчиком. Тулово шаровидной формы. Ручки крепятся в верхней части тулова и имеют ушкообразную форму. Встречаются ручки, имеющие подковообразную форму, изготовленные из двух жгутов.

На наш взгляд строительство Мунчактепа с самого первого камня фундамента задумывалось как крепость – форт для охраны проходящего здесь отрезка караванной дороги, идущей в северном направлении на Согд, а в северо-восточном направлении на Байсун, Денау и Гиссар. В южном направлении отсюда шла дорога на Шерабад. В этом районе совместной экспедицией Термезского музея и Института искусствознания им. Хамзы в 1987 г. была обнаружена крепость, которая в 1989 – 1991 гг. была раскопана археологом Ш. Рахмоновым и получившая название Тавка. С этого места караванная дорога разветвляется еще на три отрезка. Первый соединял с Термезом. Второй уходил на Кампыртепа и Шуроб Курган. Третий путь из Шерабада поворачивал на восток и вел в Сурханскую долину. Функционировал еще один – четвертый путь, не доходя до Шерабада сворачивающий на Пашхурт откуда можно было выйти на Келиф и Кампыртепа. По этой же дороге можно было попасть в Хамкан, где с древнейших времен добывали соль.

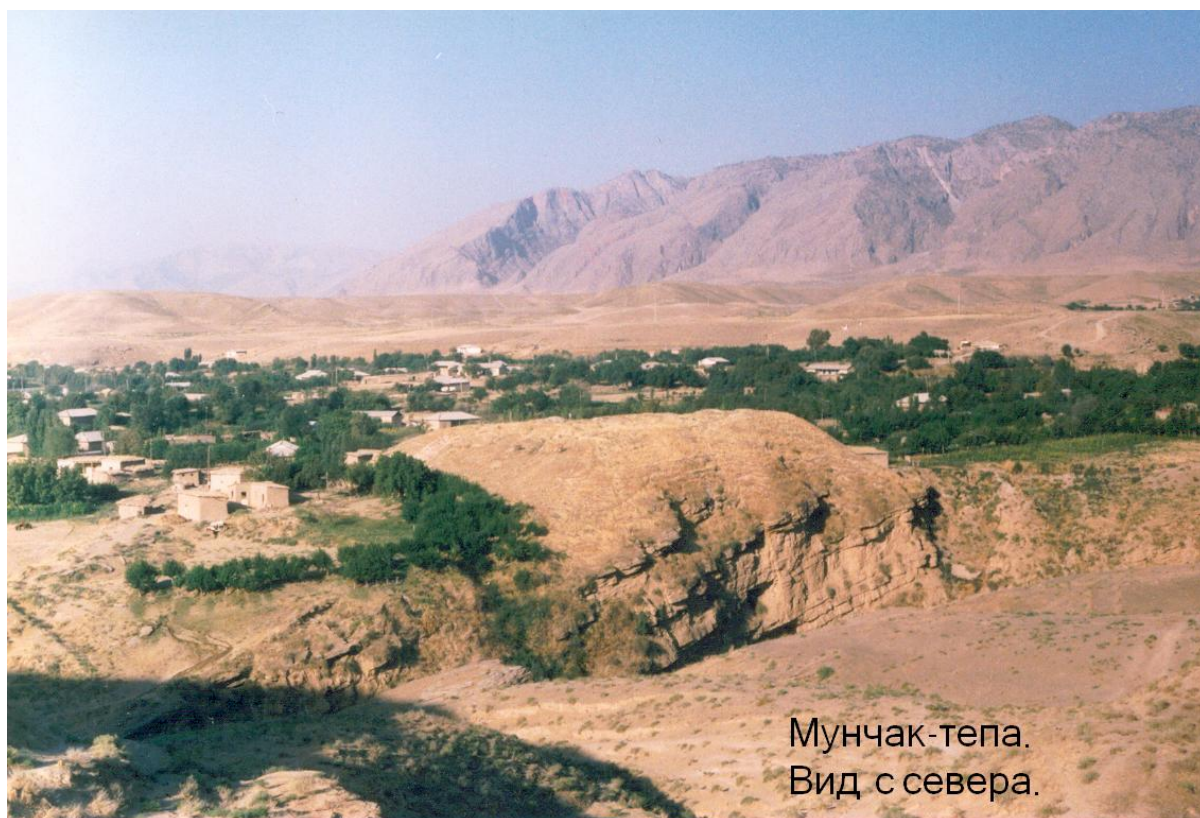

Фото 1.

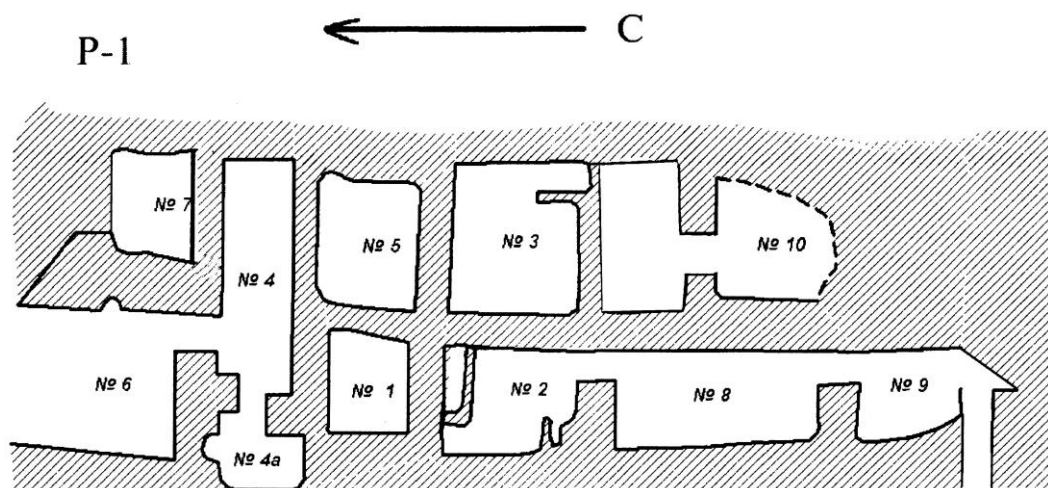

Рис. 1.

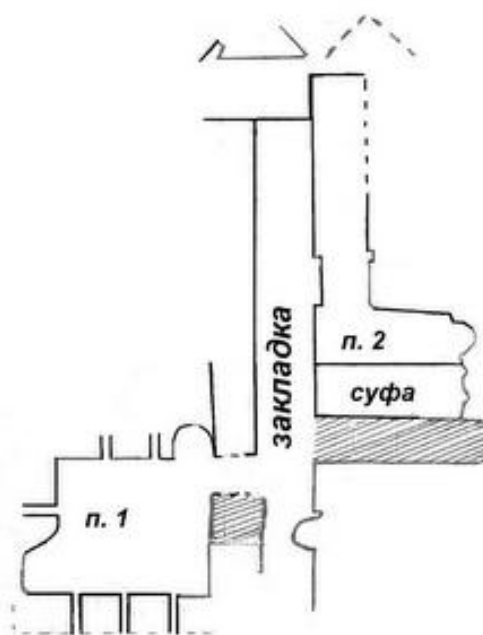

Рис. 2.

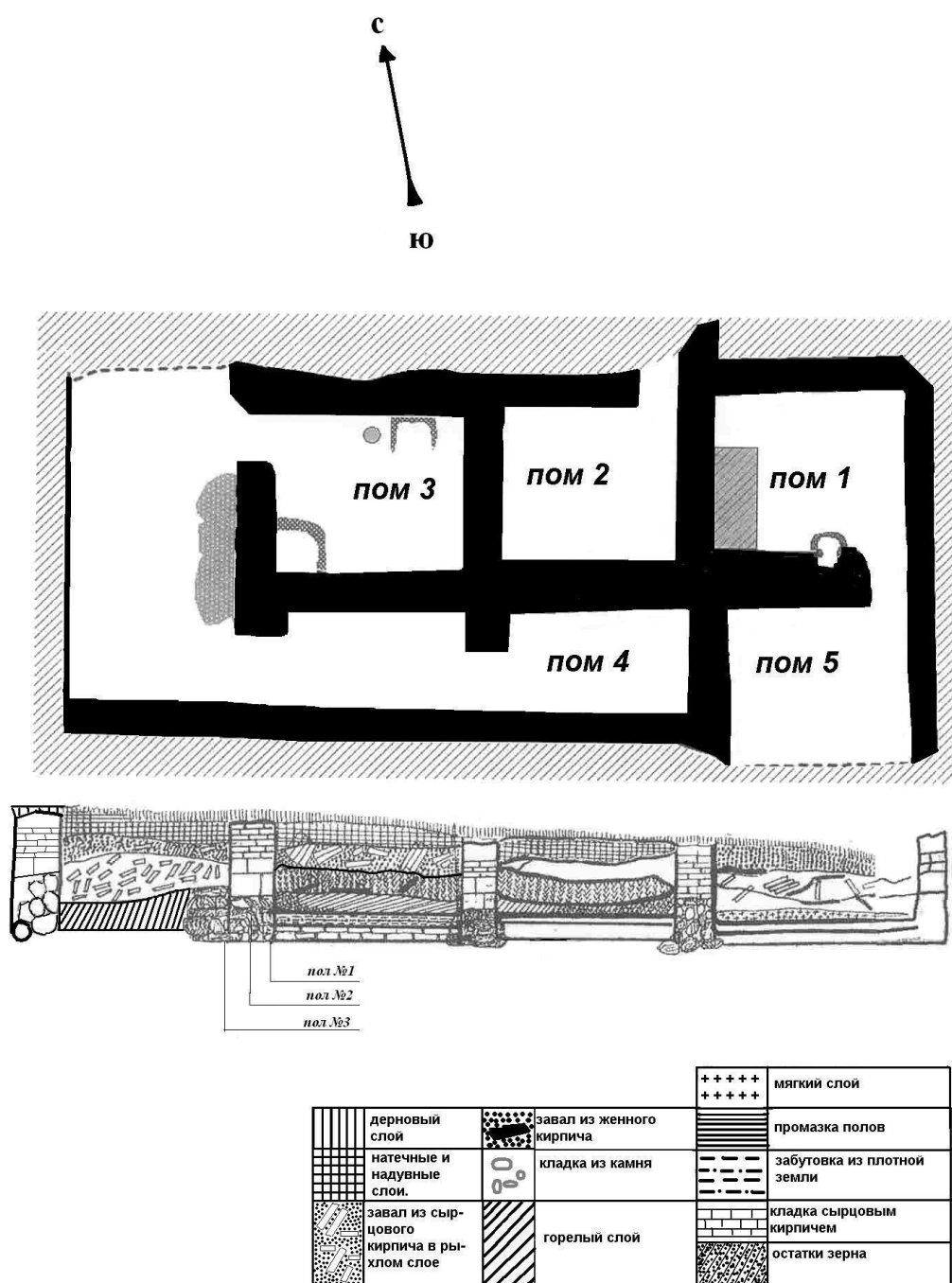

Рис. 3.

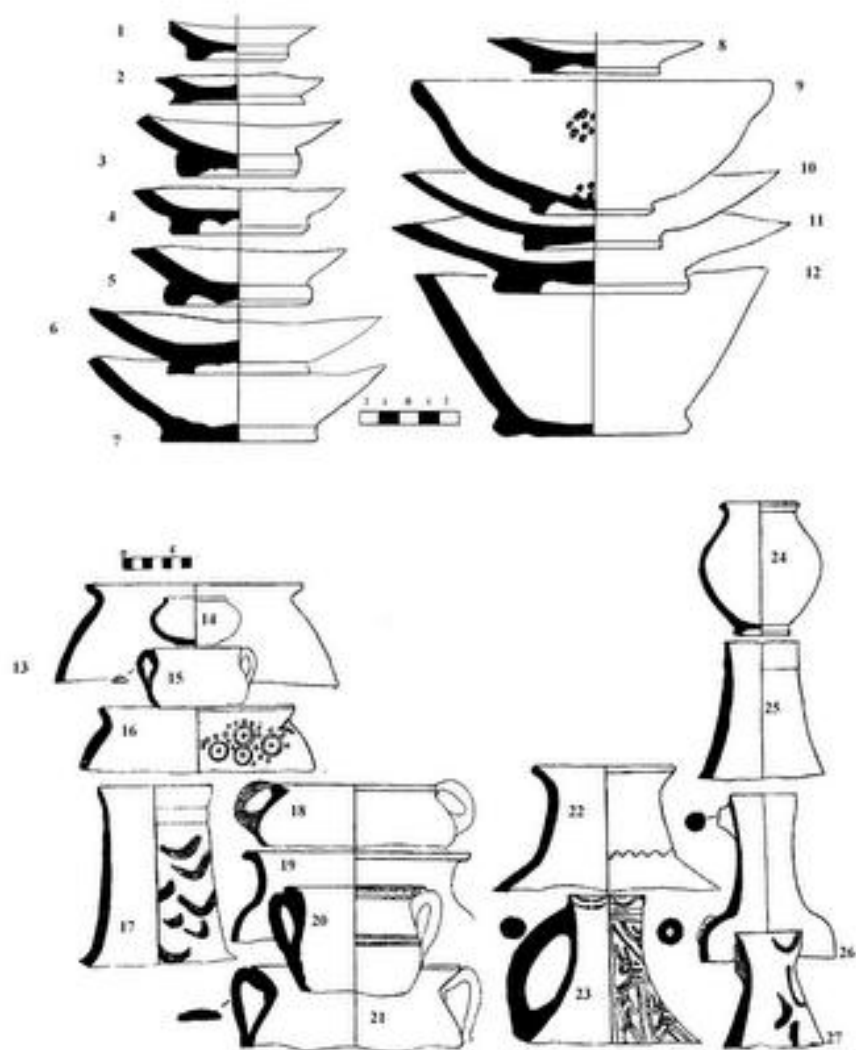

Таблица 1.

Список сокращений

- АДД** – Автореферат докторской диссертации
АО – Археологические открытия. М.
АРТ – Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад; Душанбе
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ДЮУ – Древности Южного Узбекистана. Ташкент
ЗРАО – Записки Русского археологического общества. СПб.
КД – Каракумские Древности. Ашхабад
КИДУ – Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. М.
КСИА – Краткие сообщения института археологии. М.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; М.-Л.
МКВ – Материальная культура Востока. М.
МКТ – Материальная культура Таджикистана. Душанбе
МКУ – Материальная культура Уструшаны. Душанбе
МПИ УзИскЭ – Материалы полевых исследований Узбекистанской Искусствоведческой экспедиции. Ташкент
МТЭ – Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент; Елец
НЦА – Нумизматика Центральной Азии. Ташкент
ОНУ – Общественные науки Узбекистана. Ташкент
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры. Москва - Новосибирск - Магнитогорск.
СА – Советская археология. М.
ТБНЭ – Труды Байсунской научной экспедиции. Ташкент
ТОВЭ – Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. СПб.
ТИИАЭ АН КазССР – Труды Института истории, археологии и этнографии Академии Наук КазССР. Алма-Ата
ТИИ АН УзССР – Труды Института истории Академии Наук УзССР. Ташкент
ТХАЭЭ – Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции. М.
ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ташкент
ЭВ – Эпиграфика Востока. М. - Л.; М.
АА – Arts Asiatiques. P.
DA – Dossiers d'Archeology. P.
GH – Geographica Historica. Stuttgart

JRAS – Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain. L.
MDAFA – Memoires de la Dèlègation archèologique française en
Afganistan. P.
SN – Scientific American. N.Y.
SRAA – Silk Road Art and Archaeology. Kamakura, Japan

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	4
Основные даты жизни и деятельности.....	5
Экспедиционные работы В.С. Соловьёва.....	6
Опубликованные работы В.С. Соловьёва.....	8
Работы редактированные В.С. Соловьёвым.....	29
Литература о В.С. Соловьёве.....	30
<i>Беляева Т.В.</i> «Дом огня» в городе Каялыке.....	31
<i>Болелов С.Б.</i> Производственный центр эпохи эллинизма на цитадели Кампыртепа.....	48
<i>Горин А.</i> Стратиграфический шурф на городище Ялангтуштепа в 2006 г.....	80
<i>Дзуреченская Н.Д.</i> Археологический комплекс на юго-западе жилого блока-квартала I «нижнего города» Кампыртепа.....	102
<i>Ильясов Дж.Я.</i> Раскопки на северном некрополе Дабиль-Кургана.....	122
<i>Лунева В.В.</i> Технологические приемы изготовления ювелирных украшений среднеазиатского двуречья эпохи бронзы-античности.....	153
<i>Никитенко Г.</i> Россия-Туркестан: археологический аспект.....	162
<i>Ртвеладзе Э.В.</i> Маршрут Сюань-цзана по Средней Азии.....	177
<i>Соловьёв В.С.</i> Фрагмент сабли из южного Таджикистана.....	197
<i>Тихонов Р.</i> К вопросу о датировке раннеэллинистических керамических комплексов Бактрии.....	202
<i>Шагалина Н.</i> Божества умирающей и возрождающейся природы в коропластике Бактрии.....	217
<i>Шейко К.</i> Крепость Мунчак-тепа в Сайробе.....	227
Список сокращений.....	245

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ТОХАРИСТАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Выпуск 8

Технический редактор – Н. П. Безногих

Техническое исполнение – В. М. Гришин

*Переплет и обложка выполнены
в МУП "Типография" г. Ельца*

Лицензия на издательскую деятельность

ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.

Формат 70 x 108 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.

Усл.-печ.л. 15,8 Уч.-изд.л. 16,0

Тираж 500 экз. (1-й завод 1-60 экз.). Заказ 105

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28